

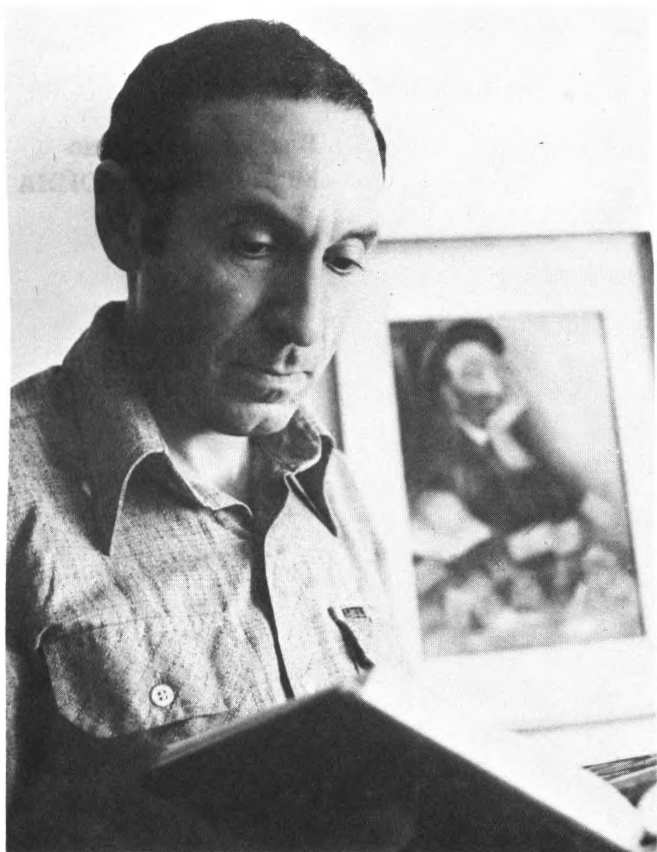
ВЛАДИМИР ЛАЗАРИС • МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

ВЛАДИМИР ЛАЗАРИС
МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

Владимир Лазарис
МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

Владимир ЛАЗАРИС — журналист, писатель, поэт и переводчик. Родился в Москве в 1947 году. Получил юридическое образование. С 1977 года живет в Израиле, постоянный сотрудник радиостанции "Голос Израиля" на русском языке. Автор сборника стихотворений "Проводы", антологии "Еврейская поэзия средневековой Испании", документальной книги "Диссиденты и евреи" и двух повестей об израильской армии — "Резервисты" и "Бункер".

ВЛАДИМИР ЛАЗАРИС

МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

БИБЛИОТЕКА - АЛИЯ

1984

Printed in Israel

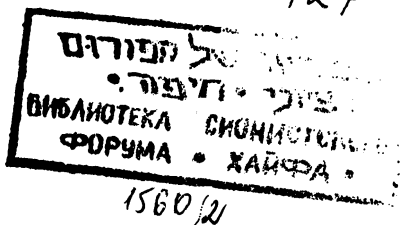
My First War
V. Lazaris

מלחמתי הראשונה
ו. לזריס

Редактор С. Тартаковская

עיריית חיפה
מחלקת תרבות והנחלה
מחלקת ספריות
מחלקת ספריות - חיפה
מס. מלאי.....

727

©

All rights reserved
by V. Lazaris, 1984

ספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

OCR Давид Титиевский, декабрь 2019 г., Хайфа

*Памяти моего отца, прошедшего
три войны, и моим сыновьям
Рафаэлю и Асафу, еще не знающим,
что такое война.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Ал. Воронель.	9
-----------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вл. Лазарис. Лето в Ливане. (Записки резервиста). . .	21
---	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пехотинец. Б. Давыдов	65
Водитель танка. М. Горенштейн	73
Артиллерийский наводчик. К. Скоблинский	78
Врач. И. Асс	83
Сапер. Ю. Портной.	86
Артиллерист. Б. Залесский	90
Санитар. А. Гулькаров.	97
Разведчик. И.	108
Шофер. В. Гурович	112
Десантник. И. Брудный.	117
Водитель танка. Д. Михелашвили	121
Врач. Ж. Авербух	126
Артиллерийский наводчик. Э. Курин	131
Пехотинец. С. Сариков	133
Санитар. Ц. Шахар.	138
Шофер. В. Фрейтер	143
Танкист. С. Дризлих	148
Сапер. Я. Саулкин.	157
Техник связи. В. Магдер	165
Десантник. И. Койфман.	171
Артиллерийский наводчик. Д. Хубелашвили . . .	175
Связист. М. Герцман	180

Вместо эпилога. Вл. Лазарис.	187
--------------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

В обыденной жизни от множества мелких забот и незначительных разговоров мы теряем ощущение смысла и цели, перестаем различать высокое и низкое, важное и пренебрежимое. Хорошая книжка может встряхнуть и напомнить...

Прошло уже более десяти лет с тех пор, как множество людей покинуло СССР. Некоторые из них прижились в Израиле настолько, что способны писать о жизни здесь, о нашей жизни, а не о невозвратном прошлом. Такой человек пишет о жизни, которая нас окружает, но в его тексте невольно присутствует сравнение: он знал и другую жизнь, он не может забыть, даже если захочет. Это неявное сравнение наполняет его наблюдения особым смыслом, придает его описаниям оттенок тайного знания. Его внимание невольно выхватывает из беспорядочной картины то, что он менее всего ожидает увидеть, исходя из норм той, уже потусторонней для него действительности. Командир инструктирует солдат перед боем: "Одна из наших главных задач — вернуться домой целыми и невредимыми!". Такое замечание, может быть, не остановило бы внимания писателя-американца. "Поэтому делайте то, что вам говорят, и никуда не лезьте без команды". — Здесь новое для русского выходца обоснование воинской дисциплины. С этого, в сущности, и начинается новая книга Владимира Лазариса "Моя первая война". Этим, в сущности, она и кончается: "... побеждает тот, кто остается в живых. А каждый знает, что остаться в живых можно только, если воевать, а не бежать". Так говорит моло-

дой десантник родом из Вильнюса, историк по специальности. Действительно ли каждый знает, что бегство не спасает? Или, может быть, только историки по специальности?

Книга Лазариса представляет собой короткий военный дневник и двадцать два интервью, взятых у солдат — выходцев из Советского Союза. Автор проявил замечательную чуткость к собранному им материалу, не заслонив картину своим дневником, а сделав его экспозицией, введением в обстановку Ливанской войны. Тон дневника подготавливает читателя к оглушительному шуму разных голосов в интервью, и потому намеренно негромкий. В противоположность бесчисленным перепевам на тему "мы и они", которая подчеркивает неукорененность и популярна не столько у нас в Израиле, сколько в американской эмигрантской литературе, "мы" Лазариса безусловно включает весь Израиль. В этом автор не отличается от героев своих интервью.

Прочтение книги провоцирует мысль, что, быть может, война, или, еще конкретнее, армия спланирует надежнее, чем прожитые в стране годы, успехи по службе и знание языка. Мы вместе живем и вместе воюем, значит, мы — один народ. Это не столько силлогизм, сколько чувство. Как всякое чувство, оно сильнее разума и оно господствует во всей книге. Разум же подсказывает каждому свои собственные наложения на этот стержень.

Большинство из интервьюируемых — молодые ребята, так что они, в сущности, уже не "русские", а израильтяне. Это очень заметно по той свободе, с которой они признаются в своих страхах, как и по той свободе, с которой они рассуждают о войне и политике.

Такая книга никогда еще не появлялась на русском языке, и русскоязычный читатель впервые может найти в ней не только правду об Израиле, но и новую для себя правду о жизни вообще.

Что такое правда? Прежде всего забудем о том,

что в СССР нас учили, будто бывает правда "наша" и "не наша". Правда — одна. Затем придется отказаться также и от внушенной всей русской литературой от Толстого до Солженицына мысли, что правда проста. На деле оказывается, что с одной стороны..., а с другой стороны... Простоты у нас никак не получится.

Правда жизни состоит в том, что люди ее не знают. Но те, кто ее ищут, к ней ближе, чем те, которым она безразлична. И книга Лазариса поражает прежде всего ощущением значительности жизни, которую он описывает. Из двадцати двух израильских солдат, бывших выходцев из СССР, все двадцать два не только имеют каждый свое представление о правде, но и проверили эти представления в ситуации пограничной между жизнью и смертью. То есть их представление о правде взято не из книжки, которая советует быть, скажем, добрым или расчетливым, а добыто в борьбе между воспитанными или навязанными понятиями и собственным страхом и готовностью к риску.

Старшее поколение выходцев из СССР, которые помнят войну и воспринимают ее только как смерть, узнают из этой книги, что война может быть увидена также и как жизнь. Как тяжелая и опасная ее форма, но дающая людям какое-то особое знание сути жизни и правды. Поэтому их представление о справедливости тоже иное, чем у людей, не прошедших через этот опыт и не намеренных пройти через него в будущем.

Вот что говорит танкист: "Когда смотришь на разрушенный дом — душа болит. А тут еще дети вокруг, которые в этом доме жили... Но, если спрашивать себя: "Почему разрушен?", — ответ ясен. У всего есть своя цена. Те, кто нападают, платят свою цену, те, кто защищаются — свою... Ливанцы заплатили за свою глупость, за то, что дали террористам хозяйничать на их земле... ты стреляешь, в тебя стреляют — все поровну. Начинаешь относиться к этому, как к работе. Работу надо сделать — вот и все... и палестинцы и арабы — тоже люди. Такие же, как мы... Как можно ненавидеть целый народ?"

Голос пехотинца: "Что я чувствовал? Что мне приходится стрелять в ребенка... Я, конечно, готовил себя к тому, что иду на войну, что буду стрелять, может, даже в ребенка... но я не знал, ...что придется иметь дело с детьми... нам с самого начала дали приказ — ни женщин, ни детей, ни стариков не трогать. Нам только не сказали, что эти самые дети будут стрелять в нас... Настоящие убийцы... ребенок как овца. Куда пастух, туда и он... Перевоспитывать их надо..."

Голос десантника: "Был приказ стрелять только по тем, кто стреляет в нас. Но мы стреляли и тогда, когда замечали что-нибудь подозрительное... я хотел, чтобы там было как можно меньше людей — неважно, террористов или нет, потому что я вообще не хочу ни стрелять, ни убивать. Конечно, если уж приходится... С кем мы сражались? С арабами... Я их никак не разделяю. Араб — это враг. И те, что живут в Самарии, Иудее и Газе — тоже..."

Связист: "... в ту минуту, хоть и страшно, но ты как-то собран, в тебе поднимается злоба против тех, кто в тебя стреляет, и хочется их убить. Я стрелял по живым людям, но для меня они были только мишенью... И было только одно желание: заставить их замолчать. Навсегда... Некоторые сдавались. Нам было приказано не стрелять, если человек бросает оружие. Я совру, если скажу, что у меня не было желания нарушить этот приказ... Жена и дети, конечно, очень обрадовались, когда я вернулся. Я им ничего не рассказывал... Не хочу, чтобы мои дети ненавидели арабов только потому, что они — арабы..."

Какой же вывод? Ведь эти свидетельства не только противоречат друг другу, но и каждое в себе самом заключает противоречия. И все они имеют право на существование, потому что за каждым свидетельством стоит человек, который живет и рискует своей жизнью.

Как замечательно заметил 20-летний танкист: "Чувствуешь, какой машиной ты правишь...". Все ли люди чувствуют, какая машина ответственности катится вместе с ними по Земле и как значительны на самом

деле их поступки... Вернее, как незначительны они в подавляющем большинстве случаев, как мало продуманы их мотивации, как мелки принимаемые в расчет обстоятельства. Мы живем в таком месте и в такое время, что каждый невольно задумывается... Не в этом ли наша правда? Но достаточное ли это оправдание нашей жизни в Израиле? Для того ли мы привезли сюда своих детей?

Мне кажется, за ответом следует обратиться к самим этим детям. К тем, кто еще не ищет тихой пристани. Кого жизнь еще не придавила, не контузила. Тот же двадцатилетний танкист говорит: "...мы выскочили (из подбитого танка) через верхний люк... очутились на совершенно открытом месте... Сразу подъехал бронетранспортер, чтобы нас забрать. Там была дикая теснота... Наверху двое парней стреляли из пулеметов, и еще одно место было свободно. Вначале я был немного в шоке, хотелось забиться в какой-нибудь угол... я взял автомат и поднялся... У бронетранспортера стены, как бумага — лучше уж стоять наверху". — Он, как и наш историк-десантник, откуда-то знает, что спрятаться — не поможет. Смерть достанет и тех, кто забьется в самый тихий угол. К тому же в тихих углах — "дикая теснота". Это такое знание, которое двадцатилетний парень не вычитал бы в книгах.

Что еще? Каково содержание той жизни, которой рискуют израильтяне? Каково их отношение к своим целям и задачам в Ливане? Каков итог этой войны?

Связист: "...наверно, в каждом из нас есть вера... В гражданской жизни этого даже не замечаешь, потому что там ты полагаешься в основном на самого себя, и нет необходимости обращаться... я даже не знаю, как это определить... к помощи извне, свыше... Когда видишь невероятное количество оружия (которое террористы запасли в Ливане)... знаешь, что все это оружие было приготовлено, чтобы убивать израильтян... начинаешь понимать, что все жертвы, которые были и еще будут, не напрасны".

А это артиллерист: "Враг врагом, но разрушать всю

страну из-за того, что он там обосновался, тоже не дело... У каждого есть мать с отцом, жена, дети. Конечно, если поставить его детей против наших, я буду думать не о его детях, а о наших. Я о них там все время и думал. Для того и воевал..."

Десантник: "Я — не крайне левый, хотя с самого начала был против этой войны... Всегда чувствовалось единство, всегда знали, ради чего воюем. Первый раз в нашей части произошел такой глубокий раскол... сказали, что нашу часть, видимо, перебросят к Бейруту. Тогда некоторые ребята, включая наших офицеров, заявили, что они готовы сесть в тюрьму, но на Бейрут не пойдут... Я всегда был того мнения, что приказ нужно выполнять, если только он не заставляет меня совершать что-то бесчеловечное".

Техник связи: "Я вообще сторонник крайних мер, а войти в Ливан — на самом деле мера крайняя, но нам необходимо установить там сильную власть и убрать оттуда террористов подальше".

Шофер: "Получается, что и я как бы немного своей крови отдал. А то ведь я приехал в Израиль на все готовое. Вот и представился случай себя показать. Живешь, мол, не зря, даром свой хлеб не ешь!"

Сапер: "Дикое чувство от безысходности. Ведь после Войны Судного дня все почему-то считали, что это последняя война... Война в Ливане тоже не последняя. Израиль мне очень напоминает какой-то громадный военный лагерь. В средневековье были такие государства, которые вели войны, этим они жили. Вот и я в такой стране живу. А остаюсь здесь потому, что очень ленив и никуда отсюда не поеду".

Есть ли какой-нибудь общий знаменатель, который объединил бы все эти противоположно направленные убеждения, ощущения, веры? Или в сумме все эти силы, погашая одна другую, дают полный и окончательный нуль?

Я уверен, что сумма не равна нулю. Мы не случайно самое сильное государство на Ближнем Востоке, несмотря на нашу немногочисленность. Отсутствие на-

вязанного единства взглядов только подчеркивает реальную готовность к единству действий. Еще точнее — к единству образа действий, который в корне отличается от образа действий несвободных людей. "Я того мнения, что приказ нужно выполнять" — говорит десантник — наиболее радикальный противник войны в Ливане. И он же подчеркивает, что это единство поколебалось у нас впервые именно вследствие чрезмерной односторонности.

Автора и его героев объединяет то осознание свободы как ответственности, которое так редко ощущалось нами в СССР и которое отсутствует в большинстве случаев у советских иммигрантов в других странах. Все интервьюируемые, высказывая свое мнение, понимают, что оно небезотносительно к политической ситуации и может изменить счет. Все они думают не о пустяках. Так или иначе, они понимают, что участвуют в Истории.

Зачем это им нужно? — возможно, спросит кто-нибудь. Действительно, я не уверен, что это нужно всем. Но я уверен, что это нужно очень многим людям, в том числе и таким, в которых этого не заподозришь. Человек вообще не может жить только хлебом насущным, даже если он выглядит отъявленным материалистом. Человек — существо историческое и продолжает оставаться таковым даже в 20 веке.

Сапер-философ слукавил, говоря, что не бросает наш военный лагерь только потому, что ленив. Читая его интервью, видишь, что есть и другие мотивы, которые держат его в Израиле. Заметив, что Израиль напоминает одно из средневековых государств, живших войной, он не упомянул, что последние были государствами свободных людей, в отличие от всех остальных, населенных рабами. И, хотя они часто бывали несправедливы к побежденным, современные представления о чести и справедливости Европа получила от этих военизированных объединений, а не от мирных деспотий. От буйных норманнов, свирепых англосаксов и разбойников-швейцарцев получила Европа

зачатки демократии. От викингов, рыцарей и ландскнехтов, а не от серфов, смердов и крепостных, которые составляли подавляющее большинство остальных богоспасаемых королевств и были свободны от военной службы, так же, как и от всех остальных гражданских прав. Собственно, главным признаком, отличавшим свободного человека от раба в средние века, было ношение оружия и владение им.

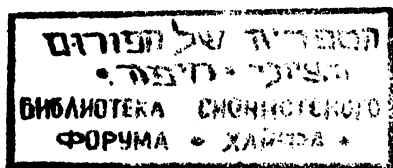
Так же и мы, на много веков раньше, унаследовали свои библейские заветы и идеи справедливости от кочевых племен, сорок лет скитавшегося по пустыне. И у нас так же, как у этих скитальцев, то, что тяжелым выбором было для отцов — горшки с мясом в Египте или вечные войны в Пустыне — превратилось в однозначное и естественное для сыновей. Они стали свободными членами воинственного племени и, как всякие свободные люди, слишком "обленились", чтобы пойти обратно на службу к фараону. Можно и так представить дело, чтобы не впадать в патетическую интонацию. Но можно и иначе...

Гораздо интереснее, чем внешнее сходство Израиля с военным лагерем, отмеченное сапером, оказывается то фундаментальное отличие, которое бросается в глаза в высказываниях всех участников войны. В том числе и самого сапера. Дело в том, что Израиль уже пережил пять войн и каждый израильтянин в среднем участвовал в двух-трех войнах, 30-60 дней в году он проводит в армии, и, несмотря на все это, мы не видим никаких признаков огрубения души у наших "ландскнехтов". Я специально употребил этот средневековый термин, чтобы показать, насколько он не подходит для характеристики наших солдат с человеческой стороны. Все они сходятся в своем человеческом отношении к мирному населению и даже к побежденному врагу. Пожалуй, это единственный пункт, где достигается всеобщее согласие. "Сначала он — человек, а уже потом — террорист". "Зачем зря человека убивать?" Все они сходятся на том, что отвергают войну, ненавидят жестокость и жажду мести. "Фалангисты так

говорят: отомстил через 80 лет — рано отомстил! Такая у них культура, такое воспитание...” И это после 35 лет непрерывного напряжения, заполненного угрозами (и попытками время от времени) вырезать все население Израиля или “сбросить его в море...” Уже чего только не выдумывали западные журналисты о бесчинствах израильской военщины в Ливане, как же не пришло им в голову сообщить хотя бы о нескольких случаях грабежа или насилия? Было бы больше похоже на существующую практику всех остальных армий. Трудно все-таки удержаться от мысли об уникальности еврейского опыта в истории...

Я уверен, что эту книгу переведут на многие языки, но с самым большим интересом ее прочтут в России.

АЛЕКСАНДР ВОРОНЕЛЬ

1560/2

”На войне одну четверть составляет реальное соотношение сил, и три четверти – моральные соображения”.

(Из письма Наполеона Бонапарта)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕТО В ЛИВАНЕ
(Записки резервиста)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Привычная и всегда удивительная трансформация: еще несколько часов назад ты лежал с женой на белых простынях, согревал воду для бритья и разгуливал по своему дому, спокойный и свободный. И вот — ни жены, ни простынь, ни горячей воды, ни дома, ни спокойствия, ни свободы. "Есть те, кто отдает приказы, и те, кто их выполняет", — так сказал командир роты. И дальше: "Одна из наших главных задач — вернуться домой целыми и невредимыми. Поэтому делайте то, что вам говорят, и никуда не лезьте без команды". Еще два выступления — комбата и комдива. Та же мысль — берегите себя. По глазам видно, что все думают об одном — уцелеть, выжить, скорее вернуться домой. Ни шуток, ни анекдотов. Щелканье патронов, загоняемых в обоймы. Они предназначены для того, чтобы убивать людей. "Не людей, — поправляет себя сосед, — а террористов".

Вторая тема всех политбесед — предостережение мародерам. "Во время розыска террористов, — сказал комдив, — самый серьезный поиск иногда ведется по шкафам и ящикам. Многие дома брошены, там есть разное имущество, ценности. Ничего не трогать и не брать с собой". Об этом тоже думают. И говорят. "У меня племянник золотое кольцо пронес. Маленькое такое колечко. Бросил во фляжку и пронес". "А я килограмм золота хочу. И больше ничего". Достают карманный компьютер и считают: унция — 300 долларов, всего выходит десять тысяч. Доллары умножаются на шекели. Получается на новую машину. Вопрос только в том, где лежит этот килограмм и как его пронести через границу? "Шарят во всех местах.

Догола раздевают. Один привязал транзистор между ног — нашли!" Пожилой киббуцник не выдерживает: "Да я бы таких на месте убивал! Армию позорят!" Искатель золота обижается: "А что такого? Зато будешь жить как человек. Ну взял, и что? Это — трофей, понял? Положено!" Теория против практики. Тихий, белесый человечек мочится над канавой и неизвестно кому говорит: "Камушки, камушки надо искать". Повторные объявления по радио: каждый солдат, имеющий при себе незаконно приобретенные вещи, будет немедленно предан военно-полевому суду.

Пустые коробки из-под патронов, вскрытые консервные банки, поиски лишнего НЗ. Мухи. Планы меняются каждые два часа. Ходят самые невероятные слухи. Одни говорят, мы просидим еще несколько дней в этом лагере, другие уверяют, что вот-вот отправимся в Ливан. Споры о политике: двадцатичетырехлетний лейтенант, сторонник движения "Мир сегодня", отбивается от оппонентов. "Нельзя отказываться от надежды на мир, — доказывает он, — надо добиваться компромисса..." "Какого компромисса? — кричат ему. — Забудь это слово. Хочешь все отдать арабам — так и скажи! Никаких компромиссов! Арабам не компромиссы нужны — им наша земля нужна! Вся! Ты им Иерусалим тоже отдашь?" Споры о войне. Перед уходом на фронт спорят о том, нужна ли эта война и справедлива ли она. Последняя сводка из Бейрута: 28 наших ранено во время ночного обстрела, трое умерло к утру. Общий выдох и тишина. "Еврею запрещено быть фаталистом, — сказал один из участников недавнего спора, преподаватель религиозной школы. — Еврей выполняет то, что ему предписано свыше". Опять: Тот, кто отдает приказы, и те, кто их беспрекословно выполняют.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Вторые сутки мы между "где-то тут" и "где-то там". Не снимаем ботинок, не пьем горячего, обалдеваем.

Вдруг к вечеру грузимся на автобусы и выезжаем. Дорожная шутка: узнав о том, что мы выступаем, Арафат получил инфаркт. Несколько часов езды, и короткая остановка около Хайфы. На горе мерцают огоньки киббуца, в котором живет наш рыжий пронырливый старшина Фукс. Говорят, он специально изменил маршрут, чтобы еще раз заскочить домой. Полтора часа сидим в закусочной, пьем пиво, колу и обедаемся напоследок лепешками со шницелями. Молодой хозяин закусочной ошалел от привалившей удачи. Жена его еле успевает считать деньги и давать сдачу, а двое маленьких сыновей носят лепешки и бутылки. По телевизору начались новости, и сразу все замолчали: показывают палестинские "катуши" в действии. "Сукины дети", — бормочет кто-то сзади. Старшину встречают радостными криками: "Фуксик, успел?", "Фуксик, сколько раз засадил?" Еще час езды. Остановка в какой-то роще. Выстраивается каре из автобусов, грузовиков, тендеров, внутри — коконы спальных мешков, в мешках — мы.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

С рассветом пересекаем погранзаставу в Рош ха-Никра и въезжаем в Ливан. Все очень буднично. Из Израиля в Ливан — как из Бельгии в Голландию. Знаменитая железнодорожная линия Каир — Бейрут тянется вдоль побережья в метрах 50 — 70 от воды. Рельсы ржавые, но целые. Побережье пустое, тихое. Море облизывает каменные выступы и валуны. Ни души. Команда: смотреть по сторонам и быть начеку; автомат, пояс и каску держать под рукой. Мы едем вслед за войной. Воронки от снарядов посреди заброшенной апельсиновой рощи, рухнувшие столбы и оборванные провода, низкие каменные домики с плоскими крышами. Почти в каждом доме стены источены пулевой оспой, рассечены осколками, пробиты снарядами; за выбитыми стеклами кое-где мелькают белые занавески. Первые

ливанцы — худые усатые мужчины и измученные женщины — смотрят устало и равнодушно. Маленькие дети машут руками, солдаты бросают им халву и леденцы из своих сухих пайков. Ландшафт сильно напоминает Израиль. Да ведь это и есть продолжение Галилеи. С утра жарко, однако здесь нет такой влажности, да и ветер прохладней.

С окраины Тира и до Сидона, древнего финикийского порта Сайды, тянутся сожженные, полуразрушенные дома, магазины, гаражи и мастерские — тут поработали наши ВВС. Разваленных до основания домов совсем мало — с дороги видно два-три. Но у многих пробиты крыши, рухнули стены — издали похоже на старые театральные декорации. На крышах и заборах уцелевших домов торчат белые флаги. Белые тряпицы развеваются и на антеннах проезжающих машин — жители возвращаются из Бейрута на юг, торговцы и ремесленники везут на продажу свой товар. Вдоль дорог бесконечное автомобильное кладбище — разбитые, покореженные, расплюснутые образчики автомобильной продукции всего мира. Есть машины, у которых не хватает лишь ветрового стекла, либо дверцы, или фонарей. Но и они брошены на дорогах. Тертые ребята-автомеханики тащат в свои гаражи все, что можно быстро починить и продать. Каждое второе предприятие — авторемонтная мастерская, где паяют, заваривают, клепают, подкрашивают. Свои машины есть почти в каждом дворе, какими бы бедными ни выглядели его обитатели. В Ливане машина превратилась из средства передвижения в дом, где живут неделями и месяцами целые семьи. Переезжают с места на место и возят за собой весь свой скарб. Вот еще одна машина проехала — старенький "Пежо" с холодильником на крыше и двумя перинами, торчащими из багажника, как петушинный хвост.

Вдоль дороги предлагают купить самое необходимое: сигареты, кока-колу и пиво, сладости. Тут каждый, у кого есть несколько блоков сигарет, объявляет себя торговцем и раскладывает на столе, стуле или

камнях свой товар. К израильтянам уже так привыкли, что не только берут шекели, но и сдачу дают в нашей же валюте. Не менее твердой валютой, несмотря на семилетнюю войну, осталась и ливанская лира — купюра, размером с бумажный советский рубль, с изображением идиллического грота. Ливанские дети уже знают слово "шекель" и выговаривают его так же ясно, как и "шалом".

Короткая остановка — и автобус сразу окружен стайкой детей. "Джибли" — по-арабски "дай мне". "Солдат, дай мне конфету!" Семилетний полиглот переводит на французский и просит "бон-бон". Получает и говорит по-английски: "Спасибо. Меня зовут Фейзил". Фейзил — человек светский, он представляет нам трех своих сестер и брата — белокурого ангелочка двух лет от роду. Выясняется, что ангелочек появился на свет при участии ирландского солдата из подразделений ООН. Автобус трогается дальше, и иллюзия путешествия возобновляется. "Спасибо Бегину за такую прогулку!" — "А что? За границу бесплатно съездили: ни паспортов, ни виз, ни гостиниц!"

Ночью спим в автобусе, голова и руки на сиденье, ноги — в проходе на картонных коробках с НЗ, пачках туалетной бумаги и ящиках с овощами. Выставлены часовые. Полумесяц лежит на спинке и болтает рожками. Полевая рация, проклиная "Папу Римского" и весь его род до третьего колена, требует, чтобы "Папа" немедленно явился к "Напильнику". На газовой горелке стоит жестянка с водой, а вокруг нее молитвенно застыли любители кофе. Когда можно будет снять ботинки?

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Утром раздали открытки, и все бросились строчить короткие послания домой. Открытки не просто забавные, но и продуманные: смешные рисунки отдыхающих солдат, окруженных женскими лицами и посылка-

ми. Подлинный шедевр бюрократии и мечта каждого лентяя — колонка с набором наиболее часто употребляемых фраз вроде "чувствую себя хорошо", "все в порядке", "скупаю по...", "пришлите мне..." Напротив каждой из них — пустой квадратик, в котором надо поставить крестик. Заполняешь пропуск, ставишь крестик, и непонятно, то ли кроссворд решаешь, то ли играешь в тотализатор. А может, эти открытки рассчитаны на то, чтобы слать их с дороги, когда у тебя только и есть эти несколько секунд.

Узкие и опасные дороги, вьющиеся горным серпантином, как на Кавказе. Колеса на миг зависают над пропастью — лучше не смотреть из окна. Долина между горами. Где-то там внизу ползет по полю трактор-черепаха. Ровные квадраты оливковых деревьев. На этих дорогах уже погибло немало ребят: грузовики и бронетранспортеры срывались вниз, не успев добраться до места боев. Погибали и по дороге домой в короткий отпуск, как 47-летний майор-снабженец из нашего батальона, с которым мы были на очередных сборах всего два месяца назад.

Из пыльной зелени вырастают большие и причудливые особняки и виллы. Одна из них сделана в форме самолета: флигель-кабина, балконы-крылья и чердак-хвост с изображением молний. Всюду идет стройка — строят новые дома и ремонтируют поврежденные: стопки листов жести, бетонные блоки, грузовики с песком. Целые семьи сидят на балконах и провожают нас равнодушными глазами. Мы доехали до места назначения. Точнее, до места постоя.

На холме роскошная трехэтажная вилла — в последней стадии строительства. Высокие, массивные железные ворота и просторный, уютный двор. Шесть террас и десяток балконов с трех сторон. Плинтусы и полы выложены серо-розовым мрамором. 12 комнат, три туалетных комнаты разных цветов с низкими ваннами и огромная кухня, облицованная керамикой от пола до потолка, с выходом в гараж. Гостиная размером с теннисный корт, пятиметровые потолки и галерея с

витыми перильцами. Выходная труба для камина похожа на шахту лифта. В углах сложены плитки, в туалетах приготовлены краны и мыльницы. Под лестницей, ведущей из гостиной в сад, комната садовника и напротив — туалет с душевой. Сад широкими уступами спускается вниз, земля разрыхлена, дорожки выложены плитками, и кое-где уже посажены оливковые деревья. "Почему не цветы?" — спрашиваю я. "Потому что здесь сажают то, из чего можно сделать деньги", — объясняют мне. Все сделано с отменным вкусом, умно и точно спланировано, красиво и добротнo построено. Может, именно поэтому вся вилла выглядит такой чужеродной, слишком европейской для восточного окружения. Как белокурый ангелочек, встреченный нами на дороге, среди его черноволосых братьев и сестер. Владелец виллы живет в Южной Африке, а строительством занимается его брат-подрядчик, дом которого находится метрах в пятистах и выдержан в сером и бордовом цветах. К занятому дому армия относится бережно: стены не исписаны, полы вычищены и вымыты, мусор убран, ничто не разбито, не расколото. Наши киббуцники, соскучившись по работе, нашли где-то шланг и пошли поливать деревья. Те, кого мы сменяем, говорят: "Посмотрите-посмотрите, как люди живут — в Израиле так не строят".

Один из них дергает меня за рукав: "У тебя какой размер обуви?" — "А что?" — "Скажи какой?" — "Ну, 43-й, а зачем тебе?" — "На!" — и он протягивает мне новенькие шнурованные ботинки на толстой литой подошве с высоким парусиновым верхом защитного цвета. "Держи подарок! Только в Израиль не бери — на границе отнимут!" На подошве маленькая золотистая наклейка: "Сделано в Китае". Не успеваю оглянуться, как первый трофей начинает ходить по рукам — только я его и видел.

Комнаты быстро распределяют, на дверях прикрепляют таблички, писанные от руки: начальство и связисты наверху, нижние чины внизу. В комнате садовника батальонный раввин-лейтенант устроил синагогу, при-

нес три скамейки, два стола и железный Арон ха-Кодеш*. Кухонную пристройку занял армейский буфет-магазин "Шекем". Часовые выставлены на верхней террасе и у ворот, через которые проходит чуть ли не весь батальон. Восхищение, восторг, и неизбежное: "Эх, мне бы такую виллу!" Дверей нет, ветер продувает насквозь весь дом и мгновенно просушивает влажные полотенца, развешанные на проводах.

Первый раз в жизни буду спать на мраморном полу.

Открыл кухонный шкафчик и нашел там потрепанное американское издание "Трамвая "Желание". Первые 15 страниц вырваны, но прекрасная Вивьен Ли на задней стороне обложки уцелела, как и очарование пьесы, читанной и виденной добрый десяток раз. Кто бы мог подумать: встретить Бланш Дюбуа на войне в Ливане! "Тигрица, тигрица, брось бутылку! Брось ее!"

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

При входе в виллу висит импровизированный почтовый ящик: картонная коробка из-под НЗ с прорезанной щелью. Телефона нет, отпуска когда еще будут, так что все пишут открытки. Прибыли газеты — одна на шестерых — и армейский журнал "В лагере" с подзаголовком "Специальный выпуск для фронтовиков". Через общественный комитет помощи солдатам получили разные книжки. Порылся в большой коробке и среди детективного мусора нашел Вольтера, Томаса Манна, роман К. Цетника, рассказы И. Бурлы и даже — о, Господи! — "Вечера на хуторе близ Диканьки" в переводе на иврит. Через тот же комитет получили несколько приемников и портативный телевизор.

Местное население обращается за помощью: мальчик лет десяти прижимает к голове окровавленную тряпку — упал с крыши. Его привели трое небритых

* Арон ха-Кодеш — синагогальный ковчег, в котором хранятся свитки Торы.

мужчин, которые показывают на мальчика и по-арабски просят отвести его к врачу. "Доктор, доктор!" — повторяет один из них и тычет пальцем в "Скорую помощь" с красным Маген-Давидом на боку, припаркованную во дворе виллы.

Элегантно одетая худошавая женщина лет сорока в кружевной белой блузке и длинной темно-синей юбке с разрезом приехала из Бейрута. Свою историю она рассказывает по-английски и все порывается расстегнуть блузку, показать следы побоев. Но достаточно видеть ее шею в ножевых порезах и лицо в синяках и ссадинах. Она вернулась в родную деревню, чтобы проводить детей, оставшихся с бывшим мужем. Из путаного ее рассказа следует, что в Бейруте у нее есть другой муж, которого она называет "друг". Бывший муж выкинул ее из дома, чуть не убил, и она просит его наказать. "Вот, посмотрите, что он со мной сделал..." и снова хватается за пуговицы блузки. "Ясное дело, — говорит Исразль Коэн из Марокко, — так на Востоке всегда бывает. Тут, брат, женщину за человека не считают. Муж с ней что хочет, то и делает. Чем мы ей можем помочь?"

Высокий холеный владелец новенького "Мерседеса" требует наказать его знакомого, которому он якобы оставил свою вторую машину перед тем, как сбежать в Бейрут. Теперь он вернулся в свою деревню, а знакомый не отдает машину. Говорит он по-английски вполне бегло: "Я был солдатом в ливанской армии. Потом партизаны (он старательно избегает слова "террористы") убили моего брата. Я против Арафата". "Но какой помощи вы от нас ждете?" — спрашивают его. "Помогите мне получить назад мою машину. Помогите, пока я его не убил". Обещают разобраться. "Вот так они сводят счета, — замечает пожилой шофер и сплевывает вслед "Мерседесу". — Поди разберись, кто у кого взял, кто из них плохой, а кто хороший. Приходят и говорят: "Арестуйте его, он — террорист". А потом выясняется, что все чепуха, и "террориста" отпускают домой".

Большую помощь израильской армии оказывает

шиитская милиция "Эль-Амаль" (в переводе с арабского "Надежда"), командира которой велено пропускать в нашу виллу днем и ночью. Многие "милиционеры" одеты в форму ЦАХАЛа — хотя и б/у, — и по виду их можно спутать с нашими солдатами, разве что наши вооружены американской М-16, а шииты гордо носят свои "калашниковы". Да еще над левым нагрудным карманом у них темнеет пятно — след от спортой полоски с желтыми буквами Ц-А-Х-А-Л. Они помогают прочесывать местность, составляют списки подозреваемых в сотрудничестве с террористами, допрашивают задержанных, ищут спрятанное в домах оружие. В исламе шииты относятся к ортодоксальному крылу, они суперрелигиозны и считают себя хранителями закона и традиций. Свое сотрудничество с евреями они наверняка рассматривают как временную и практически выгодную меру. Настрадавшись от банд Арафата, они придерживаются древней мудрости: "Враг моего врага — мой друг".

Напротив нас, через дорогу — лагерь ООН. Там сидят чернокожие солдаты из Нигерии и Сенегала — беспомощные и бесполезные. Некоторые из них нашли здесь хороший заработок, а другие — смерть. Хотел написать "плохую смерть", но разве смерть бывает хорошей? К израильтянам негры относятся уважительно и доброжелательно, любой проезжающей машине машут руками и улыбаются. Их посты встречаются через каждые несколько километров: амбразура, обложенная мешками с песком, будка и домик, возле которого сидят они день-деньской под своим голубым флагом.

На нашем участке тихо. В "Шекеме" стоит очередь за пивом "Скол" и сидром. Друзья-шииты привезли два десятка стульев. Матрасов еще нет, и спальные мешки по-прежнему лежат прямо на мраморе. На всех балконах сушатся трусы и носки. Трое младших лейтенантов надевают пуленепробиваемые жилеты и фотографируются у джипа с автоматами наперевес. Второй снимок — на веранде виллы. Третий — в трусах, с банками пива. "На память о войне!" — смеются они.

За питьевой водой приходится бегать на соседнее поле, где стоят наши бронетранспортеры, грузовики, бензовозы и цистерны с водой. Местную воду пить запрещено — только ту, которую привозят армейские грузовики. Ее берут из определенного источника и обязательно добавляют хлор.

Целый день идет прочесывание местности, ищут террористов, которые еще прячутся в окрестных рощах, лесах и горах. На обед повар, наконец, разогревает рис с зеленым горошком и тефтелями. Делать ему особенно нечего — только открывать консервы и ставить их на стол. Ряды консервных банок напоминают о том, что мы пробудем здесь еще немало дней.

Все устроились кто по комнатам, кто по углам и требуют, чтобы к следующим нашим сборам хозяин виллы подключил электричество и поставил мебель. Когда и где будут эти следующие сборы? "Может, в Стамбуле?" — хохочет кто-то за перегородкой из плащ-палаток.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Как всегда, есть новости, хорошие и плохие. Хорошие — это матрасы. Плохие — касаются увольнительной. Собственной рукой я вытащил при жеребьевке последний номер и поеду домой только через полторы недели.

Командир шиитов оказался статным мужчиной с русой бородой и темно-синими глазами, похожий больше на варяга, чем на правоверного мусульманина. Бывший учитель физкультуры и тренер местной волейбольной команды. На вид лет 35-39, затянут в пояс-патронташ, с револьвером на боку. Приехал на полу-грузовике японской фирмы "Тойота" (которая под давлением арабов с Израилем не торгует), немного говорит по-английски, держится просто и достойно. "Смерть девкам!" — сказал про него наш повар и добавил, что комбат приказал приготовить для почетного

гостя кофе, печенье и яблоки. "Совещаться будут!" резюмировал осведомленный повар и, скривившись, прижал ладонь к затылку. Вчера ночью он поскользнулся на мраморных ступенях и ударился головой, после чего на каждом пролете были срочно поставлены импровизированные факелы. Вилла выглядела, как старинный рыцарский замок.

Готовясь к субботе, раввин привез 30 бутылок красного вина, а старшина послал людей убирать мусор на территории виллы. "Все, что армия тут навалила — выбросить и сжечь!" Счастливики, получившие первую увольнительную, уже уехали. Часовой на крыше, художник-любитель Шимон Розенцвейг, отставив в сторону автомат, рисует окрестности и время от времени смотрит в бинокль. Наверно, проверяет свое творческое зрение.

Я искупался под душем, выстирал грязное белье, поменял на складе обмундирование и сижу, задрав ноги на алюминиевые балконные перила. Курящие в таких случаях закуривают для полного блаженства. Я не курю, но блаженство чувствую. Хотя и не полное, потому что все время думаю об этой чертовой лотерее. В азартных играх мне всегда не везло.

Главная радионовость дня: добровольная сдача в плен командующего Южным округом соединений террористов, полковника, женатого на бывшей королеве Иордании Дине, первой жене Хусейна. Муж вовремя успел переправить ее в Каир, и оттуда на отличном английском она разговаривала по телефону с корреспондентом израильского радио. Израильцы сообщили ей, что ее муж жив-здоров и находится у нас в плену. "Он — единственный мужчина в моей жизни!" — прошептала бывшая королева. Бедный Хусейн — как он воспримет это заявление?

Любые споры неизбежно перерастают в самый главный и важный — о войне. За субботним столом один из офицеров предложил тост: "Бе-шана ха-баа бе-Бейрут ха-бнуа!" — "В будущем году — в отстроенном Бейруте!" Ужин был тут же забыт.

— Не нужно мне этого Бейрута — ни в этом году, ни в будущем, ни через 10 лет! Эти чертовы 45 километров очистили? Очистили! И хватит! Не хочу больше здесь быть, не хочу, чтобы дети мои здесь погибали! Должен же быть предел всему!

— Пока мы из Ливана всех террористов не выкурим, покоя нам все равно не будет. Надо тут полный порядок навести, чтобы тихо было!

— Никогда здесь порядка не было и не будет. Сколько народов, религий, партий, кланов...

— Мы им сильное правительство поставим, и все будет о'кей!

— Ничего мы им тут не будем ставить. И не будет у них никогда сильного правительства. Только мы уйдем — они снова перегрызутся!

— Поэтому и не надо уходить!

— А я еще от Войны Судного дня никак не оправлюсь. После нее полгода в Синае сидели, и теперь опять то же самое. Попомните мое слово: теперь все наши сборы тут будут!

— Что вы ни говорите, а я тут быть не хочу — ни полицейским, ни посредником!

— Но ливанцы вон как радуются!

— Они тебе радуются, пока ты Арафата выкуриваешь. А потом ты для них будешь просто оккупант. Сейчас мусульмане ненавидят христиан, издеваются, смеются над ними, а потом они все вместе тебя, меня, нас будут ненавидеть!

— Это все Бегин с Шароном — они нас в это болото затащили!

— При чем тут Бегин! С Пересом и Моти Гуром лучше было бы? Так хоть еще одну войну выиграли!

— Выиграли ли — в этом весь вопрос!

— Да хватит вам с вопросами — раввин уже полчаса благословение сделать не может!

Сидим на бетонной завалинке во дворе и говорим о вчерашней операции. Усатый иракский еврей, водитель бронетранспортера: "Ночью 20 террористов взяли. Подошла наша рота, окружили деревню со всех сторон машинами. Ни войти, ни выйти. А потом друзья-пограничники пошли по домам. Прямо так — из дома в дом. И всех мужчин до одного — на улицу. Выстроили их в один ряд, а в закрытой машине сидел штинкер* и пальцем показывал: вот этот — террорист, его направо. Этот — нет, налево. Этот — тоже террорист. Направо. Так всех "рассортировали" и 20 человек взяли. Они в эту деревню из Бейрута сбежали, когда там жарко стало. Ну, слезы, конечно, плач... Женщины кричали. Тяжелая была работа".

К вечеру спадает жара, и у кордона на главной дороге вытягивается вереница машин — жители деревни возвращаются домой после торгового дня, беженцы из Бейрута пробираются к родным, пациенты едут к врачу. Проверка документов. Рядом с горкой бетонных блоков стоит Мохаммед — 18-летний милиционер из шиитов — и двое пожилых израильских резервистов. Они улыбаются детям и подмигивают хорошеньким женщинам. Почти в каждой машине едут целые семьи с младенцами на руках. Рекорд недели — семиместный "Мерседес", в котором сидят 14 человек, один — маленький мальчик — прямо в багажнике. Водители — в основном мужчины — останавливаются сами и с готовностью протягивают документы. Чего тут только нет! Синие ливанские паспорта (похожие на заграничный израильский), квадратные карточки и отдельные листки удостоверений личности, свидетельства о рождении, израильские пропуска на право передвижения. Узнать обладателей документов по наклеенным фотографиям почти невозможно. За 7 лет войны люди со-

* Штинкер (идиш) — вонючка, в данном контексте — осведомитель (жаргон).

вершенно изменились. Все бумаги потрепаны и разорваны на сгибах: их приходится предъявлять по нескольку раз в день. Но еще более разительно состояние машин. Без ветрового стекла, дверей, капота, крыши, фонарей, помятые, разбитые, без номерных знаков — дребезжат они по ливанским дорогам в надежде дотянуть до нужного места. В стране, где нет закона и полиции, за руль может сесть любой. Никто не будет проверять его возраст или водительские права. Разобьет эту машину — купит другую. Разобьет другую — бросит и купит третью. Естественный вопрос — а на какие деньги? Деньги есть. Почти в каждой ливанской семье кто-то уезжает на заработки в соседние страны — Иорданию, Саудовскую Аравию, Кувейт или подальше, на Запад, и присылает домой деньги. Есть и более прибыльный заработок — гашиш, плантации которого находятся в горных районах, откуда он регулярно переправляется в страны Старого и Нового Света.

Мохаммеду документы не нужны — он, по его словам, смотрит в глаза. Когда-то я читал, что немцы так вылавливали евреев — заглядывали прохожим в глаза. Восемнадцатилетний психолог с "калашниковым" в руках собирает с водителей скромную мзду в виде сигарет "Мальборо": у одного стрельнет сигарету, у другого — целую пачку. Чтобы миновать заслон, готовы отдать и больше. Мохаммед презрительно тычет большим пальцем вслед проехавшему грузовику с неграми из ЮНИФИЛ: "Это разве солдаты? Когда мы у них террористов искали, я вбежал в их казарму один и как крикну: "Все к стенке и не двигаться!" Так они, 20 человек, вскочили, как гуси, руки вверх и стояли полчаса, пока мы "Ал-Фатх" брали". Один из резервистов, переводя с арабского монолог Мохаммеда, добавляет о неграх: "Клоуны! Им бы в цирке выступать!"

По дороге осторожно переступает в пыли девушка в ярко-желтом платье с оборками. На высоких каблуках она похожа на голенастую цаплю. Она косится на солдат и чему-то улыбается. Два передних зуба у нее выбиты, улыбка получается диковатой и беспомощ-

ной. Это дочь нашего соседа, строительного подрядчика, ее зовут Марианна. Все солдаты уже знают, что ее изнасиловали террористы, у нее есть трехлетний ребенок, поэтому в этой деревне на ней никто не женится.

На исходе субботы наши верующие вместе с раввином устраивают складчину и приглашают гостей. Подвальная комната вымыта, выскоблена, длинный стол накрыт чистой белой скатертью, и за ним по обе стороны сидят 19 человек. У входа пирамидкой сложены автоматы. Едим в тишине нехитрые яства, пьем терпкое красное вино, а потом поем субботние песни. 19 мужчин в полутьме громко выводят: "Весь мир — это узкий мост, очень узкий мост, и главное — не бояться, главное — не бояться!" Эти слова написал рабби Нахман из Брацлава 200 лет назад — можно ли найти более емкую формулу для человеческого опыта? В комнате душно, все потеют, но поют сосредоточенно, самозабвенно и отбивают такт по столу. У раввина голос тонкий, жалобный, но видно, что он доволен и растроган: первая суббота на ливанской земле.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Первые отпускники вернулись, вторые уехали, и через четыре часа после их отъезда объявлена готовность номер один — все увольнительные временно отменены. Новости те же: осада Западного Бейрута продолжается, и число тех, кто верит в силу дипломатии, уменьшается с каждым днем. Тем временем наши жилищные условия улучшились: нашли бетонные блоки, положили на них доски, сверху матрасы со спальными мешками, и получились нормальные походные койки. Лучше всех устроился шофер комбата. Он приволок откуда-то дверь, положил ее на голубую ванну и превратил туалет в будуар.

На крыше дежурит толстый Хен — пиратская борода и повадки биндюжника. Он выходец из Йемена и отчаянный болельщик иерусалимского "Бетара". Ког-

да ему надоедает рассматривать в гигантский бинокль интимную жизнь местных жителей, он подходит к баллюстраде, прикладывает ладонь ко рту и пронзительно вопит: "Я-ас-сала-а-а-а-а-а-а-м", подражая крикам муэдзина. Еще у него есть дудка без единого отверстия, из которой он умеет извлекать протяжные и сверлящие мозг звуки. С крыши он ведет по-арабски переговоры с юными бизнесменами-водовозами. Они привезли нам воду для душевой и кухни и требуют за это халвы, консервов и... семечек из "Шекема". Строгое разделение труда: 12-летний "босс", владелец трактора, в "техасской" шляпе и темных очках, и двое семилетних рабочих. Вертлявый "босс" что-то кричит Хену, но тот обрывает его диким рыком, и торг мгновенно прекращается: "босс" получает канистру бензина и банку шоколадного масла. Один из его рабочих, оглянувшись на "босса", запускает в банку палец, облизывает и восхищенно смотрит на своего товарища. "Может, им еще банку дать, а, Хен?" — спрашивает сердобольный повар. "Хватит с них, — отвечает Хен, — а то они всю деревню сюда приведут".

Вечером в гостиной появляется кинопроектор, и седоусый сержант-сверхсрочник начинает колдовать над ним. Выбор фильма странный — "Вся президентская рать", история падения Никсона. Обрыв за обрывом, звук неразличим, сюжет тоже, и толпа зрителей быстро рассеивается. "Что они, не могли детективный фильм привезти?" — раздраженно бубнит кто-то. Он, конечно, неправ, это и есть детектив, только политический.

Ночью стою на крыше и рассматриваю в бинокль луну. Узкий серп похож на слой ваты или рыхлого снега, или молочного порошка, в который зарылся большой серый шар. Гора, застроенная доверху деревенскими домами, засыпает. Кое-где на верандах мелькают женские фигуры, закутанные в платки. Мужчины натягивают белую ночную рубашу. Из кофейни расходятся засидевшиеся посетители. Внизу у ворот переговаривается патруль. Тонкий лучик света прыгает

среди кустов и пересекается с фонарем патрульных: это наш раввин в длинных трусах в цветочек возвращается из короткого путешествия по малым делам. Гигантским кузнечиком стрекочет на крыше рация, и провода оплетают черепицу причудливой сетью. Уже несколько недель как здесь не стреляют по ночам.

Пролетит ночная птаха,
Месяц лезвием блеснет,
Муэдзин — гонец Аллаха —
Накричится и уснет.

Новый день поднялся выше,
Старый день порос быльем,
Выйдет женщина на крышу
Снять просохшее белье.

Растворится над дорогой
Рощ оливковых пыльца,
За пастушкой босоногой
Бродит сонная овца.

Вязкой горечью повеет
От домашнего вина,
Ну скажите, кто поверит
В то, что здесь идет война?

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Наладился рутинный распорядок дня. Повар продолжает пичкать рисом с кукурузой. Начались поносы, и кончилась туалетная бумага. Газеты приходят редко: раз в 2—3 дня. Ходят слухи, что нас скоро перебросят в Бейрут.

За обедом возник разговор о жителях соседней деревни: "Только посмотрите, как живут — в каждом доме холодильник, телевизор, машина. А как одеты-обуты! И каждый третий дом достраивается,

расширяется, новые дома строят. Откуда у них деньги? Конечно, от террористов!" — "Зря ты все в одну кучу сваливаешь. Есть хорошие люди, которых заставили..." — "Да брось ты — заставили! Им за это деньги платили. Кто с террористами связался, тот и заработал". — "Чего же они тогда жалуются, что жизни у них не было, мужчин убивали, женщин насиловали?" — "А что? Так и было. Сейчас, говорят, по всей округе девочки в 12—13 лет уже рожают". — "Так я не понимаю, если они — убийцы и насильники, чего же жители так плачут, режут прямо, когда мы этих бандитов ночью забираем? Убийцы они или не убийцы?" — "Тут хрен что поймешь. Ведь что получается, евреи христиан с мусульманами дружить учат. Разве не смех?"

В семь часов вечера включаются три генератора, и тишина распадается на куски. Вместе с этим дребезжанием и стуком уходит покой и появляется беспричинная тревога. Сажу на ступенях лестницы, ведущей в сад, и мечтаю о горячей-прегорячей воде с мыльными пузырями. Рано иду спать.

Под небом Южного Ливана
Мне снилась розовая ванна
И, как заветная нирвана,
Приснился, видно, сгоряча
Широкий розовый стульчак.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Рис кончился, и начались вареные яйца, от которых лопается живот. Всех охватила мания покупок — любая вещь здесь стоит полцены или даже треть. Крупные вещи вроде видеомагнитофона покупать боятся из-за военной полиции, но мелочь накупили почти все: карманные фонарики, сумки, транзисторы, фотоаппараты, духи, косметические наборы, часы, бритвенные лезвия, брелоки для ключей. Хвастаются покупками друг

перед другом, сравнивают цены, представляют изумление домашних и жалеют, что пока нельзя наладить постоянный товарооборот с ливанскими дельцами. "Я бы за два дня пол-Ливана в Тель-Авив перевез", — вздохнул один из санитаров. Для израильтян, привыкших к космическим ценам, Ливан оказался подлинным Эльдorado: все есть и все даром! Военные власти и налоговое ведомство уже спохватилось, но доступ в магазины для солдат еще не закрыт.

К вечеру у заслона появляется стайка молоденьких девушек. Трудно поверить, что мы в ливанской деревне, а не в центре Тель-Авива. Те же прически, косметика, джинсы. Те же рассеянные улыбки в ответ на призывные крики незнакомых мужчин. Снова бесконечные машины, люди, документы. Пацифист и тихарь Шмулик Таль смущен и растерян! "Что я тут делаю? — спрашивает он. — По какому праву я у него документы требую? Это что — моя земля? Отцы наши тут жили?"

На многих машинах ливанский флаг: на белом фоне развесистый зеленый кедр между двумя продольными красными полосками. Тот же герб — на номерных знаках машин и монетах, больших — лирах и поменьше — пиастрах. Крик попугая капитана Флинта из далекого-далекого детства: "Пиастры! Пиастры!"

Вечером по радио Йорам Гаон поет: "Я обещаю тебе, маленькая моя девочка, что это будет последняя война". Эту же песню он пел перед Войной Судного дня.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Впервые появились рабочие, которым дано разрешение продолжать работы по внутренней отделке дома. Они привезли алюминиевые рамы для стеклянных дверей на веранде. Странное чувство: эту виллу строили 1,5 года, а теперь она занята чужой армией, вокруг лежат спальные мешки, сумки, оружие. Как мы ни

убираем за собой, грязи скопилось достаточно. Рабочий выгребал из дверной щели груды окурков, но молчал. Наши слесари и автомеханики с любопытством смотрели, как работают ливанцы, какими инструментами пользуются, одобрительно оценивали качество материалов, щупали рамы. Похоже, что презрительное выражение "арабская работа!" не так уж всеобъемлюще справедливо.

После обеда к воротам виллы подъехал новенький желтый минибус, и из него с трудом вылезли четверо толстяков со всеми атрибутами религиозных евреев — белые талесы, бритые затылки, развевающиеся пейсы, дремучие бороды. Бельцские хасиды из Бней-Брака привезли с собой бархатные мешочки с тфиллин, молитвенники и ермолки. Узнав, что все это раздается бесплатно, к ним ринулись самые махровые безбожники.

Вечером — ЧП. Автобус с отпускниками нарвался на засаду у моста через реку Литани, его обстреляли из автоматов и ручного гранатомета. Пятеро раненых, из них трое в тяжелом состоянии. Террористы метили в водителя, чтобы автобус перевернулся, но все пули пришлось в спину солдату, стоявшему у передней двери. Автобус изрешетило автоматными очередями. 42 пулевых пробоины. Водитель дал полный газ, солдаты открыли ответный огонь, и террористы бежали. Всю ночь продолжается поиск, но как можно что-нибудь найти в темноте в такой местности? По счастливой случайности наш батальонный врач ехал на джипе в том же направлении и тут же оказал раненым первую помощь. О солдате, раненном в спину, он сказал: "Наверно, паралич".

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Израиль освободил 200 так называемых "детей-гранатометчиков" в возрасте от 11 до 16 лет, один из них сбил наш вертолет со всей командой. Их вылавливали в разных концах Ливана, а иногда они сами сдавались

в плен, где провели в общей сложности не больше двух недель. Одни верят, что дети просто "поиграли в войну" и теперь самое время вернуть их папе с мамой. Мол, для нашей пропаганды это красивый жест, вот как мы гуманны, детей в тюрьмах не держим. Даже когда они в нас стреляют. Другие убеждены в том, что это новый Гитлерюгенд, воспитанный, обученный, вскормленный для будущих войн против евреев. А что с ними делать? Я не знаю. Кстати, кому нужно доказывать, что мы гуманны? Арабам? Французам? Американцам? И кто в это поверит? Одновременно депутат Кнесета Иехуда Перах предложил снизить возраст уголовной ответственности для несовершеннолетних с 13 до 11 лет. Идет речь, разумеется, о наших собственных, израильских детях. А эти, в Ливане? Двум погибшим вертолетчикам и их вдовам уже безразлично, кем их считать — детьми, подростками или взрослыми. Солдат из спецподразделения друзов: "Я бы их своими руками сжег. Разложил бы тут в камнях и сжег. Они нас убивают, а мы их освобождаем! Государство идиотов у нас, помяни мое слово — идиотов!" Что это, кровожадность? В таком случае вся Библия кровожадна. Сегодня случайно услышал очередную цитату в передаче христианской радиостанции "Свободный Ливан": "И уничтожил Израиль врага, и не оставил ни живых, ни беглецов".

Чем дальше затягивается осада Бейрута, тем острее и болезненнее воспринимается каждая гибель. Война перестала быть прямым столкновением двух сил (если не армий) и не может окончиться классической капитуляцией противника. Террористы уже начали растворяться среди гражданского населения и убивать наших солдат поодиночке. Финны делали такие вещи через 20 лет после войны, и, когда я служил в Карелии, там еще хранили воспоминания о вырезанной погранзаставе. Последние японские солдаты скрывались на тихоокеанских островах 30 лет и все еще были готовы умереть за императора. Возможно ли, даже чисто технически, о ч и с т и т ь Ливан от террористов?

Израиль привык к коротким войнам. Коротким и победным кампаниям. Вначале казалось, что это — вторая Шестидневная война, а теперь она больше напоминает войну на истощение. Всенародный энтузиазм и ликование прошли после первых двух недель.

ПЯТАЯ

Убитых пока что — 300,
Раненых — 1500,
Пропавших без вести — семеро
И один в плену,
Еще одну пережили войну?
Пятую, если считать
Освободительную,
Синайскую, Шестидневную, Судного дня,
Названия разные,
Да одна статья:
Танки подбитые, труп на обочине,
Беженцы, пленные, дым и воронки,
Посыльные ночью
Несут похоронки.
"Сын мой!" —
До безголосой ноты,
Вой, женщина, вой
По нему и еще половине роты,
Их в поле накрыли свои самолеты —
Ошибка.
По радио встречаются семьи:
"Жене Рахели и сыновьям
Гаю и Оферу привет от отца, Баруха Арази.
Я — в порядке, где-то там на Севере".
"Жди меня и я вернусь"
На древнееврейском,
Как мостик с той войны
К этой,
И снова приветы, приветы, приветы.
И списки погибших опять и опять,

Нет сил больше слушать,
Считать и читать,
И ждать, обгрызая остатки ногтей,
Знакомых фамилий и страшных вестей.
Но биржа открыта, а как же иначе?
На этой крови кто-то станет богаче,
Военные сводки и биржевый курс,
Смотри, не прохлопай свой лакомый кус!
А времени нету
На скорбь и на гимны,
И мертвые наши уходят нагими,
Уходят они, а живые живут,
Привыкли давно уже к этому тут.
Наш счет не оплачен,
Велик этот счет,
Мы мертвых оплачем —
Придет их черед.
Нет больше "русских", "румын", "аргентинцев",
Нет "ашкеназов", "сефардов" нет,
Есть только дюжина пехотинцев,
"Шуки от Малки — привет".
Нет больше различий веры и льгот,
Взво-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-д!

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Трое лекторов из политотдела армии: пожилые, интеллигентные специалисты в области химии, экономики и природоведения. Глубоко штатские люди, на которых форма выглядит, как пижама. Объезжают фронт, выступают с лекциями перед солдатами, участвуют в дебатах и дискуссиях. Они убеждены в необходимости и справедливости этой войны, рекомендуют избегать лобовых столкновений с Сирией и уверены, что сирийцы останутся в Ливане после нашего отступления. С ними яростно спорят два молодых офицера, один из "Мир сегодня", второй — киббуцник-маараховец.

— Что я тут делаю и почему я должен умирать? — кричит киббуцник.

Ему второй "мирсегодник":

— Половина народа не хочет этой войны!

— Где ты нашел половину? — дружно набрасываются на него остальные. — Таких, как вы, двое, по пальцам можно пересчитать. У нас в батальоне, кроме вас, больше никого и нет.

— Вранье! У моей партии больше всех мандатов в Кнесете, а вы с вашим Бегинным в могилу народ загоните!

— Ты, и твоя партия, и весь этот "Мир сегодня" — изоляционисты! Вас бы в Кирьят-Шмона поселить, чтобы пожили неделю под "катюшами"!

— Тебя т у т, в Ливане, из "катюш" обстреливают, дурак ты этакий, а ты все кричишь: "Бегин, Бегин, царь Израиля!"

— Ребята, только не переходить на личности, пожалуйста, без имен.

— Хорошо, я буду говорить "глава правительства" и "министр обороны".

Общий смех.

Один из лекторов — экономист, религиозный и напористый — приехал в Израиль из Англии 13 лет назад. До приезда работал в фирме, торговавшей текстильными изделиями, и в 1964 году оказался по делам в Китае. После заключения договора на крупную партию материала, какой-то высокий чин пригласил его как почетного гостя на обед. Он согласился при условии, что не будет есть ни рыбы, ни мяса. Во время обеда он с удивлением обнаружил, что среди блюд, которыми был уставлен стол на 24 персоны, вообще не было ни рыбы, ни мяса. Китайцы решили, что, если их гость выразил такое желание, то и они обязаны ему следовать.

За рисом с помидорами высокий чин деликатно поинтересовался, не мусульманин ли его гость. Гость ответил, что нет, он — еврей, и свою диету евреи разработали гораздо раньше мусульман, а те усвоили ее

вместе с остальными народами. "А кто такие евреи?" — вежливо спросил китаец. Гость поразмыслил и сказал: "Вот, например, Карл Маркс был евреем".

Вся беседа велась через переводчика и, услышав последнюю фразу, тот выронил палочки и открыл рот. Высокий чин спросил, что сказал гость, и переводчик сообщил, что с ними за столом сидит... родственник Карла Маркса. Потрясенный начальник встал и долго жал гостю руку. Потом сел, подумал и спросил: "Как же родственник Карла Маркса может быть капиталистом?"

Он полон историй, этот приземистый человек с грушеобразной бритой головой, на которой каким-то чудом держится маленькая вязаная ермолка. Но больше всего он говорит об этой войне и армии, в которую приезжает с лекциями уже третий раз:

"Моральная зрелость, невероятная зрелость по сравнению с Войной Судного дня.

Взять хотя бы публикацию извещений о смерти и немедленные похороны. В Йом-Киппур никакой статистики не было, по телевидению и радио ни слова о потерях не говорили и, упаси Бог, печатать в газетах снимки похорон. Да и могилы тогда были временные, прямо на поле боя. Сейчас сразу везут на кладбище и родители это видят и знают.

А в Британию, например, только сейчас привезли с Фолклендских островов всех убитых. И то лишь под давлением семей.

Во-вторых, открытые дебаты и споры среди солдат и офицеров. Какая армия может себе это позволить? Вслух, во весь голос говорят то, что думают о войне. Есть такие, которые против. Есть такие, которые просто не хотели бы в ней участвовать. Но, как сказал один офицер, хотя он против этой войны и она ему глубоко ненавистна, он выполнит любой приказ и будет сражаться до конца.

В-третьих, потрясающая тренированность. Это же лучшая армия на Ближнем Востоке! Вы мне скажете: "Посмотрите на этот балаган!" Да, повар отказывается

вставать в пять часов утра и готовить кофе; часовые спорят со своим командиром о том, кто и когда будет дежурить; солдаты спят в кустах и автобусах, потому что им не приготовили палаток. Но объявляют готовность, и все меняется, как в сказке: дисциплина, оперативность, эффективность, каждый знает свое место и работу. Отменяют готовность, и опять все разваливается на части.

И я вас снова спрашиваю, есть еще такая армия?"

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Радионовость: отставка командира танковой бригады Эли Гевы, возражающего против штурма Бейрута. Комментарий Бар-Лева: "Беда армии, если каждый солдат и офицер начнет решать, какой приказ он будет выполнять, а какой — нет!" Лейтенант из соседнего батальона: "А я его понимаю. Нельзя брать Бейрут — больше тысячи убитых у нас будет. Разве стоит? Не стоит. Нет!" Часовой у ворот: "А мне что делать, если я тоже не согласен? Он — полковник, взял и подал в отставку. А я что, дерьмо?" Сходная реакция в радиointervью с одним из солдат из полка Эли Гевы: "Он нас бросил, а мы должны это дерьмо жрать!" Подпись под газетной карикатурой: "Совесть начинается со звания полковника".

Начальник генштаба отказал Геве в праве выступить с речью перед полком и сказал: "У того, кто составляет подчиненных ему солдат, нет права объяснять им свои мотивы".

Во время Войны за Независимость один из командиров Хаганы пришел к Бен-Гуриону перед взятием Латруна и сказал, что не согласен с этой операцией и не может в ней участвовать. Он попросил снять с него нашивки и оставить простым солдатом. Полковник Эли Гева официально попросил демобилизовать его из армии подчистую.

Вечером на дороге вдруг начинают гудеть сирены

всех сортов. Из темноты вываливается полсотни машин, набитых людьми. Сидят на крышах и в багажниках, размахивают флагами, кричат, сирены безумствуют. В деревне — свадьба.

Ночью во время дежурства на крыше — дивное зрелище: голый шофер комбата с автоматом на шее выбегает из ворот и, размахивая фонарем, несется к сортиру. Не добрав до него нескольких метров, оглядывается, садится прямо посреди дорожки и кряхтит, держась за автомат. Возвращается обратно облегченный, радостный. На мой удивленный вопрос, почему он не мог делать то же самое внутри будки, отвечает: "Там темно!" — "Так у тебя же есть фонарь!" Да, но, если террористы застукают его в будке, там можно утонуть в нечистотах, а на открытой местности всегда больше шансов убежать. Патрульные хохочут.

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Перед долгожданной увольнительной побрился, принял душ, достал на складе новенькую пару обмундирования, сложил все вещи и сию же минуту наготове вот уже два часа. Наконец, пришел автобус из Тель-Авива, но не успели мы в него забраться, как поступила команда: готовность номер один, увольнительные автоматически отменяются, выйти из автобуса, вернуться на свои места. Остаток дня просидел на своей койке, не переодеваясь и не переставая думать о том, какой я дурак, что не уехал с утра попутными машинами. К вечеру тревога кончилась, машины с людьми вернулись на базу. К нам приехала "передвижка" — прицеп с телевизором, мощной антенной и стереопроектором. Тут же был и кинопроектор с двумя фильмами, которые начали крутить после ужина и до половины второго ночи.

Всю ночь у наших соседей-ооновцев лаяли собаки. Собак у них тьма, все приبلудные шавки к ним сбежались: они их кормят из своей кухни. Утром негры выбегают на физзарядку в разноцветных майках и, распугивая крестьянок с узлами и кастрюлями на голове, трусят по главной дороге. Один наш остряк высказался так: "У них зарплата в долларах идет, жратвы навалом, держат нейтралитет и баб сколько хочешь, а мы лопаем крутые яйца и получаем хрен вместо денег. Кто же из нас негры?"

Увольнительные все еще отменены. Продолжается прочесывание местности. Автопарк нашего батальона в этой войне пополнился трофейными машинами, ребята выезжают "на объект" на джипах, полуторках, пикапах, брошенных террористами. Номерных знаков на них нет, только от руки нацарапан армейский номер и выведена буква "У" — ЦАХАЛ. На капотах прикреплены квадратные полотнища красного и оранжевого цвета — опознавательные знаки для своей авиации. А разве сирийцы не могут разукрасить свои танки такими же знаками, чтобы ввести нас в заблуждение? Не могут, потому что боятся, что их авиация примет эти танки за израильские и разбомбит. Простая и логичная мысль. Пользоваться трофейной машиной очень удобно, но садиться в нее надо крайне осторожно и только после проверки. Уже было несколько случаев, когда после первого же поворота ключа зажигания такая машина взрывалась вместе со всеми пассажирами. Вообще мин очень много, и саперам работы хватает. Особо опасные места (дороги, проулки, проходы) оцеплены колючей проволокой, на которой висят желтые таблички: "Осторожно: мины!" Недавно на mine подорвалась одна ливанская крестьянка. Израильский сапер пошел ее спасать, наткнулся на другую мину — и ему оторвало ногу.

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ

Меня не покидает мысль: что мы здесь делаем? В прошлом столетии нас окрестили бы экспедиционным корпусом, в этом — называют оккупантами. Или освободителями. Но кого и от чего мы освобождаем? Христиан от мусульман? Шиитов от суннитов? Друзов от маронитов? Решили покончить с хаосом в чужой стране и навести в ней порядок? Воспоминания и ассоциации громоздятся друг на друга.

В Израиле нет сумерек. В Ливане есть. Этакое дымчатое мерцание стушевывает ярко-голубой цвет неба и ярко-зеленый цвет земли. Все становится чуть призрачным и тихим.

Два стакана сухого под вечер
Все печали мои утолят,
Кипарисы, как черные свечи,
В догоревшем закате стоят.

Колокольца коровьи и запах
Кофе, трав и прошедших веков,
Что же это — Восток или Запад,
Или просто игра облаков?

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Сегодня — мой день рождения, и, как самый лучший подарок, отменяют готовность номер один и разрешают увольнительные. 48 часов, включая дорогу. В девять утра дают автобус до Нагарии. Возвращаемся в Израиль: прожаренное шоссе, "пробки" и армейские заслоны, пыльные рощи и плантации по обеим сторонам дороги и, наконец, голубое-преголубое море и соленый воздух. Далекий обрыв, за которым начинается моя страна. Пограничный пункт в Рош ха-Никра, через который мы проехали на войну две с половиной недели назад. Две могучие солдатки с нарукавными

повязками "Военная полиция" останавливают автобус и приказывают всем выйти. Шарят под сиденьями и на полках. Потом мы открываем свои сумки, рюкзаки — поиск возможных трофеев и покупок продолжается там. "Почему я не могу за свои деньги купить себе какую-нибудь ерунду?" — спрашивает один из ребят. "Ты купишь ерунду, — отвечает солдатка помоложе, — а вот он (она почему-то указывает на меня) купит себе три цветных телевизора. За свои деньги, конечно". Проверка кончилась, начинается Израиль. Тупая тревога резко отступает. Можно опустить автомат и расслабиться: по дороге в тебя никто не выстрелит. Нагария — совсем другой мир, мир смеющихся людей, говорливых женщин. Вывески только на иврите... Целый час ждем попутной машины до Хайфы. Уставший сержант рядом со мной материт проезжающих мимо: "Когда в них из "катюш" стреляли, они нас силой в машины затаскивали. А теперь кладут на нас!"

На тряском армейском грузовике добираюсь до Хайфы, оттуда автобусом в Тель-Авив и еще одним автобусом — в Реховот. Дома! От моих 48 часов осталось уже только 40. Пока меня не было, младший сын начал ходить и теперь бегает по всей квартире, как бывалый моряк в качку. Старший уважительно ошупал сначала автомат, потом меня и гордо сообщил: "Папа пришел с войны". Знакомые запахи, мои шлепанцы, стирка белья, нераспечатанные письма, домашняя еда, детские голоса и одна-единственная мысль: снова возвращаться туда, уже совсем скоро, еще 20 часов, еще 10, еще...

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Будто и не было отпуска. В семь часов утра я сижу у стадиона "Яд-Элияху" в Тель-Авиве со своей сумкой и обувной коробкой, которую жена с тещей набили пирогами и печеньем. Собираются еще несколько солдат. Ждем автобуса на Бейрут.

В автобусе рядом со мной курчавый йеменец лужает семечки и выплевывает шелуху прямо на пол. "Ты бы в пепельницу", — укоряют его. "Для него весь автобус — пепельница," — смеются сзади. Сосед невозмутим: "Арабы уберут — им за это деньги платят".

Те же города в обратном порядке — Хайфа, Акко, Нагария, Рош ха-Никра. Автобус идет вдоль побережья. Рукописные знаки сменились зелеными дорожными указателями. Стрелки направляют в Тир, Сидон и дальше — в Бейрут. Схожу на перекрестке и оказываюсь один как перст, в окружении ливанцев. Попутных нет, и ситуация становится малопривлекательной, как вдруг с бензовоза прыгивает знакомый ефрейтор из нашего полка. Вдвоем спокойнее. К тому же он говорит по-арабски. Попутных по-прежнему нет, и ефрейтор предлагает остановить любую машину, которая едет в нашу сторону. Нарушаем приказ ("Не пользоваться гражданским транспортом") и останавливаем потрепанный "Мерседес" с разбитым ветровым стеклом, в котором сидят четверо мужчин. Ефрейтор садится впереди, я — сзади. Только бы не нарваться на военную полицию. Водитель — дьявол: горные повороты берет, почти не сбрасывая скорости, нога — на газе, рука — на гудке. Какофония сигналов, встречные машины с такими же сумасшедшими водителями, ооновские лагеря, полуденное умирание городков и деревень в густой и душной пыли. Еще несколько минут — и я вхожу в нашу виллу, сажусь на свою койку и спрашиваю сам себя: неужели я был дома? У меня есть одно-единственное доказательство: коробка из-под ботинок фирмы "Бриль" с домашним печеньем, на которое налетают мои голодные товарищи по оружию.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ

В России срок службы отсчитывали по еженедельным баням, здесь — по субботам. Третья суббота в Ливане. До исхода субботы на кухне нельзя зажигать огонь, и

все сидят по своим углам с газовыми горелками и разогревают кофе. Поскольку кухня не работает, нет завтрака. В ход идут вчерашний засохший хлеб, оставшийся с вечера сыр и сморщенные помидоры. Любители консервов открывают сардины и маслины. Кое-кто предпочитает завтракать халвой. В желудке пусто и гулко, как в порожней бочке.

В десятом часу утра у ворот виллы появляется наш сосед — подрядчик. Хотя он живет напротив, солидности ради (или по привычке) приехал на огромном черном "Бьюике". Пожилой, аккуратно одетый мужчина с усами и в очках, на пальце — неперенный золотой перстень. Просит освободить виллу: оказывается, те, кто стояли здесь до нас, обещали ему не задерживаться больше 2—3 дней. "Я несую большие убытки! Стены спалили, мраморный пол поцарапали, я не могу закончить работу!" Он говорит по-английски, очень тихо и вежливо. "Передайте вашему командиру мое приглашение на чашку кофе. Мы с ним посидим и побеседуем!" Но командир ему не поможет, он не решает такие вопросы. Говорят, что это начальник шиитской милиции распорядился предоставить израильской армии недостроенную виллу. А к нему подрядчик не идет жаловаться — боится. Он стоит у ворот, и часовой не пускает его внутрь.

Тяжелая скука. Читать не хочется. Иду на кухню взять апельсин. Мимо пробегает наш канцелярист с лицом скорбным и помятым: еще один случай сильного поноса. Наверху офицеры играют в домино, во дворе нижние чины сражаются в шеш-беш. Мы еще ни разу не чистили свои автоматы. Стрелять пока еще тоже не приходилось. В увольнении я встретил соседского мальчика, три года назад он приехал из Литвы и в этом году идет в армию. "Ну, как в Ливане? — спросил он восторженно. — Рукопашные бои у вас были?"

Обед не лучше завтрака. Консервы из сухих пайков. Мухи и пчелы. Наш повар борется с пчелами оригинальным способом: оставляет на столе недопитые

бутылки сладкого красного вина и еще подсыпает в них сахара. Пчелы плавают в вине, а новые самоубийцы уже скользят вниз по горлышку.

Вечером приходит знакомый парень из шиитской милиции. Он покупает в "Шекеме" десять пакетов семечек и платит израильской валютой. "Гариним — тов!*" — широко улыбается он. "Еще год, — философски замечает "шекемист," — и ливанцы будут говорить на хорошем иврите".

Серо-голубые сумерки. Смазанные силуэты холмов, и над ними бельмо луны. Древние германцы советовали к вечеру смотреть для спокойствия души на воду или на огонь. Нет ни воды, ни огня, ни спокойствия.

Ночью со стороны Литани доносятся drobные автоматные очереди.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

На завтрак подается блюдо под названием "шакшука" — мелко нарезанные помидоры, хорошо прожаренные, пропитанные жиром и залитые яйцами. Все это перемешивается на сковороде до однородной массы, по цвету напоминающей не то яичницу, не то картофельное пюре. Интересна одна из гипотез происхождения самого слова: после образования государства Израиль и массовой алии из Марокко и Йемена социалисты-ашкеназы долго пытались довести новых репатриантов-сефардов до достояния некой однородной массы, каши, что ли, и, естественно, встретили сильное сопротивление. "Шак ли ба-тахат! Шак, шак, шак!" — "Поцелуй меня в задницу!" — таким был ответ на теорию "каши". Из "шак-шак-шак" и появилась "шакшука".

Снова приходил сосед-подрядчик. Перебирал голубые четки с золотым хвостиком и просил вернуть

* "Гариним — тов!" (ивр.) — "Семечки — хорошо!"

виллу. Когда он ушел, офицеры стали обсуждать положение:

— Говорят, что он террористам помогал, поэтому у него дом и забрали.

— Никто не забирал, ЦАХАЛ все дома в аренду снимает.

— Да, я тоже об этом слышал. Виллу, где наш штаб полка стоит, за полмиллиона лир на шесть месяцев сняли.

— Каких лир, ливанских?

— С ума сошел? Израильских, конечно!

— Неужели на шесть месяцев? Зачем же подрядчику сказали на три дня?

— А ты хочешь, чтобы мы ливанцам все военные тайны пораскрывали?

Ночной патруль. Ходим вдоль забора виллы с Йоси, телевизионным техником из Бат-Ям, любителем анекдотов. Первый анекдот: Арафат приехал в Китай покупать оружие: "А зачем тебе?" — спрашивают его. "Как зачем? Евреев убивать!" — отвечает Арафат. "А сколько их, евреев-то?" — интересуются китайцы. "Четыре миллиона", — отвечает Арафат. "И в какой же гостинице они живут?" Актуально, если вспомнить подаренные мне ботинки китайского производства.

С крыши на нас обрушивается синий луч прожектора, с которым играет бородатый Хен. Луч уносится в небо, а потом медленно обшаривает деревенские дома на горе. "Сейчас посмотрим, чем они там занимаются?" — хохочет Хен. "Слушай, — говорит ему Йоси, — а тебе было бы приятно, если бы тебе в постель светили прожектором?" "Мотек*, — рокошет сверху невидимый Хен, — мы же на войне, в полевых условиях, понял? Безопасность!"

Йоси плюет под ноги, молчит с минуту и рассказывает очередной анекдот.

* Мотек (ивр.) — лапушка, досл. "сладкий ты мой".

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Жаркие и тоскливые часы, заполненные шумной игрой в шеш-беш, перелистыванием вчерашних газет и обсуждением того, что будет с Израилем, если Арик Шарон станет главой правительства. "Диктатура, — резюмирует Меир, учитель истории Древнего Рима и средних веков. — Кто рот откроет — сразу в тюрьму!" "Вот и хорошо, — искренне радуется Цвика, владелец небольшой слесарной мастерской в Кфар-Саве. — Так мы всех левых и придавим". Левые начинают громко возмущаться.

Поход в соседний магазинчик утвердил меня во мнении о расторопности и хорошем чутье ливанских торговцев: за последнюю неделю в ответ на возросший спрос они успели вдвое поднять цены. И все равно товары еще дешевые. Белая майка с ливанским гербом и яркой надписью по-английски: "Горжусь тем, что я в Ливане". Эту майку я не купил.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Второе ЧП похоже на первое: террористы обстреляли армейский джип в том же самом месте, где на их засаду напоролся несчастный автобус. На этот раз — двое раненых. Один из них — тяжело. Вопрос без ответа: почему террористы вернулись в то же место после недельных поисков и прочесывания всего района?

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ободряющая радионовость: совместная война Израиля и Иордании против... комаров. Соответственно в Эйлате и Акабе самолеты с самого утра распыляют отраву. Жаль, что 12 лет назад Израиль не присоединился к Иордании в ее однодневной, но радикальной войне с "комарами" из ООП.

Ливанские комары, видно, почувствовали мое отношение к ним и поработали надо мной в эту ночь особенно основательно. Пишу и расчесываю распухшие руки, губы, ноги.

Наши незатейливые трапезы стали чуть ли не ежедневно сопровождаться арбузами и дынями. Дыни по цвету и вкусу похожи на среднеазиатские.

Написал жене десятую открытку. Все предыдущие военная цензура пропустила без задержки, пометив на память своим штемпелем.

Похоже, что атака на Бейрут началась, но по радио она была названа "тактическим маневром местного значения".

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Атака! Настоящая атака, которая идет уже с полуночи. Танки вошли в мусульманский квартал и через лагеря беженцев, кругами движутся к самому центру. Сведений о наших потерях еще нет, но этот вопрос у всех на языке. Вторая увольнительная, кажется, накрылась окончательно, и дай Бог не застрять тут еще на... Страшно даже написать на сколько.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

19 убитых! В том числе двое ребят из нашего полка. Все комментарии сводятся к одному: "Не стоило. Окружили, так и нужно было их измором брать". И еще: "Если уж погибать, так за Иерусалим, а не за Бейрут". Никто не говорит, что для такой массовой атаки 19 убитых — сравнительно мало. Понятия "мало" просто не существует. Всегда есть только "много", а теперь даже "слишком много". Для сравнения: в стремительной Шестидневной войне погибли 777 человек.

Вчера было очень много раненых — около 100.

Тяжесть ранения в Израиле определяется по степени выживаемости, поэтому безрукие, безногие и слепые могут попасть в категорию ранений "средней тяжести".

Вечером принесли газеты с поименным списком тех, кто погиб накануне. Молоденький сержант из полковой разведки, закричав страшным голосом, начал рвать газету и материться сквозь слезы: среди убитых оказался его лучший друг, с которым они проходили действительную службу.

Сегодня пошел третий месяц войны.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Редкая okazия посмотреть Ливан — с утра еду сопровождающим со связистами. Командкар — не такси, а ливанские дороги — не израильские: ни центральной власти, ни налогов, ни дорожного контроля, ни ремонтных работ. Сплошные рытвины, колдобины, выбоины, на которых машина скачет, как кенгуру, расшибая свои покрывки и наши задy. Мелькание крестьянских соломенных шляп, голубых ооновских касок, и в одном месте — джип с тремя солдатами ливанской армии, единственной, которая не участвует в ливанской войне. Их можно узнать по твердым шапочкам с длинным козырьком вроде той, что до сих пор носит майор Саад Хадад, бывший командир батальона в ливанской армии, а ныне некоронованный король Южного Ливана.

Если отвлечься от крови и от политики, Ливан производит ошеломляющее впечатление. "Швейцария!" — говорят даже те, кто в Швейцарии не был. Петляешь между холмами, заросшими неведомыми цветами, между шеренгами зеленых ростков табака, огибаешь спрятавшиеся среди кипарисов одинокие домишки, взлетаешь, виток за витком, в гору и оттуда вдруг видишь огромную долину, в которой через рощи и плантации цитрусовых прорывается река, петляет, перекачивается через камни, изгибается и исчеза-

ет из виду. Начинается спуск. В реке, раздевшись догола, купаются солдаты и местная ребятня. Дети машут руками. На одной развилке обогнали мальчика лет десяти. Я только успел увидеть, как что-то белое, мелькнув в воздухе, упало в кузов прямо передо мной, и отшатнулся назад. Водитель затормозил, а сержант хотел броситься к мальчику. И только тут я разглядел, что на полу лежал бутон белой розы. "Цветок!" — удивился водитель. "Цветок, — подтвердил я. — Роза". Мальчик помахал нам рукой и заулыбался. Заулыбался и сержант, за ним водитель и все остальные. Роза была увядшей с поблекшими лепестками, которые уже осыпались. Я вертел ее в руках и думал о том, что хотя бы вот этот единственный мальчик верит в то, что я достоин розы.

Большое арбузное поле. Пыльные маленькие городишки с обязательным базаром и грудями овощей и фруктов. Снова поля. Ржавая придорожная трава и россыпь автоматных гильз. Еще несколько метров — обугленный скелет грузовика. Обгоняем джип, в котором сидят наши офицеры в кокетливых панамах, поля загнуты кверху и прихвачены завязками, как тexasские шляпы. Наскоро построенные бараки для беженцев: листы жести, автомобильные дверцы и доски — из них собраны и сколочены жалкие временки, вокруг которых ползают маленькие дети. А потом из белой пыли и раскаленного полудня выплывает настоящий лагерь: котлован, оцепленный тремя рядами колючей проволоки, с вышками, патрулями и бесконечными рядами туго натянутых белых палаток, в которых сидят пленные террористы. Их тут около семи тысяч, по двенадцать человек в палатке, откуда их выпускают только в душ и туалет. Целый день они сходят с ума от безделья, спят, молятся, рисуют на песке "крестики-нолики", разговаривают, ссорятся или молчат. Команджар огибает котлован, и белые палатки растворяются в кипящем солнце. Мени, водитель, бормочет сквозь зубы: "На кой черт нам столько пленных? Я бы ни одного не брал". "А что с ними

делать, если они сами сдаются?” — интересуется смешливый Алекс. Мени молчит и разгоняет машину все больше и больше, пока мы не начинаем материть его последними словами. Пыль. Ее тут больше, чем у Киплинга.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Все началось еще в темноте, в два тридцать ночи. Я стоял на крыше нашей виллы, точнее, сидел там на стуле без пояса и автомата и пил из фляжки холодный чай. Вначале что-то ухнуло, коротко и гулко. Потом затрещали автоматные очереди, ударил пулемет, снова автоматы, а потом с ровными интервалами стали взлетать осветительные ракеты, обычные и ”люстры”.

Пущенная из миномета ”люстра” распускается в воздухе на страшной высоте и висит там минуты три. По радиации сообщили, что патрульный командкар напоролся на мину и один человек тяжело ранен в спину и в голову. Через несколько минут к месту взрыва помчался джип, а за ним санитарная машина с дежурным врачом. На крышу прибежал наш ротный и приказал направить в ту сторону прожектор. Сам он смотрел в бинокль, но ничего не было видно. Он сказал, что в 23.00 патруль проехал там, и все было спокойно. Значит, за три часа кто-то из местных заложил взрывчатку и натянул шнур. При повороте командкар чуть съехал с дороги и задел шнур передним колесом.

Ротный исчез. Я увидел в бинокль, как на темной дороге появился силуэт санитарной машины. Она остановилась рядом с полем, на котором уже расставили опознавательные сигналы для вертолета: цветные фонарики и несколько самодельных факелов в консервных банках.

Все было, как на учениях. Не прошло и десяти минут, как где-то недалеко затарахтел медицинский вертолет. Я несколько раз включил и выключил прожек-

тор, но пилот все равно проскочил мимо и сделал еще два круга, прежде чем опустился на поле. Он поднял тучу пыли и так грохотал, что все местные жители должны были проснуться. Из санитарной машины выскочил врач и, придерживая пластиковый пузырь с раствором, побежал рядом с носилками, которые несли четыре человека. Согнувшись, они добежали до вертолета, и больше ничего не было видно. Только пыль и рванувшийся вверх вертолет, взявший курс на Хайфу.

Тишина давит на барабанные перепонки. Внизу смеялся патруль, и новая смена спрашивает, что случилось. Рассказываю то, что видел, и слышу снизу: "Опять увольнительные отменяют. Чтоб мне так жить, отменяют".

Скоро месяц, как мы сидим в Ливане. Недавно в "Иедиот ахаронот" была статья под названием "Сноб, ты в Бейруте был?" Нет, в Бейруте я не был. И, честно говоря, не рвусь. Там сейчас самое пекло. Опять ходят слухи, что нас туда скоро перебросят. Как будет называться продолжение этих записок — "Осень в Ливане", "Зима в Ливане"?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Борис Давыдов, 21 год,
родился в Душанбе,
в Израиле с 1973 года,
выпускник средней школы.*

Когда я видел войну в кино — и в Союзе, и здесь — я думал, что это все позади, что мне не надо будет идти на войну. Мой дед уже все это прошел. Я думал, что мир уже стал умнее. Оказывается, пока есть армии и споры между государствами, всегда будут войны.

Я не знаю, нужна эта война или не нужна. Я — кто? Просто солдат, надо мной есть командир и правительство. Они решают. Даже если я думаю по-другому, приказы я все равно выполняю.

Сначала, когда мы только вошли в Ливан, я думал, что наша задача — отогнать террористов как можно дальше от нашей границы. А когда мы подошли к Бейруту, я начал думать, что мы просто влезли в болото.

Мы начали войну на Восточном фронте. Сирийцы нас обстреливали, а мы не могли отвечать. Был приказ: не ввязываться. Мы тогда двигались колонной к одному перекрестку. Думали, что там будет много террористов. Их было немного, человек десять, и мы их всех уничтожили. И тогда сирийцы начали нас обстреливать из пушек. Мы спрашивали, что делать? А нам

отвечали — ничего. Мы сидели в бронетранспортере и просто ждали, что будет. Вокруг взрывались снаряды, а мы сидели. Потому что, если снаряд упадет рядом, то бронетранспортеру ничего не будет. Вот, если прямое попадание, тогда... Но мы сидели и надеялись, что в нас не попадет. Часа два так просидели. Сначала вообще казалось, что это — учения. Трудно было поверить, что это прямо в нас стреляют. Потом, когда каждые десять-пятнадцать секунд взрыв, я уже ни о чем не думал. Не знал, что думать. Я не хотел бояться, но... боялся, очень боялся. Все боялись и были в напряжении, и от этого много говорили. Иногда шутили: что будет, если в нас попадет снаряд? А вообще какое-то оупение было, что ли.

Когда обстрел кончился, у нас был один убитый и несколько раненых. Снаряд упал около санитарной машины, а один из ребят был снаружи. Он просто еще не успел залезть внутрь, и осколок попал ему в затылок. На месте убило. Так окончился первый день. Первый день войны.

Сирийцев я первый раз видел в бинокль. Как выглядели? Как люди. Я знал, что он стоит против меня по той же причине, что я стою против него. Не из-за меня и не из-за него.

В Бейруте мне один раз сказали стрелять в человека, а я не стрелял. Не мог. Там была уличная перестрелка. Со мной было еще двое солдат. Я сидел на корточках, а солдаты стояли возле стенки. Вокруг было много гражданских, и мы вначале в них не стреляли. Потом мы увидели, как один гражданский выскочил откуда-то и бросил гранату в дом, где были наши солдаты. Бросил в окно и убежал. Метрах в ста от нас. И нужно было стрелять, не в него, в другого. Я не стрелял, не мог. Это было вообще как в театре. На крышах, на балконах сидели ливанцы и смотрели. Не мог я по всем стрелять. В конце концов, все они такие, все нас ненавидят. И потом, человек в гражданской одежде. Если бы он был в форме, я бы действовал по-другому. А тут... мне товарищ кричит: стре-

ляй! А я ему говорю: хочешь стрелять — стреляй! Но он тоже не стрелял. Ливанец был безоружный и такой испуганный. Что-то меня удерживало, как будто тормоз какой-то. Не мог нажать на курок. А тот уже успел убежать, пока мы волынили.

В Ливане нельзя различить, кто враг, а кто — нет. Я ведь был в Ливане еще до начала войны. Мы Хададу тогда помогали. Ты думаешь о ком-нибудь, что он — друг, а он — враг. И наоборот.

Но вообще я чувствовал гордость. За то, что... на нас смотрели как на освободителей. Мы — освободители. Так они нам давали почувствовать вначале. Ходили к нам за помощью, показывали, где осталось оружие террористов. Один раз мы даже играли с ними в футбол. Выиграли, конечно.

После первых двух дней мы получили разрешение стрелять по сирийцам, но особенных боев не было. Ребята иногда говорили: наше счастье, что мы не участвуем. А иногда, наоборот, что, мол, с ума можно сойти, сидим тут и не стреляем. В первые дни было много погибших.

На пятый день нас атаковали сирийские самолеты. Мы стояли на месте, и вдруг — вижу МиГ-23. Еще изда- лека увидел. Сразу узнал. По крыльям — они открыва- ются. Увидел и закричал: "МиГи!" Так и закричал: "МиГи!" Все знают, что это — самолеты. Все бросились бежать, а я почему-то остался в машине. Я люблю само- леты и всегда смотрю на них. И вдруг я вспомнил, что сейчас война. Я даже не подумал сначала, кто в самолете, что за самолет вообще, что будет дальше. Несколько секунд так прошло. Потом смотрю — все разбегают- ся. Если бы другие не бежали, я бы тоже не побежал. Там рядом горы были, так все — туда. Я не успел добе- жать, залег на полдороги. Решил, что будет, то будет. Самолет только одну бомбу бросил — наши его сбили. Лежал я совсем недолго, буквально секунды. Как только самолет пролетел, я тут же вскочил и побе- жал дальше. Бомба упала где-то далеко. И самолет — там же.

После первого прекращения огня стало потише. Мы много дежурили, сторожили. Потом начали искать террористов по деревням. Каждый раз шла какая-нибудь рота из нашей части. Ходили по домам. Один остается у двери, другие входят. Находили много оружия. Работа, конечно, неприятная. Мы хоть и пехотинцы, но все же солдаты, а не полицейские. А тут надо по домам ходить. А что делать? Резервистов же на это дело не пошлешь или еще кого-нибудь, кто этому не обучен.

Террористов мы ловили и в лесах. Иногда находили их в пещерах. Часто не могли с ними даже объяснить: они совсем языков не знают. Попадались и такие, что из Африки или с Дальнего Востока. Наемники. Один раз поймали двух молодых, лет по восемнадцать. Нашим показалось, что они говорят по-персидски. Стали искать, кто у нас персидский знает. Потом оказалось, что ребята ошиблись — по-персидски они не говорят. Нашли у них лист денежного довольствия и только оттуда узнали, как их зовут. Откуда-то с Дальнего Востока. Сказали, что приехали учиться. А на самом деле, когда ЦАХАЛ этот район занял, они свое оружие в пещере спрятали и вроде как чистые. Пастухами прикидывались. Мы всех допрашивали, кто нам попадался. Если человек плохо знал арабский, это уже точно что-то подозрительное. У нас многие ребята знали арабский и вообще могли отличить арабов.

Так все и шло, пока на третий месяц не послали нас на отдых в Акко. Были мы там три дня и в конце устроили вечер для раненых и их родителей. Было очень хорошо, но вдруг в разгар вечера приехали автобусы, и часов в одиннадцать мы поехали в Ливан. Спрашивали, что случилось, а нам сказали, что объявлена боевая готовность, убит Башир Джмайель и вроде есть решение войти в Западный Бейрут. Приехали мы в Тир, а потом где-то между Тиром и Сидоном сели на бронетранспортеры и двинулись к Бейруту. В Бейрут прибыли около шести часов утра. Уже было светло. Нам сказали, что скоро будем входить в Бейрут —

приготовьтесь. Мы проверили обоймы, наполнили фляжки водой. Как перед обычными учениями.

Вначале не сразу поняли, что происходит. Вчера вечером еще купались в море, в бассейне, слушали музыку, а наутро — уже в Бейруте, и со всех сторон стреляют. Были в шоке. Потом подбили наш головной бронетранспортер, и комбат приказал продвигаться дальше пешком. Вылезли из машин и двумя шеренгами двинулись.

Это было в районе порта, там вокруг много полуразрушенных домов. Трех-, четырехэтажных. Был даже один десятиэтажный дом, на перекрестке стоял. Нам приказали его занять. Мы туда вошли и расположились на всех этажах, чтобы контролировать этот перекресток. Нужно было ждать, пока подойдут наши десантники. Я был главным на пятом этаже и должен был следить со своими солдатами, откуда стреляют. Мы все сидели с автоматами у окон и смотрели. Наверно, нас окружили и не дали подойти другим силам. Мы оказались в этом доме одни, а тут в нас со всех сторон начали стрелять. Из "ар-пи-джи"* и разного другого оружия. В это время выстрелил наш танк. Он у самого дома стоял, и снаряд совсем рядом пролетел — мы все очень испугались. Мы тут же по радиации попросили, чтобы он больше не стрелял. Он, наверно, и не знал, что мы тут в доме сидим.

В нас стреляли, а мы не могли отвечать. Не видели, откуда стреляют. Мне приказали стрелять влево. Я взял ракету "ЛАУ" и выстрелил в дом, метрах в двухстах от нас. Первый раз не попал. Я вторую ракету пустил — не взорвалась.

Я остался лежать у окна, и вдруг слышу, как подо мной, этажом ниже, что-то рвануло. А там был мой командир роты. Я хотел посмотреть, что случилось, встал, и тут же возле меня разорвалась граната "ар-пи-джи". Через окно упала. Я отлетел в сторону. Сна-

* RPG — ручной противотанковый гранатомет.

чала ничего не понял. Вдруг чувствую, что ничего не вижу!

Последнее, что я видел, была лестница и комнаты. Потом — взрыв, и ничего не видно. Лежал и думал, может, я уже умер. Нет, вроде жив. Когда все тело начало болеть, я понял, что ранен. Начал кричать. Подбежали ребята, спустили меня вниз. Я был весь в крови, ничего не видел, но думал, что песок в глаза попал. Ужасно болели рука и нога.

Все случилось так быстро. Я хотел повернуться к окну. Сделал только пол-оборота — осколок попал мне под мышку. Еще один осколок ударился в каску, другой прошел через бронежилет в легкое. Я начал задыхаться. Нас учили, что, если есть дырка в легких, то надо сделать еще одну, чтобы воздух выходил. А я боялся. Не знал, как это делать. А тут еще нога и рука так болели, что я об этом совсем думать перестал.

Я был в сознании и все слышал. Старался меньше стонать, чтобы ребят не отвлекать, потому что все равно ничего нельзя было сделать. Со всех сторон продолжали стрелять. Я старался говорить шепотом. Потом я себя ощупал, вроде все цело. А болит — в жизни такой боли не было!

Из-за обстрела меня не могли вывезти и перевели в соседний дом, там были санитары. Они меня забинтовали. Потом меня и еще одного раненого посадили в машину к одному арабу, дали двух сопровождающих и сказали арабу, чтобы вывез нас с этой улицы. Почему араб? Потому что по израильским машинам сразу начинали стрелять, а арабская, думали, проскочит. Наш командир по рации предупредил, что отправляет раненых, чтобы встречали. Только мы проехали метров сто, как в нас начали стрелять. Прямо по машине. Я лежал на полу с капельницей. Второму раненому еще до этого оторвало руку. Так он здоровой рукой держал мою капельницу. Всех, кто был в машине, ранило, кроме меня. Одному пуля попала в руку, другому в грудь — прошла около сердца навывлет и разбила мою

капельницу. Если бы я не лежал так низко, эта пуля была бы у меня в голове.

Араб то ли сбежал, то ли его убило. Один солдат сел за руль и привел машину в то же место, откуда мы выехали. Нас вытащили и положили на носилки. Ждали, пока стемнеет. Не знаю, сколько было времени, потому что я ничего не видел. Потом пришел какой-то араб и принес письмо на иврите, что через него можно вывести раненых.

У меня было самое тяжелое ранение. Много крови потерял. Сказали, что, если меня сейчас не отправить в госпиталь, то я потеряю всю кровь и умру. С другой стороны, на этого террориста нельзя положиться. Все это я слышал. Когда я услышал, что могу умереть, то сразу же подумал, что скажут маме.

В конце концов этот террорист меня вывез. Машина была такой маленькой, что у меня ноги торчали наружу, но минут через десять я уже был у батальонного врача. Он меня осматривает, а я ему говорю: "Доктор, обещайте мне, что я буду ходить." Я тогда еще не знал, что стану слепым.

А он говорит: "Все в порядке. Ты еще будешь бегать!" Я, конечно, обрадовался. Мне дали морфий, и я заснул. Потом меня отправили на вертолете в "Тель-ха-Шомер" и там начали вынимать из меня осколки.

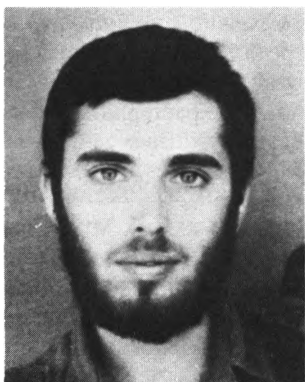
Проснулся я после операции утром в палате. Пришла моя сестра. Плачет... Я не вижу, только слышу. Спрашивает, как я себя чувствую. Я говорю, хорошо. Ей сказали, что мне нельзя нервничать после операции. Она немножко со мной посидела и пошла за мамой.

Врач мне все точно объяснил: у меня ранения в руку, в ногу, в грудь и в глаза. Рука, нога и грудь — все пройдет, это вопрос времени, а вот с глазами... Один глаз я потерял, а второй, говорит, постараемся спасти. Он меня обнадежил: раз стараются спасти, значит, есть надежда, что я когда-нибудь буду видеть.

Я — не герой. Я не сделал ничего такого, чтобы стать героем. Нет, не чувствую я себя героем. Я выполнял свои обязанности, около меня упала граната, и меня

ранило — вот и все. Герой это — тот, кто делает что-то большое, спасает кого-то или переходит линию фронта. Что-то большое. А я просто продолжаю жить. По-моему, так каждый может, и я смог.

Мама говорит: "Бедный мой, бедный!" А я ей говорю: "Бедные те, от кого дома только фотокарточка осталась. Я ведь вернулся живой".

Марк Горенштейн, 23 года, родился в Ленинграде, в Израиле с 1979 года, студент.

Когда мы вошли в Ливан, я даже не сразу понял, что мы уже не в Израиле. Оглянулся на Метуллу и спрашиваю: "А что, мы уже за границей?" Мне отвечают: "Да, за границей".

Первое, что запомнилось, случилось около Бофора. Уже после того, как его захватили. Наша колонна двигалась на север. На дороге нам попался "Мерседес" с немецким номером, в котором сидели мужчина и женщина. Туристы из Германии. Я никогда не забуду их лица — совершенно ошалевшие, безумные. Представляете, оказаться в чужой стране, да еще в такое время! Они, наверно, ехали к нашей границе, а тут — колонна танков. Они были совсем ошарашены, не понимали, что происходит. Ну, и, конечно, за себя боялись. Еще бы! Прижатый к скале немецкий "Мерседес", на который едут израильские танки! Мы постарались аккуратно их объехать. Мы даже ливанские машины старались не задевать.

Первый бой был около Джебзина, на Восточном фронте. Такой небольшой городок, довольно пустынный. Всюду белые флаги. Нам сказали, что там все

тихо и чтоб не стрелять. Мы проходили город тремя группами по десять танков в каждой. Я был в средней. Первая группа как раз уже прошла площадь в центре города, а мы туда еще только входили, когда вдруг началась стрельба. Стреляли по нам противотанковыми ракетами, из базук, бросали ручные противотанковые гранаты. Мы сначала растерялись: нам же сказали, чтоб не стрелять в гражданское население, стараться не ввязываться. Оказалось, что мы попали в засаду сирийских командос.

Стреляли по первой группе и по нашей. Мы сразу же получили команду: "Развернуться и уходить из города!" Вижу, соседние танки начали разворачиваться, и я — за ними. Была небольшая паника, и командир меня уже почти не направлял, не до меня было, так что я сам крутился. Я-то развернулся, но задние танки решили отходить на реверсе. Получалось это у них, конечно, медленно, и я никак не мог обогнать тот танк, который ехал передо мной. А мой заряжающий говорит: "Дай ему развернуться, и мы поедем за ним". Только он развернулся и отъехал, как я увидел с правой стороны четверых командос с базаками. Они стреляли по танку, который только что ехал передо мной. Попали прямо в башню, но все обошлось. Командир того танка открыл огонь из пулемета, и я увидел, что двое сирийцев бегут, а двое уже лежат.

В первой группе был один убитый, а у нас — несколько раненых. И один танк потеряли.

Надо сказать, что тогда я действовал просто механически: знаешь свое дело и делаешь его. Потом уже появляется страх. Особенно страшно было, когда нам сказали, что мы должны входить в город второй раз. Просто другого выхода не было — нам нужно было пройти это место. Я помню, как закрывал над собой люк, и... это не был обычный страх, это что-то другое. Странное чувство. Думал о том, как бы выжить.

А тут подошла свежая часть, необстрелянная, они прошли перед нами. Они входили уже не так, как мы:

ехали и стреляли, снаряд направо, снаряд налево. За ними, конечно же, было спокойнее идти. Мы когда входили, так нам же фактически запретили стрелять. Правда, в тот момент, когда мы напоролись на засаду, каждый действовал как хотел. Но снарядами запретили стрелять — только из пулеметов. С самого начала сказали не стрелять, никаких стычек не будет. Даже без "если" — коротко и ясно: никаких стычек не будет. Оказалось, что разведка просто ошиблась.

После Джебзина люди начали бояться. Сирийские командос очень хорошо воюют. Уж лучше иметь дело с танковыми частями. А то выходит этот сириец с базукой и стреляет в танк с расстояния 20-30 метров. И попадает. То ли им наркотики какие-то дают, то ли их специально отбирают, но они свое дело знают.

А возле озера Карун был уже настоящий танковый бой. Сирийцы — в долине, мы заходим сверху по извилистой дороге. Там могут стрелять сразу несколько танков, потому что они оказываются на разных уровнях, это же не на равнине. Все было организовано очень здорово. Артиллерию наводили с земли и с воздуха. Прямо как в кино: мы смотрим сверху в бинокль, с расстояния полтора километра, и видим каждое наше попадание. Сирийских танков штук десять. А до нас в долину вошли ребята из бригады "Голани". У них были управляемые противотанковые ракеты. Издалека выглядит как игрушка: подпрыгивает, блестит на солнце, попадает в танк — и взрыв! Даже, если снаряды и ракеты попадали не прямо в танки, а рядом с ними, все равно открывались люки и сирийцы разбегались. Бегом бежали. Бросают танки и бегут.

Там я первый раз видел убитых. Но я их старался объезжать: неприятно как-то по людям ехать. Не хочу быть циничным, но потом от танка воняет, если наехать на человека.

С командос мы столкнулись еще раз. Было это ночью, ехали усталые. Мы ведь первую неделю вообще из танков не вылезали — прямо там и спали. Во время езды я даже воду на себя лил, чтобы не заснуть.

В одной машине они все заснули, и танк перевернулся. Съехал с насыпи и перевернулся. С людьми ничего, а танк пришлось вытаскивать тросами. Все остановились. Ребята были усталые, даже личное оружие не взяли — все в танках осталось. Я только собрался вылезти из танка, а тут — вспышки, выстрелы трассирующие, и прямо по нам. Из темноты, совсем близко. А наши все безоружные стоят. Я из люка высунулся и начал из своего автомата стрелять. По вспышкам. Тут наши стали разбегаться, за танки прятаться. Мне какой-то офицер кричит: "Идиот, лезь в танк! Тебе башку отстрелят!" Тут уже и другие ребята за автоматы взялись, потом слышу — пулемет ударил. Мне сразу веселее стало: все-таки не один. Потом из пушек начали стрелять. Утром командир роты нашел четыре трупа сирийских коммандос. Даже страшно подумать, что бы с нами было, если бы они подошли еще ближе. Вот такими небольшими группками они и воюют.

Я всегда к арабам с презрением относился: какие они вояки! Да и сейчас так думаю. Вот разве что сирийские коммандос. После этой войны я уже знаю, что это такое.

Был еще один случай, когда нам просто повезло. Мы ехали по горной дороге, как раз из-за поворота выезжали — вдруг вижу, метрах в двухстах впереди стоит сирийский танк: чуть высунулся, и башня в нашу сторону поворачивается. Медленно-медленно поворачивается. Я даже ничего не успел подумать. А заряжающий еще раньше меня заметил его и как закричит: "Танк, танк!" Они с командиром наверху были. Командир сразу дал команду стрелять. Снаряд уже был в стволе. Командир кричит: "Огонь!", а заряжающий кричит: "Не стреляет!" Оказалось, он забыл затвор открыть. Ну, опомнился, открыл, выстрелили — и мимо. Я, наверно, еще не успел испугаться, потому что ничего особенного не чувствовал.

Сирийцы тоже не выстрелили. После нашего первого снаряда их командир соскочил с танка и побежал. Со второго раза мы попали, и танк задымился. Потом

еще один снаряд — и все. Потом ребята, которые за мной ехали, говорили, что этого сирийского танкиста подобрала внизу какая-то гражданская машина с белым флагом. Мы тогда еще церемонились: гражданская, с белым флагом, ну как по ней стрелять!

Но так мы влипали только два раза, а вообще-то о нас очень заботились. Никогда просто так не бросали на местность, которую перед тем не проверили и не прочесали. А еще очень теплое чувство у меня появилось к нашим ВВС, очень я им благодарен. За всю войну ни разу не было, чтобы нам с воздуха угрожали. Бывали, правда, такие ситуации, когда вся танковая колонна на дороге стоит, так что один сирийский самолет мог бы всех раздолбать. Но им не до нас было — тем, которых еще не сбили. Говорили, у сирийцев хорошие летчики. А их на этой войне сбивали, как мух. Я только знаю, что танкисты у них слабые.

У нас, конечно, было большое превосходство в силах, да так и должно быть. Вообще мы думали, что вся эта война будет этакой небольшой прогулкой. Не получилось.

Константин Скоблинский, 34 года, родился в Харькове, в Израиле с 1973 года, программист.

Границу мы пересекали в полдень в Метулле. Ворота, забор — и все. Ужасно устали после 15 часов езды. Ехали в бронетранспортерах, большой колонной. Был уже шестой день войны и, когда мы входили в так называемую Ливанскую долину, шоссе было забито техникой. Пробки по всей дороге.

Не могу сказать, что раньше я себе ясно представлял, что такое война. Что-то такое, что даже трудно определить. Но на этой дороге я почувствовал, что тут не просто операция. Именно это движение в колонне создавало такое ощущение. Вроде бы не стреляют, и никаких врагов не видно, но чего тут только нет: все роды войск, вспомогательные части, зенитки, которых я вообще никогда не видел. Вся эта масса очень медленно продвигается, останавливается и снова продвигается. Узкая горная дорога, с одной стороны горы, с другой — пропасть.

Первое настоящее переживание? Когда МиГ пролетел над нами очень низко. МиГ можно узнать по специфической пятнистой окраске. Ощущение, конечно, не из приятных, но все было очень быстро. Никто

не успел даже отреагировать. Только какое-то инстинктивное движение; не то, чтобы спрятаться, но пригнуться, что ли... Мы стояли по пояс снаружи над бронетранспортером. Все длилось секунду, не больше. Потом говорили, что, по-видимому, этот самолет не собирался нас бомбить, а спасался от наших истребителей. Страшно было даже подумать, что он мог оказаться не один и вот так налететь на нашу колонну. Ты фактически беззащитен, ничего не можешь сделать. Спрятаться некуда, разбежаться тоже. Когда самолет пролетел, зенитчики выехали из колонны и заняли боевую позицию. Может быть, они ждали, что будут еще самолеты.

В долине уже стало совсем ясно, что идет война. По обочинам дороги стояли сирийские танки — уже сгоревшие, еще горящие, просто целые. Даже с работающими моторами. Мы прибыли туда в полдень, а накануне ночью там шел бой. Валялись машины, грузовики, убитые коровы, козы. Запах ужасный... Сама долина очень напоминает Верхнюю Галилею, это ее географическое продолжение. Она довольно узкая, километров 10-12 по ширине. Расположена выше Иерусалима, и там горная растительность, горный воздух...

По роду работы нам нужно высокое место. Мы нашли подходящий холм, с него виднелись сирийские укрепления в 2-3 километрах от нас. То место, где мы расположились, раньше занимали сирийцы. Их оттуда выбили в первую неделю. Было там несколько больших окопов, вырытых бульдозером для пушек, и окопов поменьше для стрелков. В них остались одеяла, телефонные провода, пустые консервные банки, следы костров, несколько сирийских монеток. Было еще что-то похожее на взрыватели, так что не стоило даже пытаться выяснять, что это такое. Хоть я и артиллерист, а снаряда в руки никогда не брал, не разбираюсь в этом деле.

В соседней группе один парень то ли наступил, то ли неосторожно взял в руки неразорвавшийся снаряд.

Ранение было легкое, но все-таки. Так что мы ничего не брали, не трогали. Один раз, правда, когда нам понадобилось что-то подстелить, мы взяли одеяла, но опять же с большими предосторожностями. Понимали, что все может быть заминировано. Такие случаи бывали. Например, тот танк, который я в самом начале видел на дороге, с работающим мотором. Он там так и стоял, пока мотор работал, никто его не трогал. А дня через три, когда его хотели отвезти, оказалось, что он заминирован: взорвался. И те, кто туда полезли, пострадали.

В долине мы оставались три недели. В тот день, когда мы туда попали, как раз было достигнуто первое соглашение о прекращении огня. И за все эти три недели в общем не было нужды в артиллерии, так что было довольно спокойно. Рутинка: днем готовили завтрак, обед, ужин, осматривались, читали детективы. Ночью дежурили, стерегли самих себя. У рутинки есть способность отодвигать все на задний план. Мы, конечно, ехали в твердой уверенности, что будем воевать. А тут — ничего. Было даже какое-то разочарование. А потом, когда думаешь об этом трезво, то говоришь себе: так оно и лучше. Все ребята у нас были довольны, и никто не хотел, чтобы снова началась перестрелка.

С ночными дежурствами в этот раз, правда, получилось по-другому. Не так, как обычно. Сначала мы дежурили поодиночке, но потом решили, что все-таки страшновато. Для меня-то большой разницы не было — одному или вдвоем, потому что... в любом случае страшновато. Особенно, когда вечером начинаются разговоры, что мы, мол, такие растяпы, а вот сирийской разведке нужны будут "языки", и ничего ей не стоит... в общем после таких разговоров стоит только дать волю воображению, сразу не по себе становится. Но я быстро понял, что не нужно себе ничего представлять: все равно ничего не предугадаешь. Вот, скажем, этот парень, который наступил на снаряд... Конечно, думаешь, как бы уберечься... Надеваешь что положено: пуленепробиваемые жилеты, каску. Обычно мы

же всего этого не носим, но первые несколько дней надевали: напряжение сказывалось.

Недалеко от нас была деревушка, где жили христиане и друзья. Мы туда ходили покупать напитки, сигареты, сладости. Несколько домов на окраине деревни стояли совсем недалеко от нас, и жители приходили к нам, приносили черешню, хотели пообщаться. Мы их угощали кофе. Говорили по-английски, потому что очень многие ливанцы подолгу жили в Канаде, США. Они там работали, родственники у них там есть. Спрашивали нас, когда они смогут свободно поехать на сирийскую сторону. Первое время, когда было особенно горячо, они сами не ездили, потом несколько раз пытались проехать, но сирийцы их не пропускали. Потом они все-таки как-то проходили, знали, наверно, всякие окольные пути. Один ливанец ходил к нам почти каждый день: дочь у него работала по ту сторону фронта в какой-то большой деревне, и он все беспокоился, как она вернется сюда.

Вначале ливанцы нас стеснялись. Все-таки мы были в форме, отношение к нам было более официальное. Потом потеплело. Еще один был, тоже приходил каждый день. Он не особенно хотел вести разговоры, просто в гости приходил, был очень доволен, что его хорошо принимают. Всегда приносил какое-нибудь угощение, и мы его угощали.

Потом нас перебросили к озеру Карун. Опять мы расположились на горе, над озером. Издалека очень красивый вид, прямо-таки пасторальный, если бы не сгоревшие танки, машины. Их просто сдвигали в сторону, чтобы не мешали движению. Здесь мы оказались еще ближе к сирийцам — меньше километра. Мы видели их позиции. Самих сирийцев? Нет, не видели, они не очень-то разгуливают. Там стояли пушки, батареи, грузовики — все довольно хорошо замаскировано. Мы тоже не высывались, по ночам огня не зажигали. Хотя они нас все равно не могли видеть: топография нам помогала. Наблюдали мы за их позициями из-за деревьев или из-за других укрытий. Не-

сколько ночей было неприятных, когда рядом началась стрельба. Стреляли группы террористов, которые пытались подобраться поближе к нашим позициям, чтобы пустить в ход противотанковое оружие. Наши вели ответный огонь прямо из танков, и было видно, как трассирующий снаряд летит, разрывается и поджигает пшеницу. В долине почти сплошь поля, и все больше пшеничные. Днем — сплошная желтизна, а ночью, когда пшеница горела — прямо как праздничный фейерверк.

Сам я с террористами не сталкивался, но не такой уж это был для меня абстрактный противник. Его присутствие ощущалось даже в повседневной жизни еще до войны. Например, весной 1982 года я думал поехать отдыхать с семьей на север, в район Кирьят-Шмона. А потом раздумал: мне было страшно везти туда детей, жену, да и самому было неприятно туда ехать. И ощущение это было далеко не абстрактное. Так что в этой войне я защищал непосредственно себя, если бы, скажем, я гулял по Кирьят-Шмона. И всех, кто живет на севере.

Иосиф Асс, 38 лет, родился в Москве, в Израиле с 1978 года, анестезиолог в больнице им. Шибы.

Я работаю в Тель-Авиве, а война на севере, и хоть 100-200 километров, вообще-то говоря, пустяк, для Израиля это — большое расстояние. Раненых из Ливана мы стали принимать не сразу, а где-то на третий, четвертый день войны. Тогда нам объявили, что больница находится в состоянии боевой готовности.

В анестезиологическом отделении мы разделились на две группы и работали посменно, по 12 часов или даже сутками. В больнице сразу открыли специальный приемный покой, рядом с ним построили посадочную площадку для вертолетов. Прилетает вертолет, привозит 20 раненых из ПМП — полевого медицинского пункта или, скажем, из больницы в Цфате, где им уже оказали первую помощь.

В больнице все время масса добровольцев: медсестры, просто какие-то женщины, пенсионеры — все пришли помогать. Работа самая разная: что-то записывать, носилки носить, перевозить каталку. Иногда бывает слишком много народу, это даже мешает, но люди хотят помочь.

Да, это моя первая война. Трудно. Я впервые видел

молодых ребят, которых выносили с поля боя с ожогами, огнестрельными ранениями, осколочными, с множеством ран в живот, в грудь, в голову, в руки, в ноги. Такая у нас работа, и видишь как ее делают: прибывает раненый, его в приемном покое осматривают, определяют, куда направить — в операционную или в палату, или на рентген. Если нужно срочно оперировать, то его осматривают хирурги разных специальностей, быстро устанавливают, в какой очередности они будут работать, сначала — грудные хирурги, потом — брюшные, потом ортопеды чинят ему руки — ноги. И ты работаешь. Операция продолжается и пять, и шесть, и восемь, и десять часов. Это, собственно, не одна, а много операций.

Я не хирург, я раненому только даю наркоз, слежу, чтобы был в порядке и, в общем, чтобы он выжил.

Был у меня однажды и сирийский летчик, которого сбили на Севере над нашей территорией. Прыгнул с парашютом и сломал ногу. Его привезли на операцию к нам. Вставили ему "гвоздь" в сломанную кость, и через два дня он уже ходил. Где-то было в подсознании, что он — сириец и бомбил наши города, но в ту минуту он — больной. Ты должен дать ему наркоз, а потом разбудить. Давал я наркоз и одному террористу со множественными огнестрельными ранениями.

Да, я знаю, неврачу трудно это понять: спасаешь наших солдат, а потом нужно спасать того террориста, который, может, их и ранил. Но любой медик меня поймет. В этот момент думаешь про клятву Гиппократ, про то, что перед тобой — раненый, ему не повезло, он попал к нам в плен, но он не должен умереть. Один хирург так это сформулировал: раньше его нужно спасти, а потом, будь у меня пистолет, я, может, сам бы его застрелил. Я могу сказать с чистым сердцем, что, когда он ранен, для меня совершенно неважно, кто он — наш солдат, сириец или террорист...

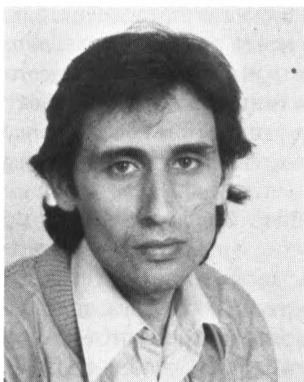
Вчера я давал наркоз женщине из Ливана, которой, можно сказать, повезло: у нее от керосинки начался

пожар — война тут ни при чем. 30% поверхности тела обожжено. От такого ожога можно даже умереть. А тут наши солдаты, видимо, каким-то образом узнали, что произошло, и переправили ее к нам в госпиталь. Ей делают пересадку кожи, лечат точно так же, как лечили бы обожженного, не дай Бог, израильского солдата, как любую израильтянку. Я видел работу хирургов, и абсолютно точно знаю: ни у кого даже мысли нет, что ей можно сделать операцию не так тщательно из-за того, что она — ливанка.

Что я думаю о самой войне? Во-первых, меня не призывают. Ребята там гибнут, а меня не призывают. Все правильно, я выполняю свой долг в больнице, совесть моя чиста, я не дезертир, и все-таки грызет: меня не призывают. Мою часть не призывают. Нет всеобщей мобилизации. Там погибло 214 человек*, больше тысячи раненых, а я живой-здоровый.

Во-вторых, в повседневной жизни, кроме работы, конечно, война чувствуется больше всего в том, что каждый час все включают радио и слушают новости. И еще женские лица. Видно, в каком женщины напряжении... Они продолжают работать, вроде все по-прежнему, но мужья-то и сыновья у них на фронте... Некоторые по неделе ничего не знают о муже, о брате, о сыне. Все это видишь на их лицах.

* — на 17 июня 1982 г.

Юрий Портной, 30 лет, родился в селе Единцы, Молд. ССР, в Израиле с 1972 года, зубной техник.

Победителем я себя не считаю, наоборот, считаю себя побежденным. Потому что это мои солдаты погибли. И для меня нет таких целей, которые оправдывали бы эту смерть. Хотя, может, и есть исключения, не знаю, не думал об этом. Вероятнее всего, что нет.

Конечно, войны без смертей не бывает. И все-таки нам, израильтянам, эта война ничего не дала. Уже в самом начале было ясно, что ни черта ни выйдет. Есть такое понятие "опьянение силой". Вот мы и опьянели. А выиграть — ничего мы не выиграли. Ну, навяжем мир этим ливанцам...

Их нужно видеть, этих ливанцев. Вот, как я их видел. Этих фалангистов! Отглаженные, одеколоном побрызганы... каждый, наверно, целый литр одеколона на себя вылил. Грязную работу делать не будет, ты за него делай! Он так и говорит: "Вы эту войну начали, вы ее и кончайте!" Кроме того, у них все можно продать и купить. Они и представить себе не могут, как это что-то нельзя продать. За бронежилет они готовы отдать "калашников" или три пачки гашиша. А за меховой комбинезон, "хермонит", так

и родной сестры ему не жалко. Когда мы не хотели что-то продавать, он просто не понимал, как такое может быть. А самое главное — ему это не нужно. Но он, как примитивное существо... Вот так, наверно, Колумб выменивал у индейцев золото на всякую всячину. Уверен, что ливанцы и этот мир продадут, когда увидят, что им это выгодно.

Представляя себе будущую войну, я всегда думал о ней с восторгом. Да, это был восторг. Был, да весь кончился.

На четвертый день войны палестинцы обстреляли из базук один из наших передовых постов в ста пятидесяти метрах от нас. Мы пошли туда вытаскивать тех, кто уцелел. Убитых не было, только двое тяжело раненых. Когда человек ранен ночью, на нем пишут номер. Мажут черной краской лицо, руки и пишут его личный номер. Чтобы ночью, если он умрет и не успеет сказать, кто он такой, можно было его опознать. Моя форма тоже была вся исписана. Нет, ранен я не был — на всякий случай это сделал. Сам. Авто-ручкой.

Вот, когда я увидел эти номера на раненых, мой восторг как рукой сняло. И начался страх. Я подумал: "Господи, только номер от тебя и остается!" Если мне страшно, если я пишу стихи, чтобы выкричать свою боль, так только потому, что, когда отгремят оркестры и кончатся слезы, кроме номера от человека ничего не останется. Это мне очень напоминает громадные кладбища немецких солдат в России. Там только номеров не было — просто кресты с касками.

Тут мне недавно один тип сказал, что я — пацифист. А я ответил, что никакой я не пацифист, а просто мне жалко, что солдаты погибают. А он мне говорит: для нас большая честь, что есть, где умирать. Это в России нам не было места. Уверен, что у него нет детей.

Работа у нас тяжелая. Очень многое из того, что для нас превратилось в обыкновенную рутину, у других вызывает страх. Например, минировать поля против

пехоты. Маленькая мина, 700 граммов. Когда прорываешь землю... если в Синае, там еще не так страшно, потому что песок, а на Голанах — страшнее всего, потому что там земля такая комковатая. Бросаешь комок и думаешь, моя или не моя. Я написал об этом стихи:

Мины взрывают так:
Сперва роют яму
И думают, эта — моя,
Потом заряжают мину
И думают, эта — моя,
Потом ее засыпают
И думают, эта — моя,
Но все кончается тихо
И не шевелится земля.
Потом далеко и долго
Тянут запал вокруг
И очищают медленно
Землю с колен и рук.
Тебе говорят, как кончишь —
Пойди и напейся всласть,
Потом возвращайся снова,
Новое поле класть.
И снова ты роешь яму
И думаешь, эта — его,
Потом опускаешь мину
И думаешь, эта — его,
Потом ты ее засыпаешь
И думаешь, эта — его,
А мина взорвалась.
Поле. Багровый туман.
Ничего.
Тебя подняло не больно
На метров пятнадцать в небо,
И видишь ты сверху: солдаты
Роют минное поле,
И жизнь твоя — небыль,
И смерть твоя — небыль.

Вот это ощущение — "моя" — всегда возвращается. Не только на минном поле, но и когда идешь взрывать что-то. Вначале думаешь, только руки у тебя дрожат. А на самом деле это внутренняя дрожь. Ты не знаешь, что будет. Иногда не взрывается, и надо пойти посмотреть, почему. Каждый шаг — как будто приближаешься к вечности, потому что никогда не знаешь, где и когда взорвется. Тогда-то и начинаешь верить в Бога. Я верю. Я не религиозный, но я глубоко верю. На войне эта вера очень помогает. Всегда есть какая-то молитва к Нему. Даже не молитва, часто бывает одно-единственное слово: Боже! Интересно, что эта молитва к Богу не только, чтобы Он тебя спас от твоей мины, но и от чужой, вражеской. Палестинцы ими весь Ливан нашпиговали. Но здесь ты солдат. Если подорвался на вражеской мине, ты — солдат, а если на своей, ты — сапер.

Врагов я видел только в бинокль — и сирийских коммандос, и палестинцев. Кем они были для меня? Мишенью? Нет, не мишенью. Арабами? Нет, не арабами. Они люди, которые в силу навязанных им обстоятельств ведут войны с нами. А мы — с ними. Мы не-намного лучше их. Мы сравнивались, иногда мы даже хуже. Раз я нас считаю людьми, значит, и они — люди. Но было какое-то дикое чувство от того, что я в Ливане и воюю с сирийцами. Дикое чувство от безысходности. Ведь после Войны Судного дня все почему-то считали, что это последняя война. А она оказалась не последней. И война в Ливане тоже не последняя. Израиль мне очень напоминает какой-то громадный военный лагерь. В средневековье были такие государства, которые вели войны, этим они и жили. Вот и я в такой стране живу. А остаюсь здесь потому, что очень ленив и никуда отсюда не поеду.

*Борис Залесский, 36 лет,
родился в Киеве, в Израиле
с 1975 года, фрезеровщик.*

До приезда в Израиль я даже не представлял, что могу попасть на войну. Я, конечно, знал, что тут бывают войны. Но не думал об этом. Там, в Союзе, я представлял себе войну только по кино. А тут оказалось все по-другому. Меньше "ура" и больше дела. И еще — отношение армии к населению. В 1968 году я вошел с советскими войсками в Чехословакию и помню, как нас там встречали чехи. Плохо встречали. И мы тоже видели, что это никакое не освобождение, а оккупация. А в Ливане нас встречали хорошо. Они, может, и не очень от чистого сердца, но все равно очень хорошо относились к нам. И мы к ним тоже.

В Ливан мы вошли утром 8-го июня. Я с самого начала считал, что это правильно, нужно было войти. Я даже считаю, что зря мы террористам передышку дали, когда до Бейрута дошли. Переговоры с ними вели. Может, тогда-то и надо было стрелять. Стреляли бы тогда больше, сейчас спокойнее нам было бы. И в Ливане не пришлось бы оставаться.

Особых разрушений я не видел. Корреспонденты, которые про это писали, находили то, что им нужно.

А я видел почти целые дома, чуть попорченные осколками. Или снарядами. Видел много разбитых машин, видел много трупов. Ужасное это дело — видеть трупы. Кто бы он ни был, он — человек. Но, если я его не убью, он убьет меня. Нет, когда я видел трупы, я вообще не думал — террорист или не террорист. Хотя террористов сразу можно отличить: на них форма, ботинки военные. В это время с дороги трупы уже убирали, но в машинах, из которых велась стрельба, они еще оставались. Вот тогда-то я и почувствовал, что я на войне.

С каким чувством я шел на войну? Без восторга, конечно. С ненавистью? Когда я увидел наших убитых, это не была ненависть вообще, к "палестинскому народу" или как там они себя называют, а именно к палестинцам, которые стреляли.

Представляешь, конечно, и себя на месте убитых. Но я был с ребятами, которые прошли не одну войну, и это действует ободряюще. Я же говорю, в жизни не думал, что мне придется воевать. Даже после того, как сюда приехал.

Тир мы проезжали прямо во время боев. Ехали по дороге, а вокруг стреляли. Все были в боевой готовности. Высунуться страшновато было, только пули слышал. Тут ты автомат наружу выставил, а тут они свистят. И трассирующие тоже. Жуть! С непривычки. Не готов был к такому. У меня в жизни, конечно, всякое бывало. Драки, скажем. Но там ты можешь убежать, или он слабее тебя может оказаться. А тут ты как на ладони, и не знаешь, откуда в тебя выстрелят. Вроде того, как идешь себе, а тебя сзади по голове раз — и все. Даже не знаешь, кто стукнул. Но человек привыкает ко всему. Вот я смотрел на этих ребят, которые уже были на войне. Заехали мы в рощицу и приказ получили: "Спать!" Как спать? А так, залезать в спальные мешки и спать. Вокруг стрельба, взрывы. Ну как тут можно спать? А ребята наши легли и заснули. Я сначала дежурил, а потом тоже лег. И тоже заснул. Спали недолго, мо-

жет, час или два. Проснулся я около пяти утра. Смотрю — речка. Красивая такая. А вокруг еще продолжают стрелять: "тут-тук-тук", "тр-р-р-р-р-р". Помылись, сухой паек съели и дальше поехали.

Первый бой был за Сидоном. У нас все разным специальностям обучены. Но мне наводчиком, например, тяжело быть, потому что я не очень хорошо иврит знаю. То есть я, конечно, разговаривать могу и все понимаю, но команды — дело другое: пока до тебя дойдет, пока переведешь с иврита на русский... У нас были ребята, которые знали иврит получше, они и были наводчиками, а я подносил снаряды, ставил взрыватели, сменял того, кто стрелял. Поднимать снаряд тоже не сахар. 40 килограммов. Подними да заложь в ствол — работа будь здоров!

От нас цель всегда далеко. В тот раз, например, до цели километров пятнадцать было. А тут еще нужно думать, чтобы не попасть в своих: которые там впереди, в прорыв пошли.

На мирные дома нас не наводят. Я пару раз видел те места, по которым мы стреляли. Когда мы переезжали на новое место, продвигались на несколько километров, нам иногда говорили: "Вот, сюда вы стреляли". Домов там не было. Ложбины, воронки от снарядов, лесок, где террористы сидели.

Вот я только что говорил, как мы к населению относились. Простой пример. Пришли мы в Бахамдун. Прямо через дорогу — дом. Приходит хозяин дома и говорит, что, если мы начнем стрелять, у него весь дом развалится, стекла повьлетают. Так бы оно и было — он, наверно, уже знал. Он попросил — и мы отошли от его дома метров на сто. Обратился он не к высокому начальнику, а к командиру танка. Новая позиция была хуже, но мы все же от дома отошли.

В Бахамдуне мы стояли километрах в двух от шоссе Бейрут — Дамаск. Стреляли там меньше: уже было первое прекращение огня. Но напряжение не проходило. Разве знаешь, что тебя ждет! Один день, скажем, не стреляешь, и все вроде тихо, а что будет через

минуту? Вот, например, сидели мы у своей пушки — вдруг совсем близко упал сирийский снаряд. У наших соседей. Только мы услышали его свист — и все попадали. А взрыва-то и не было: сирийцы забыли взрыватель привинтить. У нас сначала решили, что сирийцы нарушили прекращение огня и пристрелку делают. Нет, больше не стреляли.

Тяжелее всего было, наверно, в одном селе. Забыл название. Мы заняли там позицию. Место оказалось очень красивое: кругом черешни. Ливанские черешни. Только рот открывай. Мы вначале думали, что в таком месте все будет тихо. А потом началась стрельба. Пять часов без перерыва. По Бейруту. Такая мощь! Я тогда подумал, что, если все эти снаряды попадают в цель, а оттуда еще и стрелять могут — значит, у них такие силы, что и представить трудно. У них, у террористов, еще одно преимущество было: они по домам сидели и в нас оттуда стреляли. А нам в них стрелять нельзя: на жилые дома нас не наводили. Другое дело, если штаб или что-нибудь вроде этого. То же самое и с нашими летчиками: дом нельзя задеть, даже если цель совсем рядом. Террористы пользовались тем, что у них "катюши" были на грузовиках: выстрелят с одного места — и уедут. И за домами прячутся.

Тяжело было, но все вкалывали без дураков. В такое время не думаешь об усталости. И потом мы менялись. Приходили другие ребята — шоферы, санитары — и тоже помогали: снарядные ящики перетаскивали, снаряды подносили. И еще — никто из себя героев не строил. На учениях велят надевать бронежилеты, каски, так разве кто за этим следит? Знают, что это — учения. А тут все в касках, жилетах, поясах — все как положено. Полегче становится, когда смотришь на других ребят: один вон потом обливается, а каску не снимает. Потому что каждый жить хочет.

Первый раз я попал домой через три недели. Жребий бросили, и мне первому выпало ехать домой.

Только дома я впервые увидел по телевизору, как наши солдаты в Ливане купаются в реке. Мы вот так не купались, я три недели из канистры умывался. Может, и были такие, кто купался, когда мы ушли вперед. Сегодня бы уже не купались, не пошли бы: террористы стреляют со всех сторон. Тогда другое время было.

Первый раз мы ехали домой в машине без скамеек. Набили нас столько, что дышать нечем было. Но зато — домой! Увидеть семью, помыться, побриться... Нет, брились мы там каждый день. Никто не требовал, сами брились. Дело даже не в привычке, дома я через день бреюсь. А в Ливане — каждый день. Не знаю, почему. Может, меня это успокаивало. Именно эти десять минут: ставили канистру с водой на солнце, в теплой водичке мыло развести — приятно! Значит, приехал я домой — три часа с телефона не слезал: всех обзванивал, приветы передавал. Как только скажу, что я из армии, в трубке сразу тишина такая, даже страшно делается. Ну, я скорее привет передаю, мол, все в порядке, чтоб не волновались! В ответ я слышу — вздох облегчения!

В Ливане я всего сорок дней пробыл. Посмотрел страну. Красивая. На Закарпатье очень похожа. Много зелени, горы. А жители? Вот я тут вижу наших арабов, так если их сравнить с ливанцами, ливанцы более культурные, более интеллигентные. И женщины, ливанки, очень красивые.

Один раз даже в музей там ходил. Мы тогда летнюю резиденцию президента ихнего охраняли. Вместе с нами солдаты ливанской армии караулили, но без оружия. Так нас туда посылали, чтобы наши солдаты там чего-нибудь не взяли. Только никто ничего все равно не брал — фотографировались, смотрели и уходили. Тогда первый раз я увидел нашего генерала-друза, командира округа. И двух генералов, которые говорили по-русски, видел. Пожилые такие, наверное, в запасе. Со мной-то они и говорили по-русски. Один сказал, что у него секретарша работает из России —

Таня. Так и сказал: "Таня". Приятно было. Я все-таки люблю, когда со мной говорят по-русски. То есть, пусть говорят, кто как может — хоть по-русски, хоть на иврите. Но, если бы мне сказали, что один генерал будет говорить на иврите, а второй — по-русски, я бы выбрал второго. В советской армии до генерала ого какое расстояние, а тут к тебе генерал запросто приходит и говорит: "Давай мы какую-нибудь банку консервов откроем". Ты туда — пальцем, и он — туда пальцем. Хорошо.

Да, так в музее у них все есть. И восковые фигуры, как у нас в "Колбо Шалом". Всякие предметы из ихней жизни. Каждому посетителю, как он входит, сразу чашечку кофе дают. Там я и научился пить такой крепкий кофе. Обращаются к нам по-французски или по-английски. Местных посетителей тоже много: кушают мороженое, угощают нас семечками, водой. Конечно, идет война. Там — война, а тут — музей, мороженое. Странно! Но я скажу честно, что об этом не думал. Как только свободное время — едем куда-нибудь. Просто отвлечься. Поехали? Поехали! Посмотреть на людей, на красивых женщин. Одеваются они по последней моде. Сидят в кафе, купаются, как будто никакой войны нет. Я очень этому удивлялся.

Я ведь до этого войну только в кино видел: там все время стреляли и брали города. Взяли один город — идут на другой. И так все время. Тут — русские, там — немцы. Туда, значит, и надо стрелять. А в Ливане перед нами никакой армии не было: он в тебя из леска выстрелил и убежал. Из рощи выстрелил "ар-пи-джи", танк тебе подбил — и ищи его!

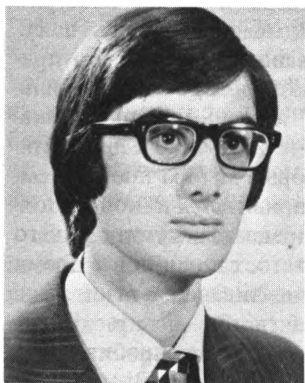
Время вначале шло быстро, потому что мы только и делали, что стреляли: ехали — стреляли, ехали — стреляли. Это потом уже начались прекращение огня, передышки, переговоры. Вот тогда-то время и начало тянуться. Связи с домом никакой, жена даже не знала, где я. Ну, и я все время о них думал.

Вначале я думал так: раз я в Израиле и надо воевать — значит, надо. А вот, если бы меня сейчас спроси-

ли, хочу ли я идти в Ливан, сказал бы нет. Не то, что я против войны. Может, и правильно, что воюют, но я бы не пошел. Не хочу больше войны. Надоело до смерти.

Я, конечно, и в России знал — я уже говорил — что в Израиле бывают войны. Но там про Израиль я особенно не думал, пока не женился. Помню, в 1967 году я как раз служил в армии, в Заполярье. На весь летний полк в 250 человек я — один еврей. Я там секретарем комсомольской организации был, и у меня был начальник — замполит, подполковник. Когда Шестидневная война началась, мы все, конечно, знали о ней. На политинформациях нам рассказывали, как израильский агрессор напал, и так далее. Так вот я зашел тогда к замполиту увольнительную попросить. До этого, когда бы я к нему ни приходил, он вечно себе сто граммов наливал. Мне — нет, только себе. А в тот раз он уже, наверно, литр выпил. И говорит: "Ты слышал последний анекдот?" Я ему говорю: "Товарищ подполковник, какие могут быть анекдоты, никаких анекдотов". А он говорит: "Я тебе сейчас расскажу". И рассказал: идет, значит, война, Махмуд с Хаимом друг в друга стреляют, и вдруг Махмуд перестал стрелять. Хаим ему кричит: "Ты почему не стреляешь?" А тот отвечает: "У меня патроны кончились". "Ну и что? — кричит Хаим — иди сюда, я тебе продам".

Я ему говорю: "Товарищ подполковник, к чему вы мне это рассказываете, какое мне дело до этого Хаима, какая связь?" А он говорит: "А ты что же, разве не еврей?" Я говорю: "Да, но при чем тут это, я ведь — советский человек..." И тут он мне говорит: "Я тебя спросить хочу. Вот объясни ты мне, как такая маленькая страна, такая маленькая армия — и всех арабов бьет?"

*Александр Гулькаров,
24 года, родился в Бухаре,
в Израиле с 1975 года,
микробиолог.*

От Тель-Авива до Алея около восьми часов езды. Мы подъезжали к Бейруту, и осталось переехать последний мост из семи. Вдруг совсем близко начался сильнейший артобстрел. Дорогу перекрыли, все повыскакивали из автобуса, стоим, смотрим на клубы черного дыма над городом. Некоторые даже вытащили фотоаппараты и умудрились сфотографироваться на фоне горящего Бейрута.

Первого августа я как раз вернулся из очередной увольнительной, и мне тут же сказали, что в нашем полку — трое убитых: артиллерийский снаряд попал прямо внутрь бронетранспортера. Один из троих — майор Коби Эйтан, который целый год был моим командиром.

В ночь на второе августа мы должны были войти в западный сектор Бейрута, но по каким-то причинам операцию отложили еще на сутки. Может, хотели дать солдатам отдохнуть. Колонной из семи бронетранспортеров мы подошли к месту сбора. Туда уже было много других частей — танковых, зенитных, пехотных и наша противовоздушная батарея. Весь день

мы ходили по двум основным улицам Восточного Бейрута, которые уже были очищены от террористов. Со всех крыш, как на параде, на нас смотрели местные жители. Мы разглядывали витрины, покупали питы* и всякие газированные напитки. На прилавке одного из магазинчиков я заметил израильские вафли, конфеты "Элит" и очень удивился. Оказалось, что в Ливане торгуют израильскими продуктами и разными товарами, которые мы им поставляем. В одном из магазинов к нам привязался какой-то дохляка с косыми глазами, и предлагал купить у него доллары, ливанские лиры, золото, гашиш, и все время старался убедить нас, что он не ливанец, а египтянин. Подходило к нам много фалангистов, меняться хотели: предлагали один нож за два пуленепробиваемых жилета. Ножи у них хорошие, красивые. Вначале мы их терпеливо выслушивали, а потом просто стали посылать подальше.

Мы стояли в двухстах метрах от террористов. Их укрепления находились через две улочки от нас, возле музея и ипподрома. Когда стемнело, комбат велел нам хорошо поесть и выспаться — ночью предстоит тяжелая работа. Вечером приехал Яков Бодо**, рассказывал много анекдотов, пел песни, солдаты смеялись. Вместе с ним выступал фокусник. На представление сразу пришли местные жители и куча детей. Они больше всего радовались фокусам. Потом ливанцы танцевали под разные ритмы. Фалангисты танцуют очень здорово. Настроение было прекрасное.

Затем все разошлись. Мы отправились спать, но не успели лечь, как всех подняли на беседу с командиром дивизии. Вот что он нам сказал: "Сегодня все силы, находящиеся здесь — пехота, танки, артиллерия и ПВО — должны занять две ключевые позиции террористов и продвинуться еще на несколько сот метров в глубь Бейрута. На ипподроме и в музее, которые

* Пита — арабская лепешка.

** Эстрадный актер-комик.

мы должны занять, находится около 500 террористов. У них большие запасы оружия, боеприпасов и ручных гранат. В 24.00 входим в западный сектор и движемся к линии огня. Все командиры точно знают, где они должны стоять. Во время дневной вылазки каждый из них видел свою позицию, с которой будет вестись бой. Примерно в два часа утра, после нашего обстрела, мы проедем с громкоговорителем и предложим им убираться вон или сдаваться в плен.

Будет выделена специальная группа для работы с пленными. Я только попрошу вас относиться к ним по-человечески. Особенно к тем, кто добровольно сложит оружие. Бой должен быть быстрым, коротким, и к трем часам мы должны уже сидеть в здании музея и на ипподроме..."

Он еще долго объяснял, как вести себя в музее, что ничего нельзя трогать и, тем более, брать с собой. Предупредил, что особенно соблазнительные вещи могут быть заминированы. Сказал: "Вы едете в закрытых машинах, и нечего высовываться, когда в этом нет крайней необходимости. Стрелять быстро и метко!"

Танки, бронетранспортеры, "вулканы"* и тяжелая артиллерия выстроились в колонну и ровно в 24.00 двинулись в путь. Предстояло пройти метров сто-двести. Всего две или три улочки... Я стоял на бронетранспортере у ручного пулемета. На этих улочках двум машинам не разъехаться. По обеим сторонам дороги — семи- и восьмизэтажные здания, а между ними не больше десяти метров. Кругом дома. Все время приходилось задирать голову вверх, чтобы наблюдать за верхними этажами. А дуло пулемета под таким углом вообще поднять нельзя. Мы подъехали к какому-то высокому дому и укрылись за ним.

По-видимому, террористы заметили большое движение и открыли сильнейший огонь. В одном из окон зажегся свет. Пожилая женщина в платочке и длинном

* Зенитная самоходная установка (ЗСУ)

черном платье вышла на балкон, осмотрела улицу, танки, покачала головой и ушла обратно. Под таким огнем лучше всего было бы сидеть в бомбоубежище и не высовываться. Ужасно душно в этих тяжелых бронежилетах, прямо потом обливаешься. Молчали и курили. С рассветом артиллерийская перестрелка стихла, и мы — бронетранспортер нашего комбата Ави в сопровождении "вулкана" и танка — сделали первую вылазку. "Вулкан" давал небольшие очереди по четырем ближайшим зданиям, где, по нашему предположению, засели террористы; танк тоже стрелял, а мы должны были установить, из каких этажей и окон они отвечают. Почти сразу по нам открыли огонь. В гусеницу танка попала граната из "ар-пи-джи", и нужно было менять два звена. "Вулкан" успел укрыться, а над нашими головами вдруг пролетел снаряд базуки. Мы тут же рванулись назад и наехали на электрический столб на противоположной стороне улицы. От резкого удара о столб провода стали качаться, и на нас посыпались искры. Еще одна граната взорвалась в полуметре от танка.

Оставаться за домом больше нельзя было, надо было менять место, и мы перебрались в гараж бывшего лагеря ливанской армии на другом конце улочки, метрах в ста от нас. Там мы провели нашу вторую ночь в Бейруте. Из четырех проклятых домов террористы продолжали нас обстреливать, но мы заснули мертвым сном. Рано утром сделали вылазку за продуктами, а потом целый день просидели в гараже. Решили, как только стемнеет, вызвать бульдозер и сделать несколько окопов для танков и "вулканов". Приехал бульдозер и вырыл окопы.

Потом мы четыре часа подряд обстреливали террористов. Стреляли все: пехота, танки, "вулканы" и артиллерия. Комбат Ави, любитель ручных ракет "ЛАУ", выстрелил четыре раза. "Вулканы" выпустили около пяти тысяч снарядов. Палестинцы были выбиты из этих домов, и с той стороны огонь прекратился. Надо сказать, что они хорошо стреляют. Очень хорошо обу-

чены и натренированы. Прекрасно знают местность, каждый поворот, каждый уголок.

В гараже мы пробыли еще два дня и превратили его, скажем прямо, в настоящую мусорную свалку. Мухи, груды ящиков с использованными патронами, консервные банки... Где спали, там и мылись, по нужде ходили за какую-нибудь машину или станок. Останься мы еще день-два, и началась бы какая-нибудь эпидемия. И так уже солдаты стали жаловаться на боли в животе и на тошноту. Наш комбат по этому поводу высказался в такой форме: "Израильская армия в таких условиях в Ливане жить не будет. Здесь есть места поудобнее, и надо их использовать".

Поэтому мы продвинулись еще метров на пятьдесят и заняли школу Св. Маргариты-Марии, точнее, колледж, который выпускает финансистов, экономистов и статистиков. Колледж очень красиво и со вкусом построен. Большие аудитории, спортивный зал, огромный театральный зал с отличной акустикой, с новейшим оборудованием и старинным немецким роялем на сцене. На другой стороне дворика, выложенного мозаикой из плиток, столовая. За всем чувствуется уход: деревья подрезаны, все чисто выбелено, полы покрыты коврами, во всех кабинетах цветы. От бомбежек пострадала только котельная. Поэтому воды не было ни в душах, ни в туалетах. Электричество нам удалось наладить, в одной из комнат нашли холодильник, а в столовой — две электрические плитки. У нас даже работал кондиционер. Через два часа ребята уже играли в баскетбол в спортзале; другие собрались у рояля; третьи стали чинить музыкальный автомат в столовой, который ставит тебе любую пластинку, если ты его "накормишь" одной ливанской лирой. Механизм работал отлично, но в усилителе перегорели лампы, так что вместо музыки мы слышали только писк. Комбат принес ящик со штыками от американских винтовок М-8 и пригнал трофейный джип.

Всю ночь продолжался обстрел позиций терро-

ристов. Под утро они оставили музей и ушли в глубь Бейрута, в районы стадиона и парламента, и оттуда продолжали сопротивление. Все, что могло стрелять, стреляло. Уж очень хорошо они укрепились на своих позициях. Так хорошо, что пришлось вызвать на помощь самолеты. Бомбежка длилась два часа, и только после этого нам удалось подойти вплотную к тем районам, где теперь находились палестинцы — Бейрутской роще, ипподрому и подходам к зданию парламента.

Я все время был готов к приему раненых: приготовил носилки и все необходимое для первой помощи, даже плоскогубцы принес, чтобы открывать рот, если нельзя будет рукой разжать.

Наш командир полка, можно сказать, страдает "военной болезнью". Он все мечтал, что Сирия начнет войну. "Это еще не война, — говорил он — настоящая война впереди. И начнется она очень скоро, если, конечно, правительство захочет. Тогда убедим сирийцев из Ливана, а надо будет — мы и в Дамаске проживем".

На следующий неделе я успел съездить домой и опять вернулся в Алей, вместе с батареей. В той вилле, где мы раньше стояли, уже поселились местные друзья, все вещи себе позабирали. С одной стороны, они были недовольны нашим возвращением, но, с другой — считали, что с нами им гораздо безопаснее. Кто знает, что фалангисты могут им сделать.

Прибрежная магистраль была полностью очищена от террористов с самого юга Ливана до Бейрута. В нашу задачу входило очистить ее дальше, а также занять кварталы Факахани, Сабры и Шатилы. Проехав несколько очень коротеньких переулков, мы остановились на набережной. Вокруг стояли многоэтажные здания с побитыми стеклами, свисающими оконными рамами, обгорелыми стенами. До их гражданской войны здесь было четырехрядное шоссе. Сейчас все поросло кустами, засыпано песком, стеклом и обломками каменных блоков. Мы укрылись

за десятиэтажным зданием, а за ним — смерть. Все простреливается.

Началась перестрелка. Не прошло и получаса, как в сторону порта помчались наши бронетранспортеры, вывозящие раненых, со включенными сиренами. Почти тут же я увидел солдата, который убегал и дико вопил: "Санитар, санитар!" На ходу сбросил с себя пояс, винтовку и каску. Ему начали кричать: "Вернись, тебя пристрелят!" Наш комбат побежал за ним, схватил его за руку и привел ко мне. Ребята уже успели принести двадцатилитровую канистру с водой. Я сорвал с него бронежилет, смыл с лица кровь, смотрю — за правым ухом пулевое отверстие. Промывая рану, я вдруг заметил, что у меня на пальцах остаются кусочки мозговой ткани. Только я закончил перевязку, пришел врач, осмотрел парня, состриг волосы вокруг раны, снова перевязал ее. Парень бормотал что-то несвязное, но одну фразу произнес ясно: "Скажите моим родителям, что я легко ранен". Парнишку звали Шири. Ему предстояла нейрохирургическая операция. Почему-то я тогда подумал, что при первой же возможности навешу его в больницу. Кроме имени, я больше ничего о нем не знал. Это был мой первый раненый в этой войне. После него было еще двое: один пострадал от взрывной волны "ар-пи-джи", второму осколок попал в глаз.

Утром по радио передали дневную сводку: трое убитых, сорок два раненых.

Мы поехали в порт за боеприпасами и там же немного отдохнули и умылись. Кроме кофе, который мы там пили вместе с танкистами, мы сутки ничего в рот не брали.

Террористы оказывали небольшое сопротивление. Наши южные силы дошли до советского посольства. Возле него несколько безумцев пытались по нам стрелять, но получили отпор.

Один из наших "вулканов" остался цел и невредим благодаря быстрой реакции стрелка. Метрах

в семидесяти от него из-за какой-то машины вдруг появился террорист с "ар-пи-джи". Но наш стрелок выстрелил одновременно с террористом и снаряд "вулкана" чудом угодил в летящую гранату и взорвал ее в воздухе. От террориста остались только разбросанные части тела.

Напротив советского посольства был разбитый продовольственный магазин. Комбат распорядился набрать соков, спиртных напитков и сладостей для батареи. "Завтра, — сказал он, — ребята, Рош-ха-Шана, и мы должны это отпраздновать как следует". В наш броневик потекло богатство: шоколад, печенье, мыло, шампунь, зажигалки. Пошел угостить знакомых танкистов, а они такое рассказали, что мне уже не до еды было. У них один танк сгорел вместе с экипажем. Его пробilo гранатой из "ар-пи-джи", командира ранило, но он все же пытался вывести танк из-под огня. Не получилось. Тогда командир другого танка стал его направлять по рации. Пока они там мешкали, в танк угодило еще три гранаты из "ар-пи-джи". Раненые ребята, потеряв управление танком, отъехали назад, но больше, чем надо, и слетели с моста высотой метров десять. Танк загорелся, и в нем начали взрываться боеприпасы. Трое погибло... А ведь только утром мы с ними пили кофе.

К вечеру мы нашли стоянку на Бейрутской "Ривьере" (очень похожую на тель-авивскую улицу ха-Яркон) и только собрались залезть на ночь в машины, как над головой пролетела граната из "ар-пи-джи" и плюхнулась в море. Не успев еще осознать, что происходит, я скатился в люк бронетранспортера, и тут же еще одна граната, но намного ниже первой, пролетела в море, сбив крышу от сторожевой будки, стоявшей неподалеку. Если бы я стоял при первом выстреле или вскочил на ноги при втором, какая-нибудь из этих гранат унесла бы и меня в море. "Вулкан" дал несколько очередей по тому окну, из которого стреляли. Вдруг кто-то из ребят спрашивает: "Где Звулун? Он же сторожит в будке!" Но тут

как раз показался Звулун, бледный, как полотно. Подошел ко мне и говорит: "Алекс, я ничего не слышу, только звон в ушах". Про сон нечего было и думать: всю ночь ракеты освещали кварталы Сабра и Шатила.

С "Ривьеры" мы перебрались к университету, неподалеку от советского посольства. Возле дома, где мы остановились, стояло что-то вроде перевернутой яхты, но на колесах. Внутри какая-то аппаратура, сзади — генератор на прицепе. Ребята рассказывали, что в этом доме живет архитектор, который работал на разные террористические организации, планировал им подземные туннели и склады для оружия. А "яхта" служила для рытья этих туннелей. В это время из дома выходит сам архитектор и говорит: "Шалом". Ребята тут же предупредили, что он понимает иврит, так что лишнего при нем не болтать. Мы разговорились с ним. Он оказался очень интеллигентным человеком. Учился во Франции, владеет двенадцатью языками. Этот семиэтажный дом принадлежит ему, и он сдает квартиры. Я спросил, знает ли он русский, на что он ответил, что знает только три слова: "да", "нет" и "товарищ". Рассказал, что в его доме жили два советских дипломата, которые исчезли после того, как ЦАХАЛ вошел в Западный Бейрут. "Это очень странные люди, — сказал он, — самые тихие из всех моих жильцов. Незаметно появляются, незаметно исчезают. Ни о чем не говорят, никого к себе не приводят. Платят вовремя".

Рядом с нами стоял помятый БМВ с пробитым пулями ветровым стеклом. На заднем сиденье валялся учебник по химии. Архитектор объяснил, что накануне в этой машине возвращался из университета его знакомый студент, который угодил в самую перестрелку и был убит. "Значит, стреляли не наши, сказали ребята — наши солдаты в граждан не стреляют".

Пришел приказ продвигаться дальше. Мы выехали из переулка и оказались в центре Бейрута. Там у некоторых улиц вместо названий, как принято в Израи-

ле, номера. Мы ехали по улице № 1. Огромная мечеть, рядом здание радиостанции. Проехали мимо них и остановились на углу, перекрыв доступ к главной улице. Остальные доступы к ней тоже были перекрыты нашими силами — танками, бронетранспортерами, "вулканами". Позже нам объяснили, что по ней будут проезжать фалангисты, и мы должны обеспечить им безопасность.

К нам подошли три женщины в черном, две пожилые и одна лет восемнадцати. Молодая плакала. Минут через десять, когда мы ее немного успокоили, она, все еще захлебываясь от слез и сильно нервничая, стала рассказывать, как ночью к ним в квартиру ворвались несколько фалангистов и зарезали трех ее сестер. Все дороги перекрыты, телефоны не работают, они не могут позвонить в полицию, и тела до сих пор лежат дома. Мы им тут же разрешили пройти.

В этот день фалангисты входили в квартал Факахани. Всюду сновали женщины с огромными пакетами — оказалось, мешки с рисом. Жители высыпали на улицу с транспарантами, плакатами. Они плясали, осыпали солдат рисом, конфетами. Торговцы раздавали им сигареты, дети бросали вверх флажки. А у нас было какое-то неприятное чувство: мы воюем, теряем солдат, а все почести — тем, которые практически ничего не делали и пришли на все готовое. Сидят себе на новеньких бронетранспортерах без поясов, без защитных жилетов, только каска на голове. В руках новенькие, даже не успевшие еще запылиться "калашниковы".

А впрочем, можно ли иметь к ним претензии: они добровольно вызвались очистить лагерь беженцев от террористов. Ливанская армия туда идти отказалась. И вот 36 часов подряд мы ракетами освещали им дороги, обеспечивали безопасность. А они в это время, как потом выяснилось, входили в лагерь беженцев и резали всех поголовно. Мстили за все, что террористы с ними делали семь лет подряд. И еще за Башира Джмайеля. У них говорят так: отомстил через 80

лет — рано отомстил! Такая у них культура, такое воспитание. Можно ли вообще судить о чем-нибудь объективно? Рано или поздно эта массовая резня все равно случилась бы. Как только мы вышли бы из Бейрута, фалангисты непременно добились бы своего.

По Бейруту мы шли среди развалин, переулками. Впереди командир роты и два связиста, а за ними я с пулеметом. Соблюдали дистанцию в пять метров, чтобы случайная граната не уложила всех сразу. К ночи уселись прямо у какой-то стены, половина ребят уснула, а другие остались дежурить. Просидели до четырех утра. Потом пошли дальше в сторону западного сектора. Только двинулись в путь — нас начали обстреливать из "ар-пи-джи". Огонь вели из высотных домов, метрах в 300-400 от нас. Мы сразу укрылись в каком-то доме, но в него попала граната, и ротного ранило осколками в голову. Мы засекали, откуда стреляют, и по рации передавали координаты танку. Тогда он выезжал на дорогу и открывал огонь по указанным точкам.

Потом мы проулочками ушли оттуда и засели у итальянского посольства. Посол помахал мне из окна и жестом спросил, не хочу ли я пить. Я ответил, тоже жестом, что не хочу.

На улице подобрали раненого ливанца. Один из ребят вынул свой индивидуальный пакет и сделал ему перевязку. Отправили его в медпункт.

В центре города шла сильная перестрелка. Во второй роте ранило двоих осколками гранаты "ар-пиджи", одного — в ногу, другого — в пах. Их погрузили в специальный бронетранспортер, вывозивший раненых.

Через улицы и перекрестки мы перебежали поодиночке. Один перебегает, а другой страхует: простреливает улицу. Так дошли до гигантского черного здания, на котором было написано: "Московский народный банк". Тут меня поставили за дерево прикрывать ребят, которые перебежали переулок. Первый пробежал благополучно. За ним побежал Шломо, а потом — Ашуш. Я прямо видел, как за ним шла очередь, фонтанчиками по земле. Комвзвода крикнул мне, чтобы я стрелял длинными очередями, а рядом со мной, с другой стороны дерева, шлепались пули из "калашникова". И звук такой: "панг-панг". Совсем близко. Я только думал: ради мамы пусть со мной ничего не случится!

Вдруг Ашуш упал и как закричит: "Кончаюсь!" Я увидел, что кто-то в глубине переулка перебегает дорогу, и начал в него стрелять. По-моему, попал. Тут подбежал замкомроты и бросил дымовую гранату, только тогда мы смогли оттащить Ашуша. Пуля попала ему чуть выше таза, в почки. Крови — море! Фельдшер и врач сделали ему перевязку, а мы побежали дальше. Добежали до следующего перекрестка. Там была школа для палестинцев, на крыше — знак Красного Креста. Стреляли, кажется, оттуда. Комвзвода зашел в переулок, прижался к стенке. А мы не заметили и перешли на другую сторону. Тогда он стал кричать, чтобы мы вернулись. Мы перебежали обратно и тут, метрах в ста от нас, выскочил откуда-то "фиат". Из него били по нам прямой наводкой. Мы залегли. Комвзвода бросил дымовую гранату, и тогда нам удалось выскочить через туннель, а оттуда — в вестибюль высотного дома, где размещалось бельгийское посольство. Когда собралась вся рота, мы расположились в этом доме. Верхние этажи обстре-

ливали из "ар-пи-джи" так, что стены сыпались. Мы устроились на втором этаже, в пустых комнатах. Разложили на полу спальные мешки и два дня питались только своими НЗ.

На следующий день мы пошли искать склады, где хранилось оружие террористов. Адреса у нас были. Попали в бывший штаб Арафата. В подвале — машины с зенитками, на трех первых этажах — колоссальное количество патронов, автоматов и пулеметов в ящиках, в целлофане. На втором этаже — отдел агитации. Плакаты, листовки, видеоманитофоны, телевизоры, спортивный инвентарь. В одном шкафу — парашют и летный костюм. Весь в кровавых пятнах, и на иврите имя вышито — Ахиаз*. Портреты Маркса, Брежнева, Арафата. Арафат в меховой шапке, с семьей. Пачки газет, в том числе — израильских, с фотографиями убитых израильских детей в Маалоте. Все стены заклеены увеличенными снимками из газет: убитые израильтяне. Особенно много снимков одиннадцати израильских спортсменов, убитых в Мюнхене. Погибшие террористы — отдельно.

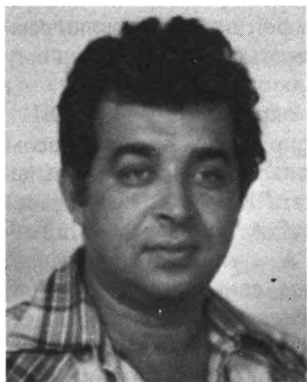
Четыре дня несколько взводов посменно караулили это здание, пока специальные подразделения выводили оттуда оружие. Без перестрелок не обходилось. Потом прибыла смена, и мы отправились дежурить на кордон №2. По дороге все время проезжали машины послов с флажками, иностранная пресса. Израильское телевидение нас снимало. Ливанцы дурачками прикидывались: все хотели проехать, а мы их гнали, и только красивых девок пропускали.

На спальных мешках у стен сидели ребята из службы безопасности и пели. Потом кто-то из них узнал, что убили того террориста, который стрелял в Ашуша. Комбат Ицик сказал, что это, вероятно, я его убил. Тут в начале улицы раздались пистолетные выстрелы

* Ахарон Ахиаз — единственный израильский летчик, сбитый террористами в первый же день войны и пробывший у них в плену около трех месяцев.

и что-то покатилося (поняли: граната). Мы бросились на землю, и тут же раздался взрыв. Хальфон жаловался, что ему попал осколок в лицо, но кроме шишки на лбу, ничего не было. Хальфон весит сто килограммов и ребята шутили, что камень, который попал ему в голову, развалился на куски.

Еще несколько дней мы охраняли здание ООП и дежурили на кордоне. Офир тоненьким голосом кричал ливанцам по-арабски: "Мамнун" ("Запрещено!"). А комвзвода говорит: "Кончай! Ну и голос! Что о нашей армии подумают? А ну, Хальфон!". Тогда Хальфон басом рывкнул. А я жестами показывал. Если же они наглели, я делал свирепое лицо и кричал: "Ноу! Ноу!". Это вызывало почтение: знает, мол, английский! Все ливанские офицеры и полицейские отдавали нам честь. Когда мы сдавали кордон ливанской армии, там был один старпер в туфлях на каблуках "диско". Стоял и опирался на "арпи-джи", как на палку. У всех у них пистолеты, автоматы и дико воинственные лица: прямо супермены.

*Владимир Гурович, 31 год,
родился в Вильнюсе,
в Израиле с 1971 года,
приборист.*

Я ждал, что меня в первый же день призовут. Не призывали. Во второй. Не призывали. Должны призвать — куда без шоферов-то? Третий день... приходит сосед и говорит: "Принесли повестки!"

В первую ночь поехали на базу брать машины, поспали пару часов и утром уже были в Ливане. Первая остановка была за Тиром.

Ехали туда по прибрежному шоссе колонной. Машины большие, "дизели", рядом со мной автомат. А я все думал: упаси Бог, им пользоваться. Вначале вообще не чувствовалось, что это — война. Сидишь и уговариваешь себя: "Вот, это — Ливан, я — за границей!" Потом начали попадаться разбитые дома. Вонь... В Тире особенно воняло. Все было разбито, пол-Тира разнесено. Я в новостях слышал про этот Тир, ну, думал, это и правда что-то такое... А это точь-в-точь Газа! Вот Сидон — это да, это уже город. Там я видел, как наши поработали. Одна улица целиком размолочена. Только остатки сгоревших домов торчат. Никогда я ничего подобного не видел. Пепелище и страшная вонь от трупов. Холера их знает, кто тут лежит —

ливанцы, неливанцы. Их тогда только начали убирать. Ощущение? Какое тут ощущение? Идет война, стреляют, как же без трупов?! Неприятно, но никуда не денешься. Без этого не бывает. Не на пикник же едешь!

Вот, если гулять едешь и вдруг — труп, тогда другое дело.

В Сидоне, значит, мы нагрузились, поехали обратно. Разгрузились. Опять вернулись в Сидон. Так и крутились. Вывозили трофеи. Потом грузились в Дамуре. Там одна пещера была в скале, так я туда всю машину задом вогнал. Весь мой "дизель" туда вошел. Я такого себе даже не представлял. Ох, какой там склад! С вентилиацией. Пачки кабелей для освещения. Пещера сама сухая-сухая и, кроме того, все лежит в масле, хотя можно было держать и без масла. Сухо. Вначале приводили саперов, чтобы проверили, нет ли там мин. Потом грузили. Двое в машине наверху, двое внизу: ящики подают. Ничего не раскрывали, прямо грузили, как есть. Я рядом стою, жду. В пещере прохладно так, лучше, чем на улице. Только воняет... Там ведь террористы жили. Матрасы валялись, одеяла. Нашли при мне пару ящиков виски.

Стояли мы на транспортной базе рядом с Сидоном. Оттуда все ездки и делались. И однажды мой взводный говорит: "Чего бы нам в Бейрут не смотаться?" Ну и поехали. Втроем. Ездил я там без каски. Да, знаю, не по закону... но я скажу так: чему быть, того не миновать. Каска не поможет.

Поехали, значит, в Восточный Бейрут. Там при въезде надо получить пропуск. Нам, конечно, его дали. Взводный сказал, что ищет свои машины. Мол, пропали вместе с шоферами. Поди — проверь. Отправились мы, значит, осматривать Бейрут. Оставили в одном месте машину и пошли пешком. Бейрут это, конечно, город! На Тель-Авив чем-то похож. Живой, большой, очень красивый. Женщины рыжие, белые, какие хочешь! С зелеными глазами — с ума сойти! Какой там арабский тип! Я больше на араба похож!

Они — белые-белые! Ее выпустить у нас на Дизенгоф — не отличишь! Ни по одежде, ни по виду — никак.

Форма мне не мешала, даже наоборот. К солдатам нашим там очень хорошо относились. Заходишь в какой-нибудь магазин — тут же двое добровольцев-переводчиков, спрашивают, на каком языке ты говоришь. Встретили одного фотографа, который на иврите говорил. Он в Хайфе жил. Я с одним даже на идиш разговаривал. Он спрашивает: по-английски говорите? Я говорю, нет. По-французски? Тоже нет. Шпрехен зи дейч? Ну, а как говорят, немецкий — испорченный идиш. В общем, очень приятные люди.

Мы там ничего не покупали. Сфотографировались, покрутились по городу и поехали обратно. По дороге спрашиваю одного солдата: "Нельзя ли тут проехать?" "Можно — говорит — только через 200 метров стоят сирийцы. Хочешь — езжай!" По дороге мы еще сфотографировались с христианами-фалангистами. Молодые парни. Совсем пацаны. Меняться с нами хотели: за наши нашивки с надписью "ЦАХАЛ" отдавали штык от "калашникова". Мне-то на кой черт этот штык? Я эти трофейные "калашниковы" навалом возил, как дрова. Сколько мы там оружия взяли!

Да, так когда мы выезжали из Бейрута, как раз начался весь балаган: бомбежка, обстрел, я даже сразу не понял, что происходит. Только услышал "бум" и снова — "бум", и еще раз "бум". Надо было объехать западный сектор Бейрута, чтобы выскочить на дорогу, и спуститься вниз к аэропорту. Аэропорт остается справа, берешь налево и с правой стороны — "чертово колесо" сожженное. "Луна-парк" там был, что-ли... Когда мы поднимались наверх, на Алей, с правой стороны виднелся Бейрут, а слева — наша артиллерия. Вот она и начала долбить. А мы — на дороге. И над нашими головами снаряды летят. Едешь и сам себя уговариваешь: "Не в тебя, не в тебя, не в тебя! Это — наша артиллерия, все будет в порядке!" Но снаряды-то летят... И террористы тоже начали от-

вечать. Мы посередине оказались. Они-то стреляют хреново, так, плюнут из миномета — то перелет, то недолет. Опытные люди говорят, если слышишь снаряд, он уже не опасен. Не знаю. Проехали мы совсем немного, когда одна мина плюхнулась прямо перед нами. Метров пятьдесят, может. Вдруг, раз — и дороги не видно. Но тормозить нельзя. Гоню дальше и только чувствую, как машину трясануло, когда через воронку прыгали. Здоровая такая яма была! Уже темнело, когда мы выехали из Бейрута на шоссе. И тут, чуть в стороне от дороги — трофейные "катыши", из которых наши по Бейруту падали. И метров за сто перед нами, когда мы там проезжали, они дали залп. В тебя вдруг снап огня летит и не знаешь, то ли в тебя стреляют, то ли холера его знает, в кого. То ли конец, то ли нет. Я чуть не перевернулся. Парень, который рядом сидел, схватил меня за руку, кричит: "Тормози!" Я, прямо скажу, даже не понял сразу, что случилось. Мы остановились, но я как-то ничего не чувствовал. Дело еще в том было, что, когда мы перед въездом в Бейрут ждали пропуска, я с ребятами бутылку водки распилил. В общем, когда этот парень меня за руку схватил, я затормозил. А потом дальше поехал. Едем, и чувствую, в кабине сильно воняет. Оказывается, парень с перепугу в штаны наложил, когда "катыши" стреляли. Вылезает он, значит, из машины и говорит: "Вы меня, ребята, извините, у меня желудок не выдержал". С каждым может случиться.

По дороге мне доводилось разговаривать с ливанцами. Покупал у них сигареты, мелочь всякую, пиво. Но я им не верил. Они говорят, раньше все плохо было, а теперь, когда мы пришли, все хорошо. Мне, конечно, до Ливана дела нет, но я туда пришел, потому что там был кто-то, кто мешал мне. И не только мне, но и ливанцам. Я себя чувствовал, как маляр, которого пригласили покрасить дом. Прийти, покрасить и уйти. В России был такой фильм "Приключения Шурика", и там, помните: "Надо, Федя, надо". Надо,

так надо. Потому что только тех складов, что я вывез... на французскую армию хватит!

Месяц я был в Ливане и ни разу порожняком не ездил — всегда полная машина. Кроме трофеев, боеприпасы возил, бочки с бензином. Противная штука — эти бочки с бензином. Достаточно одной искры, а то и искры не надо: они сами в кузове друг о друга ударятся — и привет родителям! Или один раз мы в Загарани были, вот страху натерпелись! Есть там клуб для гольфа, палестинцы из него склад боеприпасов сделали. Мы поставили свои машины и сразу не заметили, что на земле рассыпан порох. Мешочки с порохом. Темно, ничего не видно. Один у нас вылез из машины, закурил и бросил спичку. Бах! Огонь! Треск! Все в разные стороны бросились. Но обошлось.

Вообще лучше не думать, что ты можешь вот так запросто помереть, потому что, чем больше думаешь, тем больше вероятность, что так оно и будет.

Ицхак Брудный, 27 лет, родился в Вильнюсе, в Израиле с 1971 года, историк.

В мелких стычках с террористами я участвовал с 1975 по 1977 год, когда был на регулярной службе. Энтеббе я пропустил, можно сказать, по собственной глупости. Когда в моей части отбирали кандидатов, я опоздал. У меня дома не было телефона, и я просто не знал, что уже идет отбор. Там, конечно, было несколько стадий отбора, в конце концов, я мог и не пройти, но... Хотелось ли? Конечно, хотелось. А кому нет?

В Ливан я попал не сразу. Наша часть специализируется на противотанковых ракетах "ТАУ". Пока не было столкновений с сирийцами, нам там просто нечего было делать. Так что только где-то на третий день нашу бригаду начали перебрасывать в Ливан. В такой огромной колонне я еще никогда не был: сплошная масса, и никто не знает, куда он движется. Вообще никто себе не представлял масштабов этой войны, я, например, был совершенно уверен, что она продлится не больше недели.

Границу мы пересекли у Метуллы и первые километры 20 шли по территории Хадада. Когда перешли

Литани, увидели наверху крепость Бофор. В бинокль можно было видеть израильский и ливанский флаги. Мы уже знали, что Бофор взят. Ничего особенного вокруг не было видно: брошенные "катюши", ящики из-под снарядов. Трупы уже убрали. В течение суток никаких столкновений у нас не было, пока не дошли до городка Джезин.

В Джезине мы увидели первые следы недавнего боя. Тут и трупы террористов, и целые грузовики с боеприпасами, особенно с гранатами для "ар-пи-джи". Сам я — гранатометчик, и мне очень хотелось взять несколько гранат. Но мы боялись: а вдруг грузовики заминированы...

Рядом стояла разрушенная церковь, возле нее еще горел танк Т-34. Страху не было, потому что в ту минуту я не был участником: в меня не стреляли, я не стрелял. Даже трупы не пугали. Ты не стоишь рядом с ними, не смотришь на них — просто едешь мимо и занят своим делом. Некоторые ребята фотографировали: снимали трупы, горящий танк. Вначале все выглядело чуть ли не как турпоход. Довольно долго многим так казалось. Такая ненастоящая война.

Все дороги были забиты войсками, машинами. Иногда даже приходилось пробиваться силой. Один раз в соседней танковой колонне открыли стрельбу: там просто проверяли легкое оружие, а в одном из наших автобусов, где ехали повара, писари и снабженцы, поднялась настоящая паника. Они начали стрелять в самом автобусе, пробили крышу и испугали нас всех до смерти.

Так мы продвигались еще сутки, пока не дошли до долины Бекаа. Точнее, до лесов вокруг долины. Там получили сообщение, что сирийские танки заманиваются в ловушку. Самую примитивную ловушку: наши танки встали прямо на виду и сирийцы на это клюнули. Задача была простая: бить по ним противотанковыми ракетами, как на стрельбище. За 15 минут сгорело семь танков. Сирийцы даже не успели увидеть, откуда по ним стреляли, потому что лес там

очень густой на горах, все закрывает. После каждого подбитого танка наши кричат, хлопают в ладоши, прямо праздник. Ребята даже умудрились противотанковыми ракетами подбить пять сирийских вертолетов: те летели очень низко, искали точки, из которых мы стреляем.

На следующий день было по-настоящему страшно, когда нас атаковали самолеты класса "Сухой". Не все сразу поняли, что это — сирийские самолеты. Мы были уже в самой долине. Вокруг горело сено. Его, наверно, фосфорными снарядами подожгли. Ехали мы среди этого горящего сена, и вдруг — самолеты. Все так быстро произошло, и летели они так низко. Но почти сразу же налетели наши и за две минуты сбили три сирийских самолета. Сирийцы несомненно собирались нас бомбить, поэтому так низко и летели. С большой высоты им не попасть.

Потом заключили соглашение о прекращении огня, линия фронта определилась, и началась война на истощение. Террористы нападали чуть ли не каждую ночь. Вот тогда-то все поняли, что прогулкой и не пахнет. Надо, правда, сказать, что не только я, но и многие другие с самого начала не видели, в чем цель этой войны. Споры о том, нужна эта война или нет, начались у нас с первого же дня, с первого часа. Я тоже принимал в них участие. Я помню все предыдущие военные операции, но таких споров никогда не видел. Всегда чувствовалось единство, всегда знали, ради чего воюем. Первый раз в нашей части произошел такой глубокий раскол. Многого мы, конечно, не знали, но, когда прошла первая неделя, потом вторая, стало ясно, что происходит что-то не то. А солдат готов умирать, только если он точно знает, за что. Мы не были готовы умирать. Некоторые с самого начала так и говорили. Правда, не так открыто, как потом, но говорили...

Мы побыли в Ливане 45 дней, и примерно в середине июля нас должна была сменить другая часть. Как раз в это время шла осада Бейрута, и вдруг все

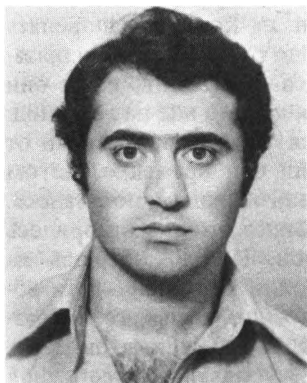
приготовления к выходу из Ливана прекратились, и сказали, что нашу часть, видимо, перебросят к Бейруту. Тогда некоторые ребята, включая наших офицеров, заявили, что они готовы сесть в тюрьму, но на Бейрут не пойдут. Я до сих пор не знаю, насколько это было серьезно, но думаю, что в другой ситуации они бы себя так никогда не вели.

Я — не крайне левый, хотя с самого начала был против этой войны. Я всегда был того мнения, что приказ нужно выполнять, если только он не заставляет меня совершать что-то бесчеловечное.

Я всегда знал, что в отделении, которым я командую, можно положиться на людей. Каждый будет вести себя в бою как надо. Это же понятно: как у нас говорят, побеждает тот, кто остается в живых. А каждый знает, что остаться в живых можно только, если воевать, а не бежать. Причем, воевать, как надо.

Самые большие патриоты после первых двух-трех недель уже не хотели этой войны.

Конечно, когда предстояла боевая операция, то у людей всегда была готовность идти на самый страшный риск. С другой стороны, был такой случай. Недели через две после начала войны готовился прорыв к шоссе Бейрут-Дамаск. Наш батальон должен был занять три высоты, которые видны были в бинокль, и мы даже не знали, сколько там сирийских танков и пехоты. Каждый тащил на себе невероятное количество оружия, втрое больше, чем обычно. Надо было пройти несколько километров в гору, ночью: атака была назначена с восходом солнца. Вся операция выглядела как самоубийство, и люди это понимали. Несомненно, они чувствовали, что не стоит рисковать жизнью ради этих трех высот, которые ничего не дают и не решают. Штурмовать эти несчастные высоты, когда было так мало шансов, что вернешься живым! И действительно, операция была отложена вначале на 24 часа, потом еще на 24 часа. А я уже знаю, что, если откладывают один раз, откладывают навсегда.

Давид Михелашвили, 27 лет, родился в селе Кулаши Груз. ССР, в Израиле с 1972 года, владелец дискотеки и фирмы бытовых услуг.

Я знал, что буду на войне. Потому что на всех учениях тренировались, готовились. К чему? К войне, конечно, к чему же еще?

Когда я из дома уходил, то ни о какой войне не думал. Купил по дороге три шашлыка, пять бутылок водки и поехал в Нагарию. Приезжаю, смотрю — у всех наших ребят лица, как... как Девятого Ава, в день разрушения Храма. Только что не плачут. И каждый думает, вернется ли он живым, что будет у него дома. Я им тогда сказал: "Хевре, — ребята, значит — если умрем, нам уже все до лампочки будет. Давайте лучше водку пить". Достал водку, шашлыки. Выпили — закусили, сразу легче стало. А через два часа вошли в Ливан.

Двигались колонной. Ничего не видно, только передний танк. У нас в батальоне, кроме меня, есть еще ребята из Грузии. Так мы с ними по радиации немножко песни пели. Ехали, ехали, с семи часов вечера до четырех часов утра. Вдруг команда: "Огонь!" Я даже не понял сразу, то ли по нам стреляют, то ли мы должны стрелять. Не знал еще, что такое вой-

на, что такое по-настоящему стрелять. И новая команда: "Приготовиться к стрельбе!" Через три минуты, значит, снаряд уже должен быть в стволе.

Около озера Карун одна наша колонна напоролась на сирийцев. Поэтому нам надо было быстро подняться на гору и оттуда сирийцев обстрелять, иначе они могли всех нас перебить. Как только мы на гору поднялись, тут и началось — вся гора стала красной от огня. Двести танков стреляли одновременно. Потом мы узнали, что у сирийцев никого в живых не осталось.

Был я в Тире и Сидоне. Видел, что там творилось после бомбежек и обстрелов. Когда смотришь на разрушенный дом — душа болит. А тут еще дети вокруг, которые в этом доме жили. Целый город разрушен. Душа болит. Но, если спрашиваешь себя: "Почему разрушен?", — ответ ясен. У всего есть своя цена. Те, кто нападают, платят свою цену, те, кто защищаются — свою. Каждый должен платить свою цену. Наши солдаты ни в чем не виноваты. И я ни в чем не виноват. Ливанцы заплатили за свою глупость, за то, что дали террористам хозяйничать на их земле. Я с самого начала не сомневался, что мы должны очистить Ливан от террористов, но ливанцев не трогать, их права не нарушать. Я против того, чтобы убивать мирных жителей, детей, стариков. Боже упаси! Но я за то, чтобы убивать террористов.

Я пробыл в Ливане полтора месяца, и не просто полтора месяца, а на войне. Вначале говорили: "Прикончим террористов — и конец". А кругом разруха, дети... И всякие мысли начинают приходить, и снова этот вопрос в голову лезет: "Почему, зачем нужна смерть?" И нет ответа. Ясно только одно: с тебя хватит. Нет, нелегко убивать.

Одна такая пятница выдалась — три часа без перерыва стреляли. По лагерю Бурдж-ал-Бараджне. Там все горело. И опять себя спрашиваешь: "Почему, зачем?" Там столько народу погибло... Вот ты и думаешь: ведь этим снарядом не только террористов убьешь...

До того, как мы вошли в Ливан, я думал, что будем сражаться только с террористами. Думал, будет легкая война. Я даже не знал, что у террористов тоже есть танки, настоящая армия, сильная, организованная. Про сирийцев мы, правда, знали, что у них армия сильная. А про террористов думали: "Ну, что у них есть? Ружье охотничье, ну еще "ар-пи-джи". Оказывается, все не так, у них — серьезная сила. Они как настоящие партизаны воюют. Не знаешь, откуда они на тебя налетят. Первые две недели по-настоящему было страшно. Очень страшно. Никого не было, кто бы сказал: "А мне не страшно!" Въезжаешь в какую-нибудь деревню, вокруг все — гражданские, и вдруг из окна "ар-пи-джи" как бабахнет — и весь танк загорелся. Правда, в ЦАХАЛе все продумано, и наши силы не входили, пока все не разведает и не расчистят.

Один раз чуть на мину не наехал. Передо мной ехал джип с нашими офицерами, а я за ним метрах в четырех. Вдруг — взрыв, и джип в куски разнесло. Я раз на тормоз, и встал. Одного офицера ранило. А мина-то, на которой джип подорвался, маленький такой "жучок". Танку моему, конечно, ничего. Что ему от такой мины будет?

В другой раз мы легли спать, охрану выставили. Вдруг часовой как даст очередь. Мы повскакивали в одних трусах, за автоматы похватались. Осветительную ракету запустили, оделись и пошли искать. На горе дело было. Гора вся лесом покрыта. Очень на Грузию похоже. Там тоже такие горы. В Бакуриани, Гурджаани. Значит, пошли искать. Искали-искали, никого не нашли. Наутро двое наших ребят пошли по нужде, смотрят — стоит террорист с автоматом. В шоке. Совсем обалделый. Мы сразу к нему кинулись, кричим: "Бросай автомат!" Насмерть перепуган. Стоит и повторяет: "Воды, воды!" На иврите, потом по-английски, как будто мы иврита не понимаем. Ну, дали ему, конечно, фляжку с водой. Мы же все-таки люди. Он же тоже — человек, как я. Нет, я не

могу убивать человека, который в меня не стреляет. Кто сдается, тот для меня уже просто человек. Собака пить просит, и то ей даешь. О преступниках как говорят: сначала, что он — человек, а потом, что он — преступник. Так и тут сначала он — человек, а уже потом — террорист. Я их много видел — живых и мертвых. На мертвых все равно больно смотреть, хоть они и террористы: голова расколота, рука оторвана, нога где-то валяется. Смотришь и думаешь: вот и ты так можешь лежать. И он уже для тебя не враг, а труп человека.

Я говорю, что Ливан на Грузию похож. Когда мы к Бейруту подошли, все наши "грузины" тут же сказали: "Тбилиси!" Вот ей-Богу, точь-в-точь! Тбилиси тоже на горе. И дороги такие же — "серпантин".

Каким я стал после войны? Я — не "левый" и не "правый". Ни в какие партии не вступаю. Я хочу жить и хочу жить в мире. Но правительство решает, что надо идти на войну, вот я и иду. Правительство же у нас народное, народ его выбрал. Я не хочу стрелять, не хочу убивать, не хочу видеть мертвых. Вообще, я против войн, любых войн, я даже против драк. Но, когда убиваешь, появляется что-то вроде апатии. Потому что ты стреляешь, в тебя стреляют — все поровну. Начинаешь относиться к этому, как к работе. Работу надо сделать — вот и все. Я вообще такой человек: если что-то делаю, то делаю хорошо. Даже если мне за это ничего не платят, я все равно делаю хорошо. Так я привык. И в армии то же самое.

Но я думаю, что надо сделать все возможное, чтобы не воевать. Надо говорить с Арафатом — так с Арафатом, только больше не воевать. И еще я думаю, что эта война лишняя. Ненужная. Даже арабы — почему они должны умирать? Потому что одни думают так, а другие иначе? По-моему, самое лучшее место для сражений — стол переговоров. Потому что войне конца нет. Вот вам пример: у твоего соседа есть пять братьев, и у тебя есть пять братьев. Ты убил его брата, он — твоего, ты снова — его, и так без конца. Сколько

так может продолжаться, я вас спрашиваю, сколько?

И палестинцы, и арабы — тоже люди. Такие же, как мы. У меня нет ненависти ни к какому народу. Как вообще можно ненавидеть целый народ? И почему я должен его ненавидеть? Почему мой сын должен ненавидеть? Когда я вернулся домой, он спросил: "Ну, сколько ты арабов убил?" А ему еще только восемь лет.

*Жан Авербух, 42 года,
родился в Кишиневе,
в Израиле с 1979 года,
нефролог в больнице
"Асаф ха-Рофе".*

Я был дежурным врачом в тель-авивском городском военкомате. Там я проходил свою резервную службу и должен был оказывать первую медицинскую помощь. Кроме того, в мои обязанности входило оповещать семьи о постигшем их несчастье. Война шла уже вторую неделю, и приходили извещения о смерти.

И вот в одно из таких дежурств мне позвонили и попросили подготовиться на выезд. Поехали вчетвером: представитель муниципалитета Рамат-Гана с помощницей, какой-то раввин и я. Я ехал и внутренне содрогался: представлял себе, как мы сейчас войдем в дом, в котором еще ничего не знают. Я понимал, что уже одно наше появление сразу их напугает. Мне неоднократно приходилось сообщать семьям, что их больной умер, но когда человек болеет, семья чаще всего бывает к этому готова: ясно, что больной человек может умереть. А тут приходишь в семью здорового молодого человека — ужас! Никакого сравнения с тем чувством, которое я испытывал, когда впервые мне пришлось сооб-

щить о смерти моего больного. Сейчас я просто дрожал, как будто чувствовал на себе какую-то долю ответственности. Я понимал, что семья будет на меня смотреть как на представителя власти. А возможно, и как на того, кто каким-то образом убил их сына.

На мне не было халата, разве что я нес с собой сумку первой помощи. По ней, конечно, можно было понять, что я — врач. Когда мы ехали в машине, я еще не знал, о ком идет речь. Человек из муниципалитета сказал: "Семья получила извещение, что их сын пропал без вести, а сейчас мы едем сообщить, что он погиб".

Почему не сообщили сразу, что он погиб? Насколько мне известно, если на трупе нет опознавательного жетона, он считается пропавшим без вести. Даже, если его опознают товарищи. И только, когда доказано, что это труп такого-то и такого-то, тогда оповещают семью. До этого она получает извещение, что их близкий пропал без вести.

Приехали мы, значит, в Рамат-Ган. Квартира оказалась в многоэтажном доме. Было приблизительно часов одиннадцать вечера. Мы зашли, и мне стало даже полегче, когда я увидел, что они нас почти ждали. Там были мать с дочерью, сестра матери с мужем, и отец, который потерял дар речи еще тогда, когда пришло извещение о том, что сын пропал без вести. И вот они нас увидели...

Может быть, они еще не верили... Они знали этого представителя муниципалитета и, может быть, ожидали от него сообщения, что сын нашелся или что поиски продолжаются. Но, когда они увидели меня, врача, увидели мою сумку, они должны были понять, что все кончено.

Представитель муниципалитета долго с ними сидел и разговаривал. Он рассказал им, где погиб их сын. Мне пришлось оказать помощь отцу, поскольку он в ней уже давно нуждался, но не хотел обратиться к врачу. Я ему постарался помочь. У матери началась истерика, но она не хотела моей помощи. В конце

концов, она как-то успокоилась, и часа через два с половиной мы ушли. Вернулись обратно в военкомат.

Не знаю, как мои спутники, а я чувствовал облегчение. Мне казалось, что я преодолел какой-то барьер. Это чувство как раз похоже на то, что я испытывал в самом начале своей врачебной деятельности, когда сообщал родным о смерти их больного. Как гора с плеч. Короче, мне стало легче.

Второй выезд был в то же самое дежурство. В пять утра. За мной приехал шофер, в машине сидел еще военный раввин в чине капитана. Мы поехали в Петах-Тикву. По дороге раввин сказал, что нам нужно будет сообщить о гибели парня семье выходцев из Турции, и добавил, что семья религиозная. Поэтому он предложил найти местного раввина и узнать у него, кому лучше сказать — отцу или матери, кто еще есть в семье — вот такие вещи. Мы нашли раввина, поговорили с ним и решили сначала сообщить отцу. К нам в машину села женщина, хорошо знавшая семью погибшего, а потом еще сел, кажется, директор школы, в которой мать погибшего работала уборщицей. Пока мы ездили к раввину, пока что, начался рабочий день и пришлось ехать к отцу на работу. Работает он, как оказалось, на каком-то маленьком заводе, выпускающем растительное масло. Вместе с директором школы мы зашли в кабинет управляющего, рассказали ему, в чем дело, и попросили вызвать отца. Отец зашел, увидел своего знакомого — директора школы и очень обрадовался: "О, что ты тут делаешь?" А потом увидел нас.

Военный раввин был в форме. Я — со своей сумкой. Отец сразу спрашивает: "Что, что случилось?" У него два сына было на фронте. Мы пытались как-нибудь помягче сказать ему, а он все кричал: "Кто, кто из них?" Назвали имя. Оказался младший. Отец упал, как подкошенный, но сознания не потерял и продолжал кричать. Страшная картина. Об умерших, конечно, всегда говорят хорошо, но тут я понял, что этот погибший двадцатилетний парень действительно

был хорошим сыном. Я пытался оказать отцу помощь, но он ни за что не хотел. Он требовал, чтобы мы все ушли, и вообще оставили его в покое. Вот оно — то, чего я боялся: он видел в нас убийц.

Все это длилось очень долго. Мне казалось, что военный раввин вел себя неправильно, пытаясь отцу что-то объяснить. Я бы на его месте вел себя иначе, попытался бы сделать что-то необычное, может, даже ударить отца. Но раввин все тянул и тянул. А нам еще предстояло сказать матери. Наверно, нужно сообщать родителям одновременно. Но мы сначала пошли к отцу, потому что раввин сказал, что мать неуравновешенная и отец будет ее сдерживать. А нам пришлось силой затаскивать его в машину: ни за что не хотел ехать домой. Матери уже позвонили в школу, где она работала, и попросили прийти домой, сказали, что ее муж плохо себя чувствует.

Когда мы подъезжали, она как раз шла домой и увидела нас у входа. Она сразу же все поняла и со страшным криком бросилась бежать. Убегала от нас и кричала, чтобы мы ушли. Мы бросились за ней. Она упала. Мы ее подняли и сказали, что сын ранен. Назвали имя сына. А она орала: "Я вам не верю!" С трудом втащили ее домой. Тут-то и началось самое ужасное.

Теперь уже оба, и отец и мать, требовали, чтобы мы немедленно убрались из их дома. И оставить их в таком состоянии нельзя, и оставаться невыносимо. Мне их было безумно жалко. Я разделял их горе, но ничем не мог помочь. Я видел, что во врачебной помощи они не нуждаются. Кстати, мать оказалась более сильной, чем отец. Так что мое присутствие в качестве врача было совершенно лишним. Что касается меня как человека, то они видели во мне только врага. Шофер, который нас привез, тоже стоял в комнате, но участия не принимал. Военный раввин, наоборот, куда-то звонил по телефону, пытался найти родственников в Хайфе, договаривался с похоронной конторой, давал какие-то указания, распоряжался.

А мне казалось, что все это ни к чему. Тут еще набежало много соседей. Может, я неправ, но мне казалось, что не нужна вся эта суeta. Может, надо было их оставить и все организационные дела улаживать в другом месте, а не тут же. Я никогда не видел погибшего парня, но чувствовал себя так, будто это мой родной брат. А тут еще во мне нарастало раздражение против раввина. Чего он там все крутится и все делает не так! А может, я был неправ — у меня ведь в таких делах опыта нет.

Ушли мы где-то в одиннадцать утра. И, хотя мне не раз приходилось не спать по ночам, попадались мне самые тяжелые дежурства, таким уставшим и разбитым я еще никогда в жизни не был.

Вначале я эту войну воспринял очень патриотично. Когда она началась, внутренне я ее поддерживал. Жена моя была в ужасе, а я ее успокаивал. Мне кажется, что тогда многие чувствовали, как я. Я себе четко представлял, что будут жертвы. Но в первый день войны, когда было, кажется, восемь или девять убитых, я подумал: "Восемь! Ведь это очень много!" В Советском Союзе, помню, когда я узнал, что в войну Иом-Киппур погибло больше 2000 человек, я сказал: "Всего две тысячи?!" А здесь, в Израиле, для меня восемь — много! Вот какое смещение понятий происходит. И почему это так, понять не могу. Дело не только в том, что наша страна — маленькая, и не в том, что все — евреи. Там, в Союзе, я тоже знал, что эти две тысячи погибших все были евреями, но там казалось — мало, а здесь — много.

После того дежурства каждое сообщение о гибели было для меня как бы двойной смертью.

У меня не было времени копаться в себе, но то дежурство, по-видимому, во мне крепко засело. Вот я сейчас рассказываю и все переживаю заново. Волосы дыбом встают, когда вспоминаю...

Эли Курин, 21 год, родился в Вильнюсе, в Израиле с 1972 года, выпускник средней школы.

Меня отпустили домой в увольнительную на субботу, а потом вдруг позвонили и вызвали обратно в часть. Мы все знали, что вот-вот начнется война. Каждые две недели у нас объявляли боевую готовность.

Многие, как и я, добирались на попутных машинах до Рош ха-Никра, а там уже шли колонны танков, грузовиков. Все ехали на север, и было ясно, что это — война. Так что никаких сюрпризов не было. Что я чувствовал? Ничего особенного. Знал, что должен идти на войну, и все. То есть я и раньше был уверен, что буду на войне. Тут каждые десять лет война.

Первые бои были в районе Тира. И там же я первый раз увидел убитых. Взорвался грузовик со снарядами. Наши попали в засаду, целая батарея. Было четверо убитых, и среди них мой знакомый офицер. Я у него занимался на курсах. Он хотел спасти товарища, и как раз в эту минуту взорвался грузовик. Мы проезжали мимо и видели, как их накрывали одеялами. Грузовик еще горел.

О чем я думал в тот момент? Не знаю. В такую минуту ни о чем не думают, не хотят думать. Это, как с автомобильными катастрофами. Столько аварий, а люди все равно едут как сумасшедшие и думают: "Со мной ничего не случится!" На войне то же самое.

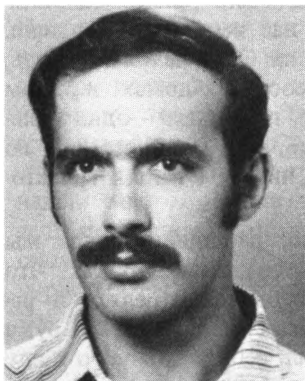
Наш радар все время был на передовой, и я наводил нашу артиллерию. Засекал точки, откуда стреляли, и по рации передавал координаты. Когда я видел, что наши попадали в цель, я радовался. Я не думал о том, что там люди. Есть цель, и мы в нее попали. Как в тире: попаду — здорово! Я просто делал свое дело. Каждый делал свое, как нас учили: артиллеристов учили точно стрелять, пехоту — выбивать террористов из домов.

Первые дни были самыми тяжелыми. Много убитых, раненых. Раненые кричали, плакали. Наши раненых вывозили, а не наши лежали прямо на дороге. Я не знаю, может, это были террористы, может, просто арабы... По всей дороге от Тира до Сидона и дальше, до Дамура, лежали трупы, и никто их не убирал. Прямо по ним ехали танки, бронетранспортеры, грузовики. Мы продвигались вперед.

Потом мы стреляли по Бейруту. Может, до десяти тысяч снарядов в день выпускали.

Бейрут — очень красивый город. Меня удивило, что он совсем европейский. Женщины даже водят машины. Мы гуляли по Восточному кварталу, ходили по магазинам, даже пообедали в ресторане. Первый раз после двух недель, когда сидели на одном сухом пайке. Западный, мусульманский квартал я видел только в бинокль. Совсем разрушен.

О войне, конечно, у нас в части спорили. Не сразу, а потом, через пару месяцев, когда люди уже не знали, для чего мы сидим в Ливане.

Симха Сариков, 27 лет, родился в Душанбе, в Израиле с 1973 года, часовой мастер.

Наша задача состояла в том, чтобы прочесать местность и дать возможность танкам спокойно пройти. Прочесать — значит очистить от террористов.

Вначале прочесывали около Тира. Были все время в напряжении, с первой минуты ждали стычки. А когда она произошла, все получилось совсем не так, как я себе представлял.

Мы стояли рядом с танками. Вдруг из-за дома выскакивает мальчишка лет двенадцати. Лицо у него закрыто чем-то вроде маски с прорезями для глаз. И стреляет из гранатомета. Метрах в пятидесяти перед нами. И попал прямо в танк. Ребята, в общем-то легко отделались: ранило только тех, кто сидел на танке. Мы бросились за этим мальчишкой. Он переулками-переулками и — в какой-то дом. Мы окружили весь квартал и стали прочесывать. Страшно было, конечно, но мы все прямо в ярости были. Мы же, когда увидели, что танк взорвался, решили, что в нем все ребята погибли. Прочесывали дом за домом. Вначале давали очередь по двери, бросали гранату и только тогда входили внутрь. Из одного до-

ма нас обстреляли. Из "калашниковых". Мы тут же открыли сильный ответный огонь, увидели в окне белый флаг и вошли. В доме были только мальчишки, лет по пятнадцать. Они нас испугались страшно. По лицам было видно. Тут их было человек десять, и еще пятерых мы взяли в соседних домах: в одном было двое, в другом — двое, в третьем — один мальчишка... Без маски, наверно, это он и стрелял по танку, потому что рядом с ним мы нашли гранатомет. Валялся в стороне.

Ощущение было, конечно, паршивое, когда мы увидели этих ребят. Дети с оружием в руках! Что я чувствовал? Что мне приходится стрелять в ребенка... Ну, как такому ребенку могли дать в руки оружие? Я, конечно, готовил себя к тому, что иду на войну, что буду стрелять, может, даже убивать. К этому я был готов, но я не знал, что мне придется иметь дело с детьми. А нам с самого начала дали приказ — ни женщин, ни детей, ни стариков не трогать. Нам только не сказали, что эти самые дети будут стрелять в нас. Нет, для нас они были просто террористами. Какой же он ребенок, если он стреляет в нас! Мальчишки, которых мы поймали в тот раз, не плакали, не кричали. Испугались — да, но смотрели на нас прямо с ненавистью. Настоящие убийцы. Я не знаю, почему они сдались. Обычно не сдавались. У нас несколько раз были стычки с такими группами, приходилось просто их кончать.

Тяжелее всего было, когда мы прочесывали речные долины в ущельях, вади. Террористы прятались в пещерах, которые очень трудно заметить. Внизу, наверху — всюду. Где танки могли пройти, они проходили и стреляли по точкам, которые мы находили.

Мы шли группой из трех человек, вдруг видим в пещере что-то подозрительное. Не то кто-то шевелится, не то еще что-то. Приятель мой заметил. Мы насторожились. Поднялись немного в гору, обо-

гнули пещеру и оказались прямо над ней. Передали по радию, чтобы нас прикрыли. Машины наши двигались наверху, а оттуда эту пещеру даже не видно. Прошли мы прямо над пещерой и бросили туда гранату. Послышались крик, визг. Мы не прыгнули в пещеру после взрыва, как нас обычно учили на тренировках. Не то, что боялись, а просто не хотелось зря рисковать. Кто его знает, что там.

Из пещеры вышли трое. Взрослые, лет по 27. Мы нашли много оружия и продовольствия. Когда начали допрашивать этих троих, они показали еще несколько пещер, где хранилось оружие. Ночами террористы выходили, держали связь между собой. Им помогали местные жители. Здорово помогали. Сами террористы рассказывали на допросах, что они заходили в села, запасались продуктами.

От этих троих мы получили сведения, что дальше есть еще одна пещера, где прячутся другие террористы. Мы туда пошли, но только стали приближаться — они открыли по нам огонь из "калашниковых" и гранатометов. Мы залегли и вызвали подкрепление. С вертолета сбросили несколько дымовых шашек, и только тогда мы смогли приблизиться. Перестрелка продолжалась, наверно, около получаса. Они так и не сдались, пока мы их всех не прикончили. Мы вошли в пещеру. Убитых оказалось не меньше пятнадцати. Зрелище, конечно, страшное, но человек ко всему привыкает. Нет у нас выхода. Кого-то из них, наверно, застрелил я, потому что, как правило, я зря патронов не трачу.

До сегодняшнего дня у меня остался очень неприятный осадок. Знаете, все-таки стрелять в людей...

А сколько оружия мы там нашли — новенькое, в ящиках, даже не распаковано! Один раз мы нарвались на склад оружия, большущий-пребольшущий. Самолеты бомбили это место, но бесполезно: подземный бункер, с воздуха не достать. А мы, когда прочесывали местность, обнаружили его и бросили гранату. Из бункера повалил дым, но мы решили

отойти, потому что увидели поблизости еще несколько бункеров. Просто решили не рисковать. Отошли в сторону, и в ту же минуту в бункере как рванет! Снаряды, наверно. Взрывная волна была настолько сильной, что мы прямо попадали. Представляете, что бы от нас осталось, если бы мы не отошли?

Это все было в первую неделю, потом стычек с террористами уже не было. Прочесывали рощи — змей там до черта — ели бананы, апельсины. Потом нас перевели охранять лагерь пленных в Сидоне. Пленных было много. Каждый день приезжали автобусы, увозили их на допросы, и снова привозили новых пленных. Целыми днями они ничего не делали. Просто сидели на улице. Обращались с ними неплохо. Когда видишь, что с ними так по-человечески обращаются, первая мысль — с какой стати! Голодом их морить! Пить не давать! А как подумаешь — он же пленный, завтра я сам могу попасть в плен, ну, не дам я ему пить, а завтра мне не дадут... Вот я и давал. Пленный — он и есть пленный. Человек без оружия. С одной стороны, все-таки жалко их, с другой — поселения наши они обстреливали, детей еврейских убивали... Конечно, какая-то ненависть к ним была.

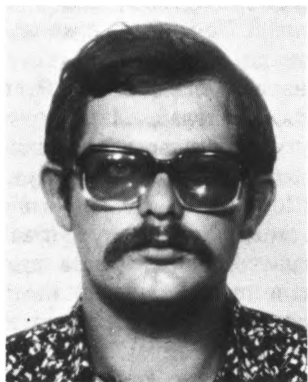
Ребята наши, которые знали арабский, разговаривали с пленными палестинцами. Так знаете, что те говорили? Что они не виноваты, не хотят войны, хотят жить в мире, но не могут, потому что у них нет государства. В общем, оправдывались. Среди них были и такие, которые вообще не имели представления, что такое Израиль. Их пропаганда только хаяла Израиль вдоль и поперек, а тут они сами увидели, что с ними гуманно обращаются. Мне кажется, некоторые из них поняли, что те, с кем они воюют, не звери, что с ними можно вести переговоры.

А палестинские дети? Перевоспитывать их надо. Когда двести таких малолеток из лагеря пленных освободили, я думаю, правильно сделали. Потому что ребенок, как овца. Куда пастух, туда и он. Ребе-

нок же не понимает, что он делает, на то он и ребенок. Какой с него спрос! Мне кажется, что эти дети больше никогда не возьмутся за оружие, они уже хорошо знают, чем это пахнет. По-моему, правильно сделали, что отпустили их по домам.

Я человек верующий, а на войне это тоже имеет значение. Например, был такой случай. Мы прочесывали местность, и вдруг из-за деревьев выскакивают террористы и начинают стрелять... в воздух. Наверно, хотели сдаться. По ним сразу открыли огонь. А я увидел, что они стреляют в воздух, и закричал, чтобы наши перестали стрелять. Зачем зря человека убивать! Да у нас и приказ точный был: ни в коем случае не стрелять, пока не стреляют в нас. Мы сначала даже удивились такому приказу. Хорошенькое дело — ждать выстрела! Это же самоубийство!

Война эта справедливая. В Союзе я представлял себе войны совсем не такими. Очень гуманная война. Прежде всего отношение к мирным жителям. Трудно поверить, что армия может так хорошо относиться к населению в чужой стране. И оно нас хорошо встречало. Спасибо, мол, что вы прогнали палестинцев, они из нас уже всю кровь высосали, как пиявки. Приятно было это слышать.

*Цви Шахар, 32 года,
родился в Черновцах,
в Израиле с 1973 года,
инженер транспорта.*

Мы вошли в Ливан на третий день войны. По дороге шла наша колонна самоходных пушек, а вокруг валялись раскореженные, расплющенные машины, оружие. Попадались снарядные воронки. Наши, конечно, хорохорились, но я думаю, что страшно было всем. Ребята через силу старались быть веселыми, спокойными. Конечно, страшно, но даже к страху со временем привыкаешь. Проходит какое-то время, и состояние страха становится привычным. Я даже думаю, что именно в таком состоянии и совершают всякие героические поступки, потому что все чувства притуплены и сам страх вроде бы пропадает.

Я помню свою первую психическую травму на этой войне. Шел ночной бой. Стреляли с двух сторон, и мы видели только вспышки огня и слышали крики. Потом уже увидели раненых. Это были ребята из соседнего полка мотопехоты. В ту же ночь они нам рассказали, сколько человек у них уже погибло: в первый день войны — трое, во второй — четверо и вот теперь еще двое. И говорили они об

этом совсем спокойно. Конечно, это было напускное спокойствие. А, может, шок. Ведь мы-то были в шоке, когда слышали, как спокойно они об этом рассказывают. Ребята все молодые, проходившие действительную службу, и их товарищи, с которыми они вместе служили, погибли. Все они только-только школу кончили, а смерть уже стала для них, можно сказать, обыденным делом.

В Сидоне нам просто повезло. Мы остановились на ночлег под зданием больницы. А на следующий день оказалось, что в этом здании целый этаж был занят террористами, которые еще продолжали сопротивляться. А мы там настоящее сонное царство устроили. Им ничего не стоило нас всех спокойно перестрелять. Но, по-видимому, такая масса военной техники подействовала на них устрашающе.

Раненых мне за все время, слава Богу, попадалось мало. И, в основном не огнестрельные ранения. Переломы или ушибы от снарядов, которые упали на ноги или на колени во время подноски. Единственный раненый, которому действительно потребовалась серьезная помощь, оказался ливанец. Он наступил на шариковую бомбу и двенадцать осколков попало ему в грудь и в живот. Мы с еще одним парнем из России оказали ему первую помощь прежде, чем подошел врач.

В Сидоне на окраинах — почти сплошь руины, а центр города разрушен сравнительно мало. По-настоящему был разрушен только Дамур. Конечно, террористы там много уничтожили, но и наша авиация успела хорошо поработать. Город теней, город без людей, этот Дамур. Потом в Бахамдуне я увидел, во что превращает дом авиационная бомба. От трехэтажного дома остается ровное место. Неприятно ходить среди развалин. А что вообще приятного в роли оккупанта?

В Ливане все общины четко разделены. Подходит к тебе человек, и уже издали чувствуется, к какой

группе, к какому лагерю он относится: друз, мусульманин, христианин. Мусульмане и друзья пытались избегать контакта, а если они на него и шли, то это был контакт вынужденный и минимальный. Христиане? Сыпали рис? Все сыпали рис. Вопрос только в том, что за этим скрывалось. Нам доводилось говорить с людьми в селах. Кстати, мусульманских. Был там один старик лет семидесяти, беженец из Яфо. Так что мы говорили на иврите. Вот он-то и сказал, что вам, мол, тут будет хорошо до поры — до времени: вас будут принимать, будут бояться, но вы дойдете до того, что вас возненавидит весь народ. И христиане, и мусульмане. И сказано это было за чашкой кофе, которой он же нас и угощал, и беседа была очень дружеской. Я еще тогда подумал, что он прав. Если мы засядем в Ливане до начала зимы, то будем сражаться с настоящими партизанами, и я не знаю, сколько мы сможем выдержать такую войну.

Первые дни мы не участвовали в боях, и я смотрел на все, можно сказать, как посторонний. Даже, как турист. Ехал себе, смотрел по сторонам. А потом мы выпустили по Бейруту две тысячи снарядов. В Бахамдуне я видел поле, распаханное нашими снарядами, с развороченными сирийскими танками, заваленное трупами, и всюду — кровь. Мы стояли там три дня, и некоторые ребята доходили чуть ли не до потери сознания. Наша батарея подбила двенадцать танков. При такой интенсивности огня все при деле. Я тоже помогал: открывал ящики, перетаскивал снаряды, подавал их. Даже командир батареи подавал снаряды.

В Ливане я узнал, что значит "поддерживать огнем". Ребята из бригады "Голани" прямо-таки бросались нам на шею, чуть ли не целовали, до того они были нам благодарны. Они говорили, что бывали случаи, когда артиллерия их буквально спасала. Это было настолько трогательно и неожиданно, что подействовало даже на тех, кто уже прошел не одну войну.

Чаще всего наша помощь требовалась не во время атаки, а во время выхода из окружения, когда ребята выходили оттуда живыми только благодаря артиллерии. Они рассказали, что один раз "Голани" попали в жуткую переделку, и тогда им помогал целый артиллерийский полк: устроили для них настоящий коридор — справа и слева стены огня, а "Голани" шли посередине, как на параде, и по ним не было произведено ни единого выстрела. Выбрались без царапинки.

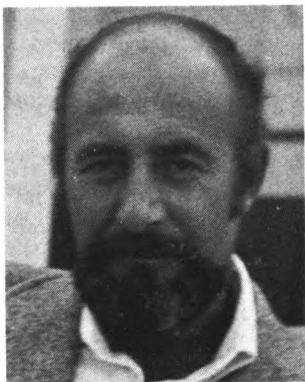
После Бахамдуна мы повернули круто в горы. Дошли до предгорья Джабал Барук и уже оттуда продолжали обстреливать Бейрут. Участвовали в тяжелом трехдневном бою за шоссе Бейрут-Дамаск. Был очень массированный обстрел. Днем стреляли, ночью дежурили. Хорошо, что в Ливане ночи относительно светлые. Все время были в напряжении. Командир батареи у нас — парень серьезный и держал нас в полной боевой готовности. Дисциплина была как полагается.

С местными жителями, как я уже говорил, нам приходилось сталкиваться. В одном селе разговор с ними меня очень подбодрил. Они пришли к нам и спрашивают: почему вы у нас ничего не забираете? Они в самом деле были очень удивлены — сирийцы и террористы брали у них все, что им нравилось. На следующий день они сами принесли нам еду, питье. Они умеют приспосабливаться, подлаживаться под любую власть. Такой народ.

Но вообще я считаю эту войну напрасной. Потому что все цели, поставленные перед армией, остались невыполненными. Террористов из Ливана выгнали? Нет. Они снова в Бейруте. А в Тире и Сидоне? Там беспрерывно обстреливают наши машины, наших солдат. Это кто, новые террористы, что ли? В этом отношении операция "Литани", я думаю, была более эффективной. Было бы совсем хорошо, если бы после той операции в Южном Ливане возникло буферное государство майора Хадада. Да, да, именно

буферное. А сейчас есть опасность, что этот буфер вообще исчезнет. Может быть, даже с согласия Израиля. Постепенно, конечно. Мы с ребятами об этом говорили, и мнения четко разделились: половина на половину. Половина — за войну, половина — против. Спорили, конечно, во время передышек, потому что во время боевых действий не до споров. Тогда вообще ни о чем не думаешь. Точнее, думаешь только об одном: делать все как полагается, чтобы не подвести под пулю своего товарища и себя самого.

По-моему, эта война приведет к результатам как раз противоположным тем, которых от нее ожидали. Потому что теперь для многих ясно, что без политического решения палестинской проблемы ничего не получится. Я доволен, что часть наших ребят стала так думать именно в связи с этой войной. Последняя ли эта война? Нет, будут другие войны.

Валерий Фрейтер, 39 лет, родился в Биробиджане, в Израиле с 1979 года, водитель такси.

Первое, что я увидел в Ливане, это — трупы. По обе стороны дороги. Подбитые орудия, машины и трупы. В форме, без. Там же — метрах в 15 от дороги — увидел зенитку и при ней полный экипаж. Все четверо так и остались сидеть, как будто живые, а еще четверо валялись рядом с зениткой. У одного террориста машина сгорела, и он, наверно, хотел добежать до дороги, но не успел. Так голый труп и валялся — вся одежда сгорела. Трупы набухали, и мы просили специальную команду, чтобы их закопали, потому что могла начаться эпидемия. Потом уже, когда было прекращение огня, пришли наши тракторы и засыпали их прямо на месте.

А живых террористов я первый раз увидел, когда к нам подъехал автобус, и там сидело четверо пленных. Руки связаны, на глазах повязки. Они как раз ели хлеб, который получили. Мы, конечно, все сбежались на них посмотреть. Я лично смотрел на них и думал: такие же люди, как и мы. Молодые ребята. Я на них зла не держал, когда они были связаны: думал, эти нам уже ничего не сделают. Надо остальных вылавливать.

Среди террористов попадались и дети. Но без оружия они дети и есть. Если у них оружие забрать, то можно их перевоспитать. И вообще в Ливане не разберешь: думаешь, что это — террорист, а он оказывается хороший. Очень сложно. Были там террористы, которые прятали оружие, переодевались и рисом посыпали. Потом их вылавливали.

Когда террористов ловили, я тоже в этом участвовал. Вместе с ребятами ходил по домам. Христиане сами показывали, где прячутся террористы. В одном доме мы остановились перекусить, открыли сухие пайки. Нам и в голову не пришло, что под нами, в подвале, террористы. Даже не террористы, а сирийские солдаты. Трое их было. Мы на второй день в этот дом снова заглянули. Отдохнули, перекусили опять, а потом кто-то из наших ребят пошел в подвал и нарвался на сирийца. Тот сам сдался. Наши ребята по-арабски с ним говорили, так он рассказал, что еще двое сирийцев ушли, а он остался, выходил по ночам и ел черешни. Черешнями и питался. А у нас он просил только одно: воды. Дали ему двадцати литровую канистру, так он больше половины выпил.

Черешня в Ливане вкусная, крупная. Один раз я залез на дерево, наелся вдоволь. Потом смотрю, на пригорке — метрах в семидесяти от меня — показались трое. Вооруженные, с арабскими платками на голове. Я понял, что террористы. Меня на дереве не видно, автомат рядом со мной, я прицелился и одного хлопнул. А двое побежали. Я спрыгнул с дерева и тоже побежал. Не за ними, а от них. Думал, может, кроме тех двоих, еще террористы есть. Знаете, я был рад, что попал в террориста. Я вообще хорошо стреляю. Но скажу вам прямо: первый раз убить человека тяжело. У меня потом даже руки тряслись с не привычки. Я, когда прибежал, сказал нашим, что убил террориста. А они говорят: правильно сделал.

Ездил я по нашим точкам, возил штабных писарей, почту. Это тоже опасное дело: очень много наших машин взрывалось на минах и в засады попа-

дали. У нас точки были разбросаны, по несколько километров расстояние между ними. Приезжаю на одну, а от нее до сирийских танков — полкилометра, не больше. Без бинокля видно. Я тогда на сирийских солдат посмотрелся. Было прекращение огня, но его все время нарушали. Там и меня чуть не убило.

Я стоял у дома, мы как раз консервы на газовой горелке подогревали. Вдруг — бах! Из сирийского танка. Я стоял спиной к дому, но в этот момент как раз обернулся, потому что меня кто-то позвал. Снаряд попал в стену, и один осколок — точно в то место, которое я только что своей головой заслонял. Я этот осколок выковырял железным прутком. На память. А обед наш на огне так и остался.

А еще был такой случай. Стояли мы в одной деревне, домов пятнадцать — двадцать. Иду в туалет, смотрю, бежит курица. Это еще в первые дни было, когда питание у нас было так себе. Ребята накануне курицу жарили и меня пригласили. Ну, и мне хотелось их угостить. Погнался я за этой курицей, а она раз — и в пустой дом. Я — за ней. Когда догоняешь, ни о чем не думаешь — только бы поймать. У меня с собой автомат был и еще пистолет свой, личный. Вбегаю в дом и вижу — на полу сидит парнишка, вроде молится, а, может, и нет. Потом замечаю — рядом с ним оружие лежит. Я, как оружие увидел, так и врос в землю напротив него, а он подумал, что я не один и от страха поднял руки. Ну, раз так, думаю, сдается парень. Снимаю с плеча автомат, а он из рук у меня вывалился. Про пистолет я и вовсе забыл. Я наклонился, чтобы автомат поднять, и даже не подумал, что парень мне может что-то сделать. Не успел еще привыкнуть, война только началась; никак не мог вбить себе в голову, что это — война, что один другого должен убить... как-то еще не доходило это. Нагибаюсь, значит, я за автоматом, и на парня даже не смотрю. Спокойно так нагибаюсь. А он, видно, понял, что я один, и как прыгнет на меня сзади, ухватил за щечку с жетоном и стал душить. Парень молодой,

но я — тоже не инвалид. Напрягся, порвал цепочку, двинул его локтем так, что он отскочил. Я уже автомат больше не стал поднимать, а просто кулаками его колотил. Когда он упал, я ему еще ботинками поддал. Разозлился я на него сильно. Вытащил его наружу, а он уже был готов. Дохлый. Сначала мне даже не хотелось никому об этом говорить. Потом только рассказал.

А другой раз, возвращаемся мы с одной дальней точки, останавливает нас ливанец и что-то говорит. Нас пять человек, и ни один не понимает по-арабски. В конце концов, я догадался, что у него в огороде лежат трупы террористов, и он хочет, чтобы мы их закопали. А я для смеху говорю ему на иврите: "Мы свою работу сделали, теперь вы свою делайте. В своем огороде!"

Так мы и уехали, не выполнив его просьбы; просто времени не было: возвращаться в часть нужно засветло, там нельзя в темноте ходить. У нас ребята вот так и нарывались. В темноте подбирали с земли какую-то штуку, бросили ее, а это оказалась мина. Одного убило. Одному ногу оторвало, еще пятерых ранило. Шестеро здоровых ребят и все калеками стали. Наутро мы увидели, что все поле засыпано такими "штуками". Мы сразу оттуда убрались, переехали на другое место, хотя там было очень красиво, и расположиться можно было удобно.

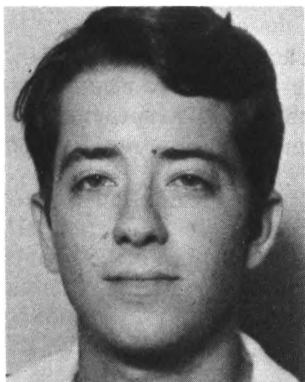
Страна вообще очень красивая. Камни, ущелья, горы. Конечно, чувствуется, что это не дома. Мы между собой так и говорили: когда Кирьят-Шмона обстреливали, ни за что не поехал бы из центра туда жить. А сейчас все отдал бы за то, чтобы оказаться хоть в Кирьят-Шмона, только бы на нашей территории. Очень хотелось домой.

Ливанцы к нам хорошо относились. Улыбались нам. Я верил, что они нам рады. Конечно, среди них тоже разные есть. Но как их узнаешь? Это как в стаде: заведется паршивая овца — попробуй, найди!

Нам из Израиля много посылок со всякими сла-

достями присылали, так мы их детям раздавали. Когда в деревнях стояли, дети так и шныряли среди нас, мы им конфеты давали. А они нам приносили воду, кофе.

Я доволен, что был на войне. Получается, что и я как бы немного своей крови отдал. А то ведь я приехал в Израиль на все готовое. Вот и представился случай себя показать. Живешь ты здесь, мол, не зря, даром хлеб не ешь!

Сергей Дризлих, 20 лет, родился в Конотопе, в Израиле с 1978 года, выпускник средней школы.

Меня взяли в экипаж, где не хватало одного человека, и назначили заряжающим. Командир танка сказал, что сегодня в 11.00 наша армия вошла в Ливан и мы тоже ждем приказа туда двинуться. Для меня это было, фактически, первое официальное сообщение о войне, но тогда я еще ничего не осознавал, смотрел на все это, можно сказать, как на приключение. Потом у нас была беседа с командиром полка, он нам тоже сказал, что началась война. Когда он это сказал, я вдруг почувствовал, что... как бы это сказать, немножко страшно. Потом он сказал, что будут жертвы и все такое. И рассказал про другой батальон, который уже вошел в Ливан и потерял два танка. Он не сказал, были ли там убитые и раненые. Только я вдруг подумал, что и мой танк могут подбить.

Ночью мы двинулись в путь, а рано утром вошли в Ливан. Я как заряжающий сидел снаружи и видел все вокруг. С одной стороны кончилось одно поле, с другой началось другое, а посередине — колючая проволока, открытые ворота. Мы через них и проехали. За воротами начался Ливан. Видел, как в по-

ле работали крестьяне. Это была территория Хадада, возле Мардж-Аюна. Мимо нас проезжали иногда ливанские гражданские машины. Вроде едешь по израильской дороге. Только через некоторое время мы услышали артиллерийскую стрельбу где-то далеко впереди нас. Потом мы свернули с той дороги и через Мардж-Аюн проехали возле Бофора. Бофор уже был взят. Еще в Мардж-Аюне мы видели танки Хадада, старые "Шерманы". Там же дети показывали нам на пальцах букву "V", знаете — "виктори", по-английски "победа" — а женщины посыпали нас рисом. На меня тоже попало несколько зерен. А командир роты спрашивает по рации командира батальона: "Следует ли считать, что по нам открыли огонь?" Он вообще у нас шутник. Было приятно, что не только израильтяне, но и арабы хотят, чтобы мы победили и чтобы находились здесь. А до того, когда мы еще проезжали ранним утром какие-то киббуцы и мошавы в Израиле, там тоже стояли люди и смотрели на нас. Обычно на базе ты ведь оторван от людей, а тут, пожалуйста, едешь в танковой колонне, а вокруг люди специально вышли на тебя посмотреть. Я чувствовал поддержку со стороны наших киббуцников, только смотрели они на нас как-то странно. Арабы нам так явно радовались, а киббуцники... у них в глазах была какая-то растерянность. Они улыбались и все такое, но, наверно, чувствовали, как и я, что начинается война. Некоторые махали руками, но никаких бурных выражений восторга. Может, они просто более сдержанно выражают свои чувства.

До сих пор мы ехали с разряженным оружием, а после реки Литани зарядили. Командир танка сказал, что могут быть террористы.

Вечерело. Ехали мы целый день, иногда останавливались на заправку. Дорога была заминирована, и на ней работали саперы. Мы ждали, ждали, потом развернулись и поехали по другой дороге. Слева от нас на склоне что-то мерцало. Мы остановились,

осветили этот склон, искали, но ничего подозрительного не нашли. Двинулись дальше. Совсем стемнело, но мы не зажигали фары. А за нами ехала какая-то часть, и у них все фары были включены. В общем, уже начался балаган.

Потом по нам открыли огонь из миномета. Он стрелял откуда-то издалека, были видны вспышки, и мины падали на противоположном холме. В то время мы уже поднялись в гору, и было ясно видно, как те минометчики плохо стреляли: недолет, опять недолет и так все время. Они даже прицел не поправляли.

Потом стрельба прекратилась.

Утром вся наша часть остановилась около какой-то деревни. Вышел я из танка, смотрю — под нами облака. А прямо из облаков вырастает совершенно гигантский по радиусу столб черного дыма. Когда утренние облака рассеялись, стало видно, что дым поднимается над каким-то городом, который мы обстреливали. Не знаю, как он называется. Ничего не было слышно, и только этот страшный столб дыма. Может, метров двести в радиусе. Я первый раз такое видел. Наверно, какое-то нефтехранилище взорвали.

Ночью мы проехали Набатие. По радио передавали, что там идут бои, но в городе уже было тихо. Я ничего не видел, спал. Утром остановились у какого-то дома. Ливанцы сразу вышли на балкон и молча на нас смотрели. Уже не посыпали нас рисом. Потом они проходили мимо танков и с интересом нас разглядывали.

Мы побрились, хорошенько вымылись: когда сидишь в танке, у тебя все лицо становится черным. Простояли до середины дня. Над нами пролетело два самолета. Я думал, израильские — не разобрался сразу. А командир роты передал по связи, что это были два сирийских МиГа. Пролетели, а мы даже двинуться не успели. Танк вообще ничего не может сделать против самолета. Эти МиГи вынырнули из-за холма

и прошли очень низко, в полукилометре над нами, не больше.

После полудня мы выехали из той деревни, где останавливались на отдых, поднялись выше и увидели чудесное зрелище: сама деревня на горе, и со всех сторон горы. Двигались мы довольно быстро. Если какая-то брошенная автомашина загораживала дорогу, то проезжали просто по ней. Никакого специального приказа не было, но, если на узкой горной дороге стоит машина, ты же не станешь останавливать колонну в сотню танков, чтобы эту машину оттащить. Просто наезжали на нее и раздавливали — не было другого выхода. Представляете: на легковушку наползает полсотни тонн железа... Никто, конечно, специально не хотел ничего вредить и портить, но, если честно сказать, мне было даже забавно. Потому что в такую минуту особенно ощущаешь, на чем едешь, какой машиной правишь.

Потом мы остановились: разведка сообщила, что впереди находится сирийская пехота с противотанковыми ракетами. Это — управляемые ракеты: солдат смотрит в бинокль, запускает ракету и наводит ее на танк. В принципе, нужна особая тренировка, чтобы попасть такой ракетой.

Мой танк не был головным, и перед нашей ротой шла другая рота. Но я вдруг понял, что сейчас будет бой. И тогда мне впервые стало по-настоящему страшно. Я думаю, не только мне. Мы проехали мимо подбитого сирийского бронетранспортера и остановились на холме напротив небольшого городка, где засели сирийцы. Взводный сказал, что у сирийцев, наверно, и танки есть.

Та рота, которая шла перед нами, вошла в город. Мы слышали взрывы, видели, как израильский танк проезжает по улице, мой стрелок заметил сирийский ракетный бронетранспортер. По радиации передали, что наши сталкиваются с легким сопротивлением.

На той площадке, где мы стояли, была дикая суeta: подошли другие части, нас объезжали бронетранс-

портеры, зенитки, санитарные машины. Рядом уже раскинули полевой госпиталь. Все это время я сидел на танке и смотрел. Мы поели и ждали приказа двигаться дальше.

Сначала мы видели, как наши танки входили в город, и вдруг они на полной скорости выскочили оттуда, друг за другом. Фактически, это было отступление.

Наша танковая колонна должна была пройти этот город, и тогда он считался бы взятым. Сирийцы были бы уже отрезаны от своих сил, и нашей пехоте осталось бы только найти и уничтожить "гнезда" сопротивления. Но наши танки не прошли. Как потом выяснилось, на них обрушился совершенно адский огонь: стреляли по ним и ракетами тоже.

После того, как головная рота отступила, мы получили приказ войти в город. Вначале надо было спуститься с холма и снова подняться. Мы поднялись, вокруг стояли те танки, которые отступили из города. Они стояли по обеим сторонам дороги, а мы ехали между ними. И все танкисты вылезли наружу и смотрели на нас. На их лицах было такое выражение, как будто они только что выскочили из настоящего ада, а мы туда лезем по собственному желанию. Как будто они уже знали, что нас ждет, а мы — еще нет. Они смотрели на нас прямо-таки с сожалением. Сидели на танках, нахмурившись, и молчали. Когда я увидел эти лица, мне стало очень страшно. В животе все оборвалось, как в самолете, когда он проваливается в воздушную яму.

Подъехали мы, значит, к этому городу. Началась стрельба. Я не видел, откуда стреляли. А мой командир танка засек сирийскую пехоту и приказал стрелять из параллельного пулемета. Тогда я спустился вниз, чтобы заготовить снаряды и держать пулеметную ленту.

У командира голос стал немного истерическим. Когда сильное напряжение, всегда крики. Стали стрелять снарядами. Вытаскиваешь из ящика снаряд,

загоняешь его в ствол, пушка стреляет, стреляную гильзу выкидываешь наружу, хватаешь другой снаряд, и ждешь команды. Командир — у него больше обзор — находит цель, наводит на нее пушку и кричит: "Цель видишь?", стрелок отвечает: "Да", и стреляет. В движущуюся цель из пулемета можно попасть, но если огонь ведут из дома, то пулеметом не достать. Тогда надо снарядом долбануть. Так надежнее.

Командир не прекращал стрельбы из своего пулемета. Я только и слышал "тр-р-р-р", "тр-р-р-р". Потом параллельный пулемет вышел из строя, и я должен был вылезть наружу, чтобы заменить его другим. Тогда я почувствовал беспредельный страх, но я преодолел его. Постоянно у тебя в голове мысль: вот сейчас в танк попадет ракета. Когда сидишь в танке, не так страшно, потому что все закрыто броней, ты ничего не видишь, только слышишь взрывы. В танке я не чувствовал, что по нам стреляют, а когда вылез наружу и снял пулемет, смотрю — одна ручка отбита. Пулей или осколком. И турель, на которой пулемет крепится, тоже разбита. Командир сказал: "Запри ее, чтобы не вертелась". А у нее затвор прямо с мясом вырван.

Мне пришлось вылезть наружу еще раз, когда танк запутался в электрических проводах. Командир приказал, чтобы я распутал. А я подумал, раз мы на открытом месте стоим, в нас точно долбанут. Это было на какой-то площади. Провода свисали над самой пушкой. Я вылез из люка и вместе с командиром просто откинул их назад. Двинулись дальше, выехали из этого города, поднялись на холм. А там сирийские танки устроили засаду и подбили у нас один танк. Мой танк стоял рядом и пускал дымовую завесу. Ребята выскочили из подбитого танка, их подобрал бронетранспортер.

Наш экипаж подбил сирийский танк. Я не видел, мешал дым из пушки. Но соседний танк следил за выстрелами, и я вдруг слышал, как нашему ко-

мандиру сообщают по рации, что мы попали в цель. Была ли радость? Не радость, скорее — какое-то облегчение.

В тот момент, когда мы съезжали с горки, я услышал небольшой щелчок, и наш танк слегка качнуло. Еще я увидел слабую вспышку около ног командира, которая сразу исчезла. Только я и стрелок заметили. Мы с ним переглянулись и все. А тут водитель кричит: танк неуправляем, держу его только на тормозе! По рации сообщили, что наш танк подбит. Нужно было скорей выбираться наружу, а мы еще сидели и пытались заглушить мотор, погасить его. Даже не знаю, на что мы рассчитывали. Потом выяснилось, что перебиты все штанги, которые идут от руля. Я даже не знаю, сколько мы там просидели, может, с полминуты. Командир приказал оставить танк. Я схватил автомат, пояс с обоймами, и мы с ним выскочили через верхний люк, стрелок тоже вылез и помог выбраться водителю. Танк немного откатился, потом встал. Снаружи он был абсолютно целый. Но нам уже было не до него, потому что мы очутились на совершенно открытой местности. Еле спрятались за большим валуном. Сразу подъехал бронетранспортер, чтобы нас забрать. Там была дикая теснота, потому что он уже подобрал один экипаж.

В это время сирийцы подбили еще один наш танк. До сих пор не было пострадавших, а в этот раз снаряд попал в башню. Парень из нашего бронетранспортера высунулся по пояс и увидел, что из башни подбитого танка пошел дым. Они с еще одним парнем побежали туда и вытащили совершенно сгоревшее тело командира. Они оставили его около танка. Заряжающего ранило, но он выбрался сам. Водитель тоже. А стрелок остался внутри. Танк горел, в нем начали взрываться боеприпасы, так что подойти уже было нельзя. Да никто и не сомневался, что стрелок погиб.

Мы все это время ждали, пока наш парень вернется, но он сел в другую машину, и мы поехали. Наверху двое парней стреляли из пулеметов, и еще

одно место было свободно. Вначале я был немного в шоке, хотелось забиться в какой-нибудь угол. Когда мы двинулись, я взял автомат, и поднялся наверх. У бронетранспортера стены, как бумага — лучше уж стоять наверху.

Для того, чтобы выбраться на шоссе, нужно было опять проехать часть города. В общем наша рота выполнила приказ. И за нами пошли другие роты.

Когда мы выезжали из города, стреляли налево и направо. Я видел несколько брошенных позиций, мешки с песком. На всякий случай мы и туда стреляли. Мало ли что, мы же не в танке, а в бронетранспортере: сириец даст очередь с близкого расстояния и весь борт тебе пробьет. Так мы ехали — три бронетранспортера друг за другом — и все время стреляли. Я — одиночными, а двое ребят рядом — очередями. По окнам, по дверям, по стенам. Тогда мы все были в очень возбужденном состоянии, но сейчас я думаю, что делали мы все правильно. Откуда мы могли знать, в каком доме сидит сириец, а в каком — нет? Факт, что пехота после нас еще два дня чистила этот город, находила там склады боеприпасов, да и сопротивление еще встречала.

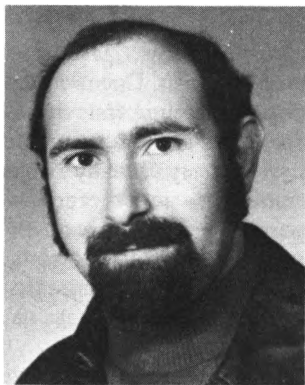
Когда мы выехали из города, я успокоился. Потом уже я понял, что каждый должен преодолеть какой-то барьер страха. Я преодолел в тот момент, когда вылез на верх бронетранспортера.

Мы остановились на шоссе. Мимо прошла другая танковая часть. Все ушли вперед, а мы остались на ночь вместе с полевым госпиталем. Там были раненые и убитые. Почему убитого командира оставили около танка? А куда его было тащить? В бронетранспортер, набитый людьми, бросить еще сгоревший труп? В ту же ночь наши ребята вернулись и забрали его, а на следующее утро город был взят. Там уже работала пехота. И мы въехали туда уже совершенно спокойно. Зачем? А мы ведь в танке все свои вещи бросили, и оружие надо было разрядить.

Пошли к танку. Разрядили оружие. Мотор совер-

шенно вышел из строя, но снаружи — башня, пушка — все было в полном порядке. А между гусеницами заглянул, смотрю — в днище вот такая дыра, с блюдце! Бронебойный снаряд долбанул.

Подошли мы и к двум другим подбитым танкам. Они уже совсем сгорели. Тот, где чудом никто не пострадал, и второй, в котором погибло два человека. Нужно было вытащить то, что осталось от стрелка. Я не полез, а двое ребят полезли. Взяли целлофановый мешок — только обугленные кости от этого человека и остались. Представляете, какая в горящем танке температура! Я удивляюсь, как те парни, которые командира вытащили, вообще смогли к танку приблизиться. В днище танка есть несколько дырок, через которые масло спускают, так через эти дырки все алюминиевые части мотора вытекли. На земле осталась лужа застывшего алюминия.

*Яков Саулкин, 32 года,
родился в Вильнюсе,
в Израиле с 1973 года,
наладчик.*

С гражданским населением мы столкнулись почти сразу, как только доехали до Сидона. Не успели начать разгружаться, как налетели детишки — просят кушать. Палестинцы из лагеря. Человек двадцать, не меньше. Я еще не понял, чего они хотят, а эти мамзеры* уже знали, что где лежит. Одна девчушка показывает мне на картонный ящик. Открываю, а там полно килограммовых пакетов с рисом. Со мной был один хабадник, так он говорит: "Не давай им ничего!" Я, конечно, знал, что это — палестинские дети. Но пока в тебя не стреляли, как откажешь детям, когда злоба еще не накопилась. Поташил я им этот ящик — тут же драка началась. Тогда эта девчушка выстроила всех в ряд и кричит мне: "Вахад, вахад!" Я понял, что надо им по одному пакету давать, потому что, если им бросить целый ящик, там убийство будет. Они подходили ко мне, и я давал каждому по пакету. А хабадник был против. Ничего, говорит, им давать нельзя, они сейчас

* Мамзер (ивр.) — незаконнорожденный, здесь: "хитрец".

наедятся этого риса и вырастут из них террористы, которые в нас будут стрелять. А ребята, которых мы сменяли, рассказывали, что эти дети приходили каждый день, и, если продукты оставались, им всегда их отдавали.

Сидон был, конечно, сильно разрушен. После двух-трех недель привыкаешь к этому зрелищу, как будто так и должно быть. А вот, когда попадаешь на новое место, сразу видишь разницу. По всему Ливану было много развалин, но я себя виноватым не чувствовал, по-моему, в этой войне и разрухе виновты сами ливанцы. Мы, конечно, взрывали дома и виллы, но только те, где жили террористы. Их базы взрывали. Получали от нашей разведки сведения, где эти базы находятся, и взрывали их со спокойной душой.

В Сидоне много апельсиновых рощ, так все время приходилось их прочесывать. Я помню самый первый вечер, первый страх. Все были в касках, бронежилетах. Нервничали очень. Правда, в конце концов, все как-то собрались, сосредоточились. Тишина. Рассчитались по порядку номеров и цепью пошли в рощу. Там разделились на две группы, одна пошла налево, другая — направо. Командир группы каждые пять минут выкликал нас по именам, и каждый отвечал: "Я иду!" Вот так — "Я иду, я иду, я иду!" У нас был приказ: как только заметим что-нибудь подозрительное, залечь и не стрелять. Боялись, что мы выстрелим, а потом окажется, что это местный араб, а вовсе не террорист. Потом, когда мы уже стали поопытней, нам дали приказ сразу открывать огонь. А у меня и раньше никаких сомнений не было: в случае необходимости я бы стрелял, не задумываясь. Не задумываясь.

Был у нас случай в Сидоне. В центре города нашли несколько ящиков со снарядами, хотели взять, но побоялись, что они заминированы. Проверили. Мин не было, а снаряды оказались советскими. Погрузили мы их на машину и повезли на базу, где принимали все трофеи. Встретил там нас какой-то капитан. Жи-

вот у него — метра два, и в руке — бутылка минеральной воды. Нас заранее предупредили, что по имени его никто не знает, а если мы хотим его найти, надо просто спросить, где тут "Минеральная вода". Оказалось, что каждый такой снаряд, как мы привезли, стоит тысячу долларов и подходит для наших пушек тоже. Надо было видеть, как "Минеральная вода" обрадовался. Ой, говорит, какой вы мне подарок принесли — тысяча долларов, вторая, третья... — стоит и пересчитывает снаряды.

В другой раз какая-то ливанская машина напоролась на мину. Приехали мы и видим: в речке перевернутый джип и арбузы плавают. Он с моста упал. В джипе ехало три человека. Двоих взрывной волной отбросило в сторону, и они просто выбрались наверх. А третий так и остался в джипе. Никто не знал, живой он или мертвый. Вначале мы получили приказ проверить, есть ли еще мины. Потом приказали сидеть и ждать нового приказа. Собралось вокруг много ливанцев. Один из них — брат того, что в джипе остался. На другом берегу тоже стояли люди, но спуститься к машине мы никому не разрешали. Так мы простояли два часа. Когда того человека вытащили, он уже был мертвый. Тут только приехал ливанский Красный Крест. Санитары завернули труп в одеяло и на тележке закатали в свою машину.

Из Сидона мы переехали в Набатие. Там все наши части расположились в виллах, в брошенных домах, а нам командир сказал: "Мы — инженерные войска, нам комфорт не нужен. Вот — горка, на ней и будем сидеть". Обидно было, конечно, да и неудобно, но делать нечего. Расчистили тракторами место, поставили палатки, натянули маскировочные сетки. По ночам дежурили: в это время в Набатие как раз комендатский час ввели.

Рядом с городом есть деревня Кфар-Хабуш. Местные говорили, что террористов там нет. Мухтар, деревенский староста, рассказывал, что террористы

к нему в деревню и не заходили. Как мы встретились с мухтаром? Дело было так.

Поехал ночью наш бронетранспортер в деревню патрулировать. А дороги там узкие. На бронетранспортере лежали мешки с обмундированием тех ребят, которые в это время были в отпуске. В каком-то узком месте один мешок за что-то зацепился, порвался, и все вещи из него высыпались. Никто, конечно, не заметил. Ребята вернулись, а я как раз с одним парнем на базе дежурил. Подходим мы, значит, к машине, а парень и говорит: "Смотри, пустой мешок!" Ну, мы тут же — к офицеру. Обмундирование-то ладно, но беспокоились из-за пояса с обоймами. За форму в армии можно как-то расплатиться, но обоймы, патроны... это уже подсудное дело. Поехали в деревню искать. Ищем, ищем — ничего нет. Я говорю офицеру: "Слушай, чего мы тут мотаемся? Давай пойдем к мухтару. У него есть громкоговоритель с динамиками (для молитвы используют), пусть объявит по всей деревне". Офицер говорит: "Не имеем права". Опять вернулись на базу. Офицер пошел к командиру роты советоваться. Тот говорит: "Иди хоть к Господу Богу, меня это не интересует". Мы узнали, где живет мухтар, и пошли к нему. Поговорили с ним, и он сказал: "Приезжайте через полчаса". Приехали — ничего нет. Тогда наш офицер ему говорит: "Если ты сейчас же не объявишь по громкоговорителю и мы не найдем вещей — начинаем обыскивать каждый дом".

Мухтар говорит: "Хорошо, выезжайте к дороге и ждите меня там". Только мы отъехали, смотрим, — прямо на земле плащ-палатка и форменные брюки с рубашкой. Мы поняли, что вещи где-то здесь. Потом подошел мухтар и сказал, что все остальное сдано в полицию в Набатие. Мы должны туда поехать, расписаться, и он поедет с нами. Мы все отправились в Набатие, но выглядело это, как будто мы его сопровождаем, вроде как арестовали. А для арабов это — бесчестье. И он нас предупредил, что мы должны

после полиции заехать к нему домой и выпить чашку кофе, чтобы показать всей деревне, что мы его не конвоируем. Тогда, говорит, моя честь не пострадает. Приехали мы в полицию, нашли там не все, что выпало из мешка, но самое главное — пояс с обоями и спальный мешок, самые дорогие вещи — мы получили, вернулись в деревню, и мухтар повел нас к себе домой. Один из нас остался дежурить у бронетранспортера, а остальные пятеро вошли в дом.

Как только мы вошли, жена мухтара и две дочери сразу ушли в другую комнату и подглядывали за нами из-за двери. Пришел сын мухтара, принес нам кофе, воду, сигареты. Наверно, сортов семь или восемь разных сигарет. Ты еще не успел сигарету взять — он уже возле тебя стоит, с зажигалкой. А я курю "Тайм". Весь Ливан прешел с "Таймом". Только я достал свой "Тайм", как мухтар мне говорит: нет, вот сигареты на столе, а свои убери. Наш парень, который с ним по-арабски говорил, перевел мне и еще добавил, что, если я не уберу свои сигареты, хозяева обидятся.

Ну, разговорились. Первые слова мухтара были: "Мы очень довольны, что вы пришли и нас освободили. Но, если вы задержитесь здесь слишком долго, мы будем видеть в вас не освободителей, а захватчиков". Кем я сам себя чувствовал? У него дома — гостем. В тот момент, пожалуй, даже желанным гостем. А в его стране? Я знал, что мы туда вошли, потому что нам нужно было очистить эту страну от террористов. Мухтару мы сказали, что сами заинтересованы не задерживаться и пораньше уйти из Ливана.

Потом вышла его жена, извинилась и попросила у нас адрес больницы в Цфате. Оказывается, она болеет почками и уже после начала войны была в Израиле, и врачи ей сказали, что лучше всего ей помогут в этой больнице в Цфате. Ребята ей, конечно, сразу написали адрес и объяснили, как туда доехать. А дочери мухтара все время стояли у двери и смотрели на нас. Одна была такая красивая. Как только

отец заметил, что они на нас смотрят, он сразу крикнул что-то по-арабски, махнул рукой, и они спрятались.

Был я и в увольнительной, но недолго. Один раз отпустили на 24 часа, успел только приехать домой, переночевать — и обратно. Всех отпускников срочно вызвали в часть. Мы быстро погрузились на бронетранспортеры, прибыли в пригород Бейрута, Хальде называется. Роскошные гостиницы, пляж. Там, кстати, мы впервые столкнулись с семьями террористов. Они живут там и по сей день. В то время как раз наши силы продвинулись к аэропорту и выбивали террористов из Бейрута. Мы готовились к атаке на западный квартал, а в Хальде должны были пройти короткое учение на местности, привыкнуть ориентироваться среди высоких зданий и все прочее. Ребята сказали, что в этих гостиницах когда-то останавливались христиане, но террористы их повыгоняли и поселили там свои семьи. Кончилось учение, и нас прямо ночью бросили на Бейрут. А у нас с собой ни сигарет, ни еды — ничего. Доехали до того места, откуда велся обстрел шоссе Бейрут-Дамаск, и остановились. С правой стороны у дороги — ночной бар. Подъезжаем грязные, усталые, в касках, с автоматами, а там — шикарные машины, женщины в вечерних туалетах, мужчины в галстуках, музыка, вино. Ну, мы обрадовались: бабы, ресторан. Оказалось, мы остановились, чтобы одеть бронежилеты и ехать дальше. А мы-то думали, что хоть поедим там.

Добрались до нашей танковой части, а в ней все танкисты оказались ешиботниками. Все в ермолках, конечно. Они нас приняли как родных. У меня кончились сигареты, смотрю один приносит мне целую пачку. Я открываю кошелек, а он говорит: "За деньги не дам. Это — уважение". Не ребята, а золото.

В Бейруте, конечно, красиво. Только непонятно, как человек может каждый момент ждать, что на него упадет бомба или граната, а вечером одеть свой

лучший костюм, помыть свою машину и ехать гулять. Мы разговаривали с тамошними жителями. Они говорят, что так продолжается уже восемь лет. Ничего не поделаешь, мол, надо жить. Так что, если утром остался в живых, вечером идешь гулять. Красивый город. Красивая страна. Люди живут роскошно. В Израиле такого нет. У нас строят дома как дома. А там что ни дом, то дворец. В лесу, огромный участок, целая усадьба.

Как раз в это время начальник генерального штаба разрешил всем частям совершить поездку по стране. Мы тоже насмотрелись достаточно: сколько общин, столько и стилей, традиций, культур. Все по-разному: дома, одежда, образ жизни. По дороге заехали в кедровую рощу, и вдруг смотрим — указатель нашей военной полиции с надписью "Заповедник. Рубить деревья запрещается!" Ну, сами подумайте! Вы знаете еще такую военную полицию, чтобы о заповедниках в чужой стране заботилась? Да еще во время войны!

Чем дольше мы оставались в Ливане, тем становилось, как бы это сказать, беспокойнее. В первые дни всюду разгуливали наши солдаты, мы чувствовали себя освободителями, хозяевами положения. Потом наши солдаты перестали просто так крутиться в городе, перестали чувствовать себя в безопасности. Машины в одиночку уже не ездили, только с конвоем. Я сам был несколько раз сопровождающим. Загнал пулю в ствол, и палец — на курке. Так и едешь, головой по сторонам вертишь. Каждый день только и слышишь, там стреляли, здесь стреляли, тут подложили мину, там машину взорвали. Было ясно, что террористы просто растворились среди местного населения. Теперь у них есть даже мины с дистанционным управлением. Так что их нужно только подложить. В первые дни войны был фронт, ты знал, с кем воюешь. А сейчас получается, что с партизанами. Буквально, как в Союзе читал про партизанскую войну. Мы еще смеялись, что в Ливане

нет железных дорог, а то бы еще и поезда под откос пускали. У части наших ребят настроение сильно изменилось. Но я как раз отношусь к той части, которая считает, что и сейчас еще рано уходить. Мы должны там еще оставаться. Правительство в начале войны говорило, что нам надо только 40 километров Южного Ливана от террористов очистить, чтобы их пушки до наших северных поселений не доставали. Вот я и считаю: отойти на 40 километров, но не уходить совсем. Потому что на ливанскую армию нельзя положиться. Если у кого там и есть сила, так это у майора Хадада, а он держит в руках весь юг. И с Израилем союзничает. Может, так и надо — отойти до той полосы, где сидит Хадад. А за ней — пусть ливанцы делают, что хотят, пусть режут друг друга, пусть убиваются, меня это не интересует. Но, с другой стороны, думаешь, если мы уйдем из центрального Ливана, террористы вернутся, получают другие пушки и смогут нас обстреливать с расстояния шестидесяти километров, и восьмидесяти, а то и всех ста.

Когда я ехал в Израиль, то знал, что здесь войны были и будут. Я работал на заводе в Вильнюсе, и моим начальником был бывший майор. Отношения у нас с ним были отличнейшие, выпивали вместе, по субботам на рыбалку ездили. А когда я разрешение на выезд получил, он мне сказал: "Яша, не езжай". Я спрашиваю, почему. А он говорит: "Пока Союз заинтересован, чтоб там не было тихо, там тихо не будет". Думаю, он был очень прав, этот майор.

Виктор Магдер, 32 года, родился в Вильнюсе, в Израиле с 1973 года, инженер-электроник.

Конечно, когда пришла повестка, стало не по себе: война! А потом, когда пересекли границу, я себя чувствовал прямо-таки, как на экскурсии. Водитель — парень уже с опытом — нам объяснил: посмотрите сюда, слева — крепость Бофор, посмотрите туда, справа — Мардж-Аюн, родная деревня майора Саада Хадада... Возле каждого дома стоял танк, как личная автомашина. Водитель показал нам и дом самого Хадада. Так он и продолжал комментировать всю дорогу.

Я попал на Восточный фронт, и первые три дня находился возле озера Карун. Слышали выстрелы, взрывы, видели пожары от снарядов. Сам я не стрелял, в глаза не видел ни одного террориста, но чувствовал себя беспокойно, напряженно. Не знаешь, что тебя ждет в следующую минуту. Ходил осторожно, смотрел под ноги, чтобы не наступить на мину. По тревоге одевал вместе со всеми защитный жилет и занимал свою позицию.

Карун, собственно, не озеро, а искусственное водохранилище. Реку Литани перегораживает большая

плотина. В самом озере нам запрещали купаться, даже подходить близко и то не разрешалось. Мы пытались ловить рыбу, так командир роты говорит: не ловите — рыба отравлена. Местные говорили, что в озере лежит сбитый сирийский самолет с летчиком.

Возле Каруна мы спали прямо на песке. Тревожно было, хотя мы знали, что в километре от нас держат линию парашютисты. Был у нас один парень, который вообще не спал: всю ночь автомат из рук не выпускал, боялся закрыть глаза. И только уже на рассвете говорил, что идет спать, так его до десяти часов никто и не трогал. Примерно через полторы недели он не выдержал, нервы сдали. Мы даже просили командира роты, чтобы его отпустили домой. С ним, конечно, было тяжело. Очень нервный тип. Как только объявляли учебную тревогу, он первым бежал прятаться. Все старался подальше, поглубже спрятаться.

А я спал хорошо, бессоницей не страдал, я вообще сплю крепко. Я наверно, из таких, которых в самом деле пушками надо будить.

С Восточного фронта нас перебросили на Западный, к Бейруту. По дороге мы проезжали через районы, населенные и христианами, и друзьями, и мусульманами. Поскольку я слежу за новостями и помню разных ливанских деятелей, то я по портретам на стенах старался угадать, где мы едем. Если, например, висели портреты Джумбалата, я знал, что здесь — друзья. Если видел Башира Джмайеля, знал, что — христиане, фалангисты. Они, конечно, реагировали на нас по-разному. Друзья — очень настороженно: отворачивались, отходили в сторону, когда видели нас, а дети... дети везде махали руками. Мусульманы нам тоже не очень-то радовались. А христиане подносили нам кофе, угощали сигаретами, давали холодной воды. Я — человек любознательный и все время старался найти контакт с ливанцами. Спрашивал, знает ли кто-нибудь английский, и если кто-то знал хоть несколько слов, я сразу же старался

выяснить, как они относятся к Израилю, что думают о сирийцах, палестинцах. Если по-английски никто не говорил, я искал среди наших ребят тех, кто знает арабский или французский. В основном ливанцы говорили, что рады видеть такую силу, которая может помочь восстановить Ливан, и что Израиль пришел освобождать их от палестинцев и сирийцев. Это не просто слова, чувствовалось, что так и есть на самом деле. А про себя я скажу, что внутренне был заранее готов к тому, что нам придется войти в Ливан, никто другой там порядок навести не может. Я вообще сторонник крайних мер, и войти в Ливан — на самом деле мера крайняя, но нам необходимо установить там сильную власть, и убрать оттуда террористов подальше.

Мы обосновались в предместье Бейрута. Первый день сидели на горе, с которой виден весь Бейрут. Вдали — залив, а над городом все время стоит дым от бомбежки. Самолеты заходят волнами, группами. Как будто местность прочесывают, по квадратам. Один квадрат горит — другая группа самолетов заходит на соседний квадрат. Артиллерийская часть, к которой я относился, помогала авиации: обстреливала те районы, которые не бомбили с воздуха. Наши старались попасть только в те здания, где, по сведениям разведки, засели террористы.

В самом Бейруте я был как раз в то время, когда только что прекратилась бомбежка. Меня послали проверить несколько приборов в одном из наших полков. Ребята сказали, что там нужно ходить очень осторожно: под ногами могут оказаться неразорвавшиеся снаряды от "катюши". Шел, как по минному полю — след в след за своим сопровождающим.

Был я в районе аэропорта, видел взлетно-посадочную полосу. На ней еще стояли самолеты, а вокруг окопались террористы, которые периодически вели по нам огонь. Поэтому, когда я попросил разрешения сфотографировать город, мне посоветовали особенно долго на виду не маячить и зря не высовываться. Сов-

сем рядом ребята показали место, где накануне снарядом из "базуки" убило троих наших солдат. Прямое попадание в бронетранспортер.

Из Бейрута я ездил в несколько других точек, в том числе в деревню Мансура. Нас послали помочь тамошним техникам разобраться с поломкой. По дороге нам попала настоящая демонстрация. Мы просто не могли проехать, пока демонстранты не прошли. Я попросил тех, кто знал арабский, перевести, что было написано на плакатах. Мне перевели: "Не трогайте наши семьи!", "Оставьте нас в покое!" Демонстрация друзей против христиан.

Дорога проходит в горах, и на подъеме — чудесный вид на Бейрут. Внизу было жарко, а когда мы поднялись, то буквально начали дрожать от холода. Пейзаж, как в Швейцарии. Густые леса. Кедр. Я в прошлом году был в Швейцарии, так я могу сравнить. Проезжали мы через разные города — Алей, Бахамдун и другие, где население смешанное. Несколько кварталов христианских, несколько — друзских, несколько — мусульманских. По плакатам на домах было видно, кто где.

Приехали мы в Мансуру и работали до вечера. А потом ребята позвали меня в один из христианских домов. Сказали, что там семья очень приветливая, хорошо относится к нашим солдатам, приглашает на чашку кофе. Действительно, нам все время улыбались, приносили пирожные. Глава семьи работник почты. Я как раз собираю марки, так я попросил у него несколько ливанских марок. Он рассказал, что его почта находится на территории, еще занятой сирийцами. Поэтому он пока не работает, ждет того момента, когда израильская армия продвинется дальше. Рассказывал, что две взрослые дочери при сирийцах боялись выходить на улицу, а сейчас они могут свободно гулять. Первое время ливанцы вели себя настороженно, но потом привыкли к нам. Я сам видел и ребята мне рассказывали, что каждое утро к ним прибегают дети и приносят солдатам подносы с кофе. Про-

сто из чувства добрососедства. Это — чисто христианская деревня. Дети говорили, что им нравятся израильские солдаты, их форма. Я спросил через переводчика одного из мальчиков лет шести-семи, кого бы он хотел видеть президентом Ливана. Он не знал, что ответить, и я начал называть ему фамилии — Джумбалат, Джмайель... Он все говорил "нет", "нет", тогда я спросил: "Кого же ты хочешь?". И он сказал: "Арик Шарон". Мы все покатались со смеху, у него это вышло так естественно: "Арик Шарон, р а и с"*.

Наутро мы выехали из Мансуры. Едем-едем, смотрю, не видно ни наших солдат, ни наших машин. Остановились. Может, мы заблудились, говорю. Вернулись на несколько сот метров назад и увидели маленькую табличку на иврите "Израильским солдатам проезд воспрещен!" Оказалось, мы чуть не выехали на сирийские позиции. Счастье, что вернулись, потому что за день до этого наши солдаты точно так и попали в плен к сирийцам. На обратном пути мы видели роскошные виллы, которые заняли наши солдаты, и шутили, что им живется лучше, чем нам. Потом мы проезжали через дружскую деревню, а там как раз был базарный день. Вокруг такое скопление народа и машин, что мы еле двигались. Впереди и сзади — только ливанские машины, ни одной израильской. И, когда образовалась пробка, стало не по себе: если тут есть террористы, нам крышка.

Недавно один парень-водитель из нашего полка — ехал в Бахамдун. Вдруг выскочили четыре "Вольво", два — спереди, два — сзади, загородили дорогу и открыли по нашим огонь. Этого парня убили на месте, второго тяжело ранили, и только третий, офицер, успел убежать. Он и рассказал, что случилось. Убитого я знал еще до войны, мы жили недалеко друг от друга, я — в Кирьят-Оно, а он — в Ор-Иехуда. Ребята рассказывали, что он как раз боялся этой войны больше,

* Раис (араб.) — президент.

чем другие. Страшно боялся погибнуть. И вот как раз он и погиб. В общем, судьба.

Его машину привезли обратно на прицепе: два колеса полностью пробиты, сзади по всему корпусу следы пуль, ветровое стекло — вдребезги и кровь... все переднее сиденье залито кровью, даже остатки волос прилипли. Всем нам было, прямо скажем, паршиво. Просили увольнительные, до того погано нам было. Все это я сразу вспомнил, когда мы заехали на базар и оказались как бы в ловушке. Я знаком показал задней машине, чтобы она отъехала, наш водитель беспрерывно гудел, и мы задним ходом отползли в боковую улицу. Только мы отъехали, слышу — сзади выстрелы и взрыв. Вполне может быть, что кто-то по нам стрелял. Это был друзский район, а друзья относятся к нам не самым лучшим образом — по лицам видно.

При каждой возможности я старался звонить домой, успокаивал жену, говорил, что у нас все в порядке. А она слышала в телефонной трубке взрывы, выстрелы и спрашивала, что же это такое. Я говорил, что все нормально — ребята упражняются.

Один раз, ночью, в штабе полка, смотрим — в нашу сторону трассирующие пули летят. Сразу тревога, паника, кто стреляет? Террористов рядом с нами вроде нет. Оказалось — учения парашютистов, которые не знали, что мы находимся в этом районе. Мы все спрятались. Стреляли довольно близко, в нескольких десятках метров — жуть! Полчаса стреляли. Может, гораздо меньше. Но тогда казалось, что гораздо больше. Когда я вернулся с войны, на работе я встретил одного парня из тех парашютистов, которые в нас стреляли.

Но вообще я доволен. Можно сказать, даже чувствую гордость, что на этот раз сам участвовал в войне. Мне всегда казалось, что все важные события проходят мимо. А теперь вот довелось самому делать историю.

Я попал на войну в первый же день. За несколько месяцев до этого мы уже знали, что что-то назревает — не знали только, когда. И вот, в ту субботу нас взяли, посадили на корабль и отправили в Ливан. Прибыли мы в Сидон, высадились на берег и сразу увидели пожары, развалины. Бомбежка кораблей. Грохот, взрывы, гарь... Тут тебе не кино!

Не успели мы высадиться, как рядом упали два снаряда. Просто чудо, что никого не убило. А остальные снаряды падали довольно далеко. Горели две подбитые машины террористов. На каждой из них стоял пулемет, а рядом с ним — лежали трупы. Зрелище не из приятных, но что делать? Война! Или они — нас, или мы — их.

Высадились, значит, мы на берег, построились в колонну и двинулись за танком. Наши морские десантники уже заняли Сидон, и мы продвигались к Загарани. Шли через деревни. По дороге все было нормально. И только когда мы уже подходили к селению, нас обстреляли "катюши". Но обошлось без жертв. Снаряды ложились далеко, то перелет,

то недолет. Но все-таки, когда знаешь, что целятся в тебя, единственное, чего хочется — залезть в какую-нибудь дыру и отсидеться там.

Под утро мы вошли в Загарани и приготовились к обороне. Нас начали обстреливать из соседних домов. Мы тоже открыли огонь. Мы засекли два дома, из которых стреляли. Террористы выпускают очередь из окна и тут же — к другому окну. Поэтому справиться с ними мог фактически только танк. Взрывает весь дом — и конец.

Те, кто в меня стрелял — они для меня вообще были не люди. У меня лично даже был какой-то азарт. Как будто... азарт охотника. Но до террористов было далеко, метров триста — четыреста, так что я, наверно, ни в кого не попал.

Война — это очень страшная вещь. Как вспомнишь обстрел... Никогда не знаешь, где упадет снаряд. Даже, если спрятался и уверен, что спрятался надежно, в глубине души есть какое-то чувство — а вдруг он все-таки упадет на тебя. Подумать страшно, что тебя хотят убить. Лично у меня этот страх появился после того, как меня контузило.

Мы сидели на бронетранспортерах и ждали, когда двинемся дальше. В это время начался воздушный бой между нашими и сирийскими самолетами. И нас буквально забросали бомбами. Несколько бомб они сбросили довольно далеко от нашей колонны. А две бомбы упали прямо посреди колонны и одна из них — рядом с нашим бронетранспортером.

Когда взорвалась бомба, я сидел наверху и взрывная волна ударила меня в ухо. Порвалась барабанная перепонка, немного обгорело лицо. Я упал внутрь бронетранспортера. Он загорелся, все стали выбираться наружу, я тоже вылез, глаза у меня наполнились дымом, и я плохо видел.

Я был в сознании и все помню. Я видел тех, кто горел... У нашего бронетранспортера от взрыва отвалилась задняя стенка, и два человека сразу загорелись. Тогда ребята схватили канистры с водой и стали

их тушить. Как раз в тот момент в бронетранспортере начали взрываться боеприпасы. В нашем экипаже погибло двое: один сгорел, а второго убило осколком. Еще двое получили серьезные ожоги, и пятерых ранило: одного — осколком в ухо, второго — в ладонь... в общем, можно сказать, что эти отделались довольно легко. В соседнем бронетранспортере только один из командиров был легко ранен осколками в ногу.

Первую помощь нам оказали прямо на месте, в течение 10 минут, в палатке, где были два врача и несколько санитаров. У них было все что нужно, и даже, я думаю, можно было сделать небольшую операцию, вытащить, например, какой-нибудь осколок. Потом врачи уже были готовы и для более серьезных операций. Рядом с госпиталем была посадочная площадка для вертолетов, и нас вертолетом перевозили в Хайфу. Одного из убитых похоронили на третий день после бомбежки, а второго — через десять дней. Его просто не могли опознать.

Я был на войне с воскресенья до четверга, получается всего четыре дня. Четыре дня боев.

Ночью мы занимали оборону. Спали часа по два, по три, остальное время дежурили. И это понятно: террористы — даже те, которые отходят, ночью иногда возвращаются и могут ударить сзади. На нас, правда, не нападали, я об этом только слышал.

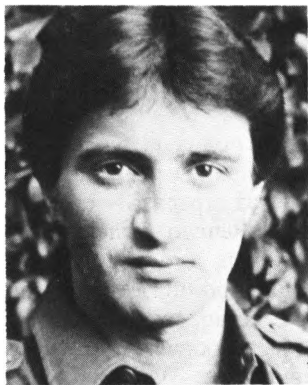
Был приказ стрелять только по тем, кто стреляет в нас. Но мы стреляли и тогда, когда замечали что-нибудь подозрительное, скажем, в домах или в кустах. И сразу либо танк, либо мы — кто первый успевал заметить — открывали огонь. Зависело еще, конечно, и от того, где идешь. Там, где мы проходили, было довольно много мирных жителей, которые остались в своих домах. Но попадались и пустые дома, обложенные мешками с песком, да еще и пулеметы торчат. Если там кого-то замечали, то уж не ходили выяснять, кто зашел в дом, мирный житель или террорист — стреляли без всяких.

Когда мы проходили через деревни, жители ма-

хали белыми лоскутками, посыпали нас рисом. Я не знаю, может, они нас так встречали, потому что боялись. А может, они и в самом деле были нам рады. Трудно сказать. Когда мирный житель видит, как на него идут люди с оружием, он, хочет-не хочет, начинает делать вид, что рад. Это — своего рода самооборона.

А я хотел, чтобы там было как можно меньше людей — неважно, террористов или мирных жителей, потому что я вообще не хочу ни стрелять, ни убивать. Конечно, если уж приходится, то делать нечего. А вообще-то, когда бой кончается, радуешься прежде всего, что ты остался в живых.

С кем мы сражались? С арабами. Для меня между ними нет никакой разницы. Я их никак не разделяю. Араб — это враг. Террорист он или нет — мне все равно. Я считаю, что нужно как-то с ними разобраться. Что-то сделать. Показать им, что Израиль способен устроить им такую встряску, что они, наконец, почувствуют, где их место. Для меня, как я уже сказал, любой араб — враг. И те, которые живут в Иудее, Самарии, Газе, — тоже. Взрывы, жертвы среди мирного населения — все это от них. Даже, если они какое-то время ведут себя тихо, все равно знаешь, что после этой тишины они опять себя покажут. Поэтому должно быть найдено какое-то решение. Военное? Не знаю, если нужно, то военное.

Давид Хубелашвили, 20 лет, родился в Сухуми, в Израиле с 1972 года, выпускник средней школы.

В артиллерию я попал перед самой войной. До этого я занимался в школе подводников, но там надо было оставаться на сверхсрочную службу, а я не хотел. Пошел в артиллерию. Прямо за день до войны взяли меня наводчиком, и командир батареи стал меня обучать, как наводить пушку. Я, когда ее первый раз увидел, решил, что это танк.

Обстрел Бофора мы начали еще с нашей израильской базы. Потом двинулись к границе. Перед нами шли саперы и очищали дорогу от мин. Все — в бронежилетах, противоосколочных очках. Стрельбу мы вели все время. Это же не на учениях: постреляли и хватит.

Мы обстреливали Бофор с земли, а самолеты бомбили его с воздуха. Тогда я впервые увидел, как падает подбитый самолет. Наш самолет подбили рядом с Бофором. Вдруг вижу — он падает. Жуткое чувство. Стоишь как дурак и смотришь, а помочь не можешь. Я смотрел, как он падал, и только молился. Очень переживали наши ребята, но что делать? Остается слушать, что по радио скажут.

В самую крепость Бофор я попал уже после того, как ее взяли. Вот это крепость! Она в скале, и из нее вести огонь — никакая пушка тебя не достанет. Гигантская крепость. В жизни такой не видел. За много веков Бофор первый раз был взят. Много наших ребят погибло, когда его брали. Одного из них я знал. Разведчик.

В первый день я еще не до конца почувствовал, что это — война. Делал, что приказывали. Прикажут наводить — наводил, прикажут стрелять — стрелял. Даже опасности не чувствовал. Велено было остерегаться мин, а я толком не знал, что такое мина. Я ведь пришел из школы подводников, а попал совсем в другие войска. Потом, конечно, стал привыкать.

Дороги в Ливане — сплошные пропасти! Я, конечно, и не такое на Кавказе видел, но тут ведь едешь на машине весом в 30 тонн и шириной метра четыре. А дорожка узкая. Справа — гора, слева — пропасть.

После Бофора мы продвигались через Тир и Сидон. Как там все разрушено! Удовольствие маленькое — стоять среди развалин. Враг — врагом, но разрушать всю страну из-за того, что он в ней обосновался, тоже не дело. Да и враг-то — тоже человек. У него тоже есть мать с отцом, жена, дети. Конечно, если поставить его детей против наших, я буду думать не о его детях, а о наших. Я о них там все время и думал. Для того и воевал, чтобы их от террористов защитить.

Вначале мы стреляли с расстояния в 18 километров, потом — 10 километров. А потом — прямой наводкой, как танк. Я тогда просто поразился тому, что может сделать снаряд. Дают команду "Такой-то дом, второй этаж, огонь!" — и ты прямо снимаешь весь этаж. Но прежде, чем подумать о разрушении, удивляешься, какая это сила. Загоняешь в ствол снаряд длиной 70-80 сантиметров, "Огонь!". И сразу видишь, как дом разваливается. Медленно-медленно, как в кино при замедленной съемке. Когда самолет сбрасывает бомбу, дом рушится сразу, а от снаряда он, как бы это сказать, распадается, как карточный

домик. От этого остается какое-то странное чувство.

Террористов я первый раз увидел около Бахамдуна. Их привезли на грузовике. Потом мы сами возили пленных на место сбора, и одного из них пришлось посадить на нашу самоходку. Я с ним оказался лицом к лицу. Через несколько дней захватили еще двух пленных. Один — террорист, одетый под крестьянина, а другой — сирийский офицер. Мы у него удостоверение нашли. Как они себя вели! Один валит на другого, предает, обвиняет. Террорист нам кричит: "Да я вам не враг!", и бац сирийца прямо кулаком по лицу. Вот до чего людей страх доводит. Мне их хотелось прямо тут же пристрелить обоих. Вот тогда-то мне и стало ясно, с кем я воюю. А случилось и так, что входили в село, все нам руки жимали, желали победы, а потом мы начинали обыск и находили сирийскую форму и оружие. Вот — друзья, и они же тебе в спину пулю пускают.

Видел там первый раз убитых. То есть, издали я их видел еще в первые дни около Тира. Их оттуда целыми грузовиками вывозили. Завернуты в одеяла, уложены рядами один на другом, доверху. А в Алей совсем близко их видел. Одного даже сфотографировал. Вот, посмотрите; сирийский "коммандо" под кустом лежит. Я вообще люблю фотографировать, а тут подумал, родителям покажу, друзьям. Конечно, важно, кто этот убитый — наш или не наш. Если наш, душа болит. Даже, если ты его не знаешь. Ужасно жалко. Сначала, конечно, когда видишь любого убитого, тебе прямо плохо делается. А потом привыкаешь. Мертвый, ну и что? Совсем другое дело, когда узнаешь, что твой товарищ погиб.

У меня лично товарищ погиб. Мы с ним в Союзе четыре года вместе в школе сидели, а здесь в одном полку служили. В него из "ар-пи-джи" — и наповал. Мне по рации передали. У меня был буквально шок. Меня отпустили домой, чтобы я пошел на похороны. А я не успел добраться на попутных. Опоздал.

Потом еще один товарищ погиб, и еще один. Шок

этот не проходит — он остается в тебе. За себя я тоже боялся, ведь я — только человек. Но все же всегда есть такое чувство, что может, обойдется.

Наверно, я внутренне изменился. Стал равнодушнее. Стал меньше думать о людях. Гибель друзей делает тебя более черствым. После всего, что видел, нельзя остаться таким, как прежде. Ты должен уйти от этого, чтобы продолжать жить. Поэтому внутри что-то происходит, меняется. Отношение к людям, к жизни. Вдруг смерть оказывается совсем близко, ты ее видишь, чувствуешь. Раньше я никогда не знал, что такое смерть. Ни разу в жизни не был на кладбище: не мог даже смотреть на покойника. Когда был маленьким, убегал, если были похороны. А тут вот она — смерть, рядом с тобой.

На учениях я, конечно, стрелял только по мишеням. По картону. А тут по людям. Видишь, как пуля входит в тело и из него течет кровь. Это тоже надо как-то переварить. Пускаешь снаряд и знаешь, что он убьет человека. Тебе сообщают: попал туда-то, сейчас стреляем по другой цели, разрушили один дом, сейчас наводим на другой, и ты стреляешь, стреляешь... Много раз приходилось стрелять через головы своих, расчищать дорогу нашим силам. Расчистил — и наши продвигаются на двести метров. И ты, как наводчик, знаешь, что если ты хоть чуть-чуть ошибешься, то в кого попадешь? В тех кто впереди. То есть, в своих же. Были такие случаи.

Вначале мне даже хотелось воевать. Но потом я стал думать: цели своей мы уже добились, сорок или сколько там километров очистили, чего же мы продвигаемся дальше? Мы слишком далеко зашли в чужую страну. Хотя мы и знали, что защищаем наших, с другой стороны, многим людям в Ливане мы мешаем. Я не только думал об этом, но и говорил с товарищами. Мы много спорили. Если мы сейчас из Ливана уйдем, то туда снова вернутся террористы. Получается, что мы ничего не добились. Все, за что сражались, за что товарищи погибли — все даром.

По-моему, мы должны были отступить после того, как захватили Бейрут и террористы оттуда ушли. Нельзя нам больше там оставаться. Но, с другой стороны, мне кажется, мы должны защищать не только наши поселения, но и Ливан, а кроме нас Ливан защищать некому. Ливанская армия — слабая. Если бы она была сильной, я бы оттуда ушел со спокойной душой. А сейчас и хотел бы уйти, да нельзя.

Красивая страна. Горы, леса, виды замечательные. А знаете, в Южном Ливане совсем птиц нет. Фалангисты их всех перестреляли. Они же все — охотники и все — чокнутые. Все хотят свои "калашниковы" на наши М-16 менять. Мы им говорим: вы, что, "калашников" же лучше, а они говорят, с М-16 на птиц лучше охотиться, прицел точнее. Просыпаясь утром, и чего-то не хватает, как будто в купаты перец забыли положить. Чирикания нет. Ни одной птицы не осталось. Со мной был друг из Общества охраны природы. Мы с ним лазили повсюду, где только можно было, цветы смотрели. И все никак не могли понять, чего же не хватает. Потом только сообразили: ни одна птица над нами не летает.

Михаил Герцман, 36 лет, родился в Черновцах, в Израиле с 1969 года, радиожурналист.

Я был прикреплен к дивизии десантников в качестве радиста бронетранспортера. Войну я начал на четвертый день в небольшом селении недалеко от Рашадие. Наша дивизия шла во втором эшелоне, а в первом — танки. Прочесывали местность, искали террористов. Если они не сдавались сами, мы должны были их уничтожать.

Эту войну мне даже трудно называть войной. Потому что перед нами не было регулярной армии. Был противник, а его опознавательный признак — автомат. Или граната. Никакого фронта, по крайней мере, на нашем, западном направлении. На этой войне противника сначала слышишь, а потом видишь. И чаще всего видишь, когда он уже попал в плен, обезоружен или мертв.

Непосредственно с террористами мы столкнулись, когда заняли район, но там еще находились их разрозненные группы, которые скрывались в лесах и в горах.

Перед нами шел бронетранспортер командира дивизии и еще пара машин. По нашей колонне откры-

ли огонь из легких пулеметов и автоматов. Террористов было человек пять — шесть.

Мы сразу остановились и повыскакивали из бронетранспортера: оставаться в нем не безопасно, это не танк, у него брони нет. Выскочил я, значит, и ничего не увидел. Только услышал выстрелы, но даже не сразу понял, откуда стреляют.

Первое, что мелькнуло в голове — куда прятаться? Инстинкт сработал. Когда в тебя летят пули, начинаешь чувствовать страх. Начинаешь бояться за себя, за товарищей. Но чувствуешь, что только ты сам можешь себя спасти, никто другой не поможет. Потом этот страх притупляется. И реакция наступает тоже потом. А вот в ту минуту, хоть и страшно, но ты как-то собран, в тебе поднимается злоба против тех, кто в тебя стреляет, и хочется их убить. Я стрелял по живым людям, но для меня они были только мишенью. В ту минуту я не думал, что они — живые люди. Куклы — и все. Куклы, которые хотят меня убить. Которые хотят, чтобы меня больше не было. Вот у меня и было только одно желание: заставить их замолчать. Навсегда. Думаю, в одного я все-таки попал. Точно сказать не могу, потому что мы вели огонь не прицельный, а рассеянный, и на моем участке, очень узеньком, оказалось двое убитых террористов. Вероятно, одного из них убил я. Рад ли я тому, что убил его? Я об этом не думал. Я радовался тому, что сам остался жив.

Видел я пленных. Многих мы сами брали в плен. Они сдавались. Нам было приказано не стрелять, если человек бросает оружие. Я совру, если скажу, что у меня не было желания нарушить этот приказ. Террористов, с которыми мне пришлось столкнуться, я бы разделил на две группы: взрослые и дети. Со взрослыми мне все было ясно: передо мной стоит человек, который может и должен отвечать за свои поступки. С детьми совсем другое дело.

Мы на них случайно набрели. Это были дети десяти, одиннадцати лет, одному, кажется, двенадцать. Всего

их там было не больше восьми. У них были автоматы, "калашниковы", гранаты, и даже гранатомет. Они испугались и сдались. Но не так, как сдаются взрослые, которые обычно бросают оружие и поднимают руки вверх. Увидев нас, они просто сгруппировались в одну кучу и не двигались с места. Стояли молча и испуганно смотрели на нас. Но ребенок, у которого в руках автомат, сколько бы ему лет ни было, это уже совсем не тот ребенок, у которого в руках ничего нет. И что интересно. Как только мы их разоружили, тут же они стали снова похожи на обычных детей, а у нас сразу прошла вся злость. Стояли перед нами просто дети, без оружия, вот-вот заплачут. Правда, такие же дети стреляли в наших ребят из-за угла, сзади, сверху — отовсюду. Вот теперь они и расплачиваются за идеологию взрослых. Взрослые убегают, прячутся. В детях этого расчета нет. Но как всякие дети боятся темноты и лешего, так и эти испугались, когда поняли, что это не игра в войну, а настоящая война, на которой можно погибнуть.

Я знал, что палестинские террористы вербуют детей, воспитывают из них новую смену для своей организации. Читал об этом. Дети пополняют ООП, начиная с девяти- и десятилетнего возраста. Мне рассказывали, что один наш парень, у которого такой вот малолетний террорист ранил друга, погнался за ним по улице, и поймал его. Этот малолетка бросил автомат, когда убегал. Парень догнал его, повернул к себе лицом и... ничего не смог ему сделать. Даже не ударил. Не смог ударить, потому что увидел перед собой страшно испуганного ребенка.

В нашем экипаже за первую неделю было трое раненых и один убитый. По-глупому погиб. Мы должны были обойти лагерь палестинских беженцев, и командир дивизии решил не делать большой крюк, а пройти прямо рядом с лагерем. И вот, несколько беспорядочных выстрелов — и парня нет.

Случалось ли мне радоваться? Да. Один раз радовался тому, что удалось позвонить домой. Другой

раз — когда услышал и прочитал в газетах, что вся страна нас поддерживает. За твоей спиной еще десятки, сотни тысяч людей, и точно знаешь, что это не просто один народ, это как будто один человек, в котором четыре миллиона сердец.

Сталкивались мы и с гражданским населением. Да, принимали нас хорошо. Мне только одно в них не понравилось: они хотят, чтобы израильская армия сделала за них то, что они должны сделать сами. А в общем это — приятные, симпатичные люди. Особенно христиане. Видели мы и Хадада, и фалангистов, но о политике с ними не говорили. У нас были на то особые приказы. Приказы в армии не обсуждаются, хотя, как это ни странно, среди резервистов они как раз иногда обсуждались. В моем бронетранспортере был командир дивизионной разведки, и я с ним горячо спорил о том или ином приказе. В конце концов я говорил: "Йоси, я знаю, что мне придется его выполнить, но это — дубовый приказ!" А он мне: "Может быть. Но армия есть армия!" Не думаю, чтобы в какой-либо другой армии можно было обсуждать приказы, тем более, чтобы рядовой спорил с майором. А где вы еще найдете командира, который бы жарил яичницу своим солдатам? Где еще есть армия, которая так либерально относится к своему противнику и к местному населению? Что я думаю о пленных? Не знаю, но мне кажется, что брать столько пленных — это просто обуза. Что мы будем с ними делать? Строить для них новые тюрьмы в Израиле?

Видел я в Сидоне бункеры, где террористы устроили свои склады оружия. Этого оружия хватило бы, наверно, на миллионную армию. Я считаю, что всех пацифистов надо привозить туда и показывать им эти склады, которые были предназначены для уничтожения Израиля. Хотел бы я посмотреть, останутся ли они и тогда пацифистами. Не думаю.

Приходишь в такой склад — обычно это потайное место, то есть хорошо замаскированное — и видишь невероятное количество оружия, смазанного, упаков-

ванного в ящики, из различных стран мира, в том числе — из Союза. По-русски написано: "Осторожно — мины!", "Патроны такого-то калибра...". И ты знаешь, что все это оружие было приготовлено, чтобы убивать израильтян. Тогда начинаешь понимать, что все жертвы, которые были и еще будут, не напрасны.

Я видел раненых, видел убитых. В общем, когда идешь на войну, ясно, что будут и раненые, и убитые. Но стараешься уговорить себя, что ты менее уязвим, чем остальные. Я не собирался молиться. Да я и не умею. Но... когда начиналась настоящая боевая операция, то в последнюю минуту перед тем, как я начинал стрелять, мелькала мысль: "Дай Бог, чтобы пронесло!" Не знаю, может, в эту минуту я думал только о себе, а может, и обо всех. Дай Бог, чтобы все закончилось хорошо! Где-то подсознательно, наверно, в каждом из нас есть вера. В Бога или в какие-то высшие силы. В гражданской жизни этого даже не замечаешь, потому что там ты в основном полагаешься на самого себя, и нет необходимости обращаться... я даже не знаю, как это определить — скажем, к помощи извне, свыше.

Интересная штука происходит и с отношением к оружию. Мы его все время чистили, драили. Руки были постоянно в ружейном масле. На армейских сборах мы всегда воспринимали приказ чистить оружие как наказание. А тут каждый из нас знал, что мы можем остаться в живых только с помощью этого оружия. И чистили его будь здоров, без указаний и проверок.

Ночью каждый дежурил по часу. Круговое патрулирование. Страшно... Ходишь в темноте, прислушиваешься к каждому звуку и не знаешь, откуда может начаться стрельба. Ходил, думал о семье, о ребятах на работе. Хотелось домой. Ты, конечно, находишься среди своих, но все-таки не в своей среде. Конечно, не так уж трудно смириться с тем, что какое-то время приходится жить в таких условиях. Я провел

на войне в общей сложности 13 дней. Мне правда, показалось, что 13 лет.

Когда я вернулся в Израиль, я был даже разочарован. Внешне вообще не видно, что идет война. До нас доходили слухи, что много резервистов мобилизовано, а я смотрю — на улице полно мужчин, ездят на машинах, ходят на работу, в кино. Это было неприятно, а с другой стороны, я чувствовал какое-то превосходство: их не взяли, они не нужны, а во мне нуждаются. Правда, когда начинаешь говорить с этими людьми, понимаешь, что они за тебя переживают, думают о том, что происходит на фронте, слушают радио, только об этом и говорят между собой.

Жена и дети, конечно, очень обрадовались, что я вернулся. Я им ничего не рассказывал. Особенно, детям. Почему? Потому что боюсь, что мои дети будут относиться к арабам, как к своим врагам. Я этого не хочу. Не хочу, чтобы мои дети ненавидели арабов только потому, что они — арабы. А жене... мне через месяц надо вернуться, снова в Ливан. Зачем ее пугать?

Я хочу верить, что вся эта история — конфликт Израиля с его соседями — закончится до того, как мой старший сын пойдет в армию. После Войны Судного дня у нас стало на одного противника меньше. Я надеюсь, что после этой войны их станет меньше на два.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Прошло два года. Наш батальон снова пересек государственную границу Израиля по дороге на Восточный фронт. На этот раз вместо автобусов были "сафари", открытые грузовики с бронированным щитом за водительской кабиной и двумя рядами скамеек, рассчитанных на двадцать солдат, по десять на каждой стороне, спиной друг к другу. Каски, бронежилеты и выставленные наружу заряженные автоматы.

"Сафари" появились после неоднократных нападений террористов на беззащитные автобусы и теперь катят по ливанским дорогам, ошестинившись двадцатью стволами. Говорят, что человек, придумавший для грузовиков такое название, имел в виду охотников, разъезжающих по Африке в поисках дичи. Но получилось наоборот: "дичь" сидит в грузовиках, а "охотники" прячутся за всевозможными укрытиями. Отвратительно и страшно чувствовать себя мишенью.

За два года многое изменилось. Умер от рака майор Саад Хадад — единственный верный союзник Израиля и наша надежда на буферную зону в Южном Ливане. Бывшая милиция Хадада называется теперь ЮЛА — Южноливанская армия, которую Израиль содержит за свой счет.

Мусульмане-шииты из союзников стали противниками.

В первый месяц войны я почти не видел даже террористов — сегодня мы держим линию фронта против регулярной пятидесятитысячной сирийской армии и рас-

матриваем друг друга в мощные бинокли. От некоторых наших точек до сирийцев буквально рукой подать — в окулярах возникают хмурые, злые лица с обязательными усами. Сирийцы окапываются, чистят оружие, возятся с танками и бронетранспортерами.

На дорогах нет больше одиночных израильских машин, как и одиночных дежурств на базах.

Два года назад все рвались в увольнительную — сегодня готовы сидеть безвылазно весь месяц: п е р е д в и ж е н и е по Ливану — самое опасное дело.

Выяснение израильско-сирийских отношений обретает на Восточном фронте свой конкретный смысл. То, что в тель-авивских квартирах читается в газетных колонках, пробегаемых глазами за утренним кофе, здесь — грозная реальность. Если начнется очередная заваруха, то именно в этом месте и в той же последовательности, что и два года назад: вначале — сирийские танки и самолеты, потом — наши истребители, а за ними — наши танки и пехота с обеих сторон.

Мы находимся у подножья гор Джабал Барук, поросших лесами и покрытых грозowymi облаками. Внизу — долина Бекаа, разбитая на квадраты пшеничных полей и виноградников, как школьная тетрадь в клетку. За долиной — полоса тумана над невидимой рекой Литани, и прямо напротив — горный хребет Джаб-Дженин, над которым в ясную погоду поблескивают антенны сирийских наблюдательных пунктов. Виден даже кусок знаменитого шоссе Бейрут — Дамаск: отсюда до Дамаска по прямой не больше двадцати километров. Справа наискосок белеет снежная шапка Хермона, поделенного на два сектора — израильский и сирийский. Так же разделена и та часть Ливана, где мы стоим: Джабал Барук с христианскими деревнями в предгорьях контролируется израильской армией, а напротив, через долину, сирийцы укрепились у Литани и хозяйничают среди тамошнего мусульманского населения.

На холме — особняк бывшего министра финансов

одного из ливанских правительств: просторный каменный дом с бассейном, служебными пристройками и флигелем для управляющего. Бывшему министру принадлежат те самые поля, на которые я смотрю во время дежурств, и ферма в долине — два низких, длинных здания под красной черепичной крышей, окруженных яблоневыми и миндальными садами. На ферме (которую местные жители называют "Даллас" из-за явного сходства с домом семейства Юинг в популярной американской телесерии) — десяток скаковых лошадей, самых что ни на есть подлинных арабских жеребцов дивной красоты и разных мастей, от белой до шоколадной. Милостью бывшего министра кормится и соседняя деревушка, жители которой работают на его полях и пасут его стада коров, коз и овец. В деревне есть несколько тракторов, и многие полевые работы механизированы. В отличие от скученных, грязных и безрадостных мазанок в мусульманской части, христианский Ливан выглядит вполне по-европейски: аккуратные дома с телеантеннами на плоских крышах, ухоженные приусадебные участки, на верандах — соломенные кресла, в садах — гамаки. В центре деревни возвышается светло-коричневая церковь с двумя колокольнями.

За долгие часы дежурств уже знаешь наперечет почти всех жителей и марки их машин.

Долина Бекаа, протянувшаяся чуть ли не на пятьдесят километров, щедра и плодородна. Здесь выращивают все что угодно, от пшеницы до гашиша. По утрам из-за хребта Джаб-Дженин выкатывается солнце и освещает всю эту божественную панораму, которую было бы хорошо разглядывать не из пулеметного дота, а с террасы ресторанчика "Chalet du lac" над соседним озером Карун.

Дежурства проходят тревожно и утомительно: по семь часов днем, и раз в два дня — по три часа ночью. К обычному снаряжению добавляется бронежилет, а по ночам — свитер, куртка с капюшоном, и сверху — "хермонит", меховой комбинезон на молниях. После прош-

логодних взрывов на израильской военной базе в Тире и на американской — в Бейруте, больше всего боятся заминированных автомашин с водителями-смертниками. Ночью приказано открывать огонь без предупреждения по любой машине, которая попытается приблизиться к лагерю и о которой заранее не сообщили по радиации. Днем надо вначале стрелять в воздух, но, если автомашина гражданская и едет подозрительно быстро, то и это необязательно. На мешках с песком стоит наготове бельгийский ручной пулемет с заряженной лентой. Остается только нажать предохранитель.

Днем относительно спокойно, а по ночам на всех постах стреляют: на любой шорох, на любой звук, по собственной тени. Как сказал замкомроты, запрещается стрелять только в направлении деревни: "Если кто-то бродит между домами, не стрелять — и м р а з р е ш е н о п е р е д в и г а т ь с я!". Один из часовых попал в лису, которая пыталась прошмыгнуть у самых ворот. Другой отстрелил хвост бродячей кошке, копавшейся в мусорной свалке.

После дежурства чищу автомат — это стало такой же обязательной процедурой, как и бритье. В душевых нет холодной воды: из-за сильных морозов зимой вся система водоснабжения была спланирована таким образом, чтобы туда поступала только горячая вода и трубы не обледенели бы и не полопались. В результате электрогенератор круглосуточно греет воду в трех больших цистернах, и все парни один, а то и два раза в день плещутся под горячим душем — удовольствие, которое не каждый может позволить себе даже дома.

За три дня до Песах начался дождь. Горы и долина затянуты угольно-черными облаками, под ногами все развезло — настоящее болото. Промозглый холод. Поверх формы многие надели безразмерные клеенчатые куртки и штаны, а на руки — специальные американские перчатки из искусственной кожи. Те, кто не дежурят и не патрулируют, попрятались в фанерные домики с печками, управляемыми соляжкой.

Из трубы валит дымок, внутри тепло, на печке сушатся носки. В соответствии с пасхальной традицией все хлебные изделия уничтожены и вокруг не прекращается хруст мацы. Хлюпают грязные ботинки, залепленные глиной. Лужи на полу. Резкий ветер и монотонный шум дождя. Написанный сорок лет назад роман Грэхема Грина "Суть дела" с его болотной тоской в Сьерра-Леоне до странности созвучен моему настроению в ливанском болоте (в прямом и переносном смысле).

По вечерам вытягивается очередь к связистам: с помощью передвижной телефонной станции они получают линию, и можно звонить домой. Первые дни было слышно плохо, потом стало получше. В соседний батальон резервистов приезжал специально приглашенный психолог, который читал лекцию о том, как не бояться. Узнав об этом, одна из жен сказала по телефону: "Это не вам, а нам нужны такие лекции".

Дождь.

Среди дежурств и лагерных будней единственный просвет — когда выезжаешь сопровождающим с водовозкой на наши точки. Перед выездом из лагеря заполняется специальный бланк — имя, фамилия и номер военного билета, чтобы не получилось, как после первого взрыва на израильской военной базе в Тире в 1982 году, когда даже не знали, кто из наших солдат находился в здании.

На точке мы с шофером отдыхаем, пока вода перетекает из водовозки в стационарные цистерны. В отличие от основной базы, где незадолго до нашего приезда сгорел солдатский клуб вместе с телевизором и всякими играми, на точке есть даже видеомагнитофон. Все, кто свободен от дежурств, проводят долгие часы в столовой, поглощая мацу, яблоки, апельсины, консервированные компоты и просматривая по несколько фильмов в день. Я попал на "Синюю бороду". Как утверждают психологи, в состоянии страха успокаивают именно фильмы ужасов. Итак, "Синяя борода" и

”Дракула” вместо брома! Пускали и порнографические, так называемые ”голубые” фильмы, видимо с той же целью, что и фильмы ужасов. Хотя, с другой стороны, ”голубые” фильмы должны вызвать у солдат скорее беспокойство, чем успокоение.

На придорожной часовенке красным мелком нарисован Маген-Давид и латинскими буквами написано ”джихад”, что значит ”священная мусульманская война против неверных”.

В большинстве домов, мимо которых мы проезжаем, закрыты двери и окна. Без дела никто из жителей не выходит, особенно женщины. Правда, на дорогах встречаются молодые женщины за рулем — еще одно напоминание о европейском облике христианского Ливана.

Кроме воды, по точкам развозят продовольствие (в основном, все те же консервы) и, в преддверии Песах — сладкое красное вино и наборы всех пасхальных лакомств, уложенные в большие картонные коробки, на которых стоит штамп Главного военного раввина.

На Седер вся наша рота собирается в тесной столовой за накрытыми столами. Мерцают свечи, и батальонный раввин читает Хаггаду. Дружный хор: ”Чем отличается эта ночь от всех других ночей?”. Для меня — тем, что в эту ночь я впервые не сижу вместе со своей семьей, а патрулирую вокруг столовой под шквальным ливнем с аргентинским евреем Леоном Комаровским. ”Усилим охрану на случай внезапного нападения” — сказал командир роты. После двухчасового патрулирования мы с Комаровским, промокшие и усталые, открываем картонную коробку с сухим пасхальным пайком и выуживаем пластмассовыми вилками консервированную ”гефилте фиш”, ставшую в Израиле одним из вещественных свидетельств взаимопонимания между ашкеназскими и сефардскими евреями. Хотя и бедной фаршированной рыбе крепко досталось, когда депутат Кнесета, выходец из Марокко Раанан Наим

сказал, что у него "рвотные позывы от одних слов "гефилте фиш".

Мы выскребаем банку дочиста и открываем виноградный сок. Многие уже сбежали с пасхального Седера и завалились на койки, курят и спорят о предстоящих парламентских выборах. Мало кто проникнут воспоминаниями об Исходе из Египта. Может, поэтому именно на Песах немало израильтян поехало путешествовать по... Египту. Что это? Национальное беспамятство или просто равнодушие к традициям?

Под дождь хорошо спится.

С утра меняется погода, и солнце мгновенно высушивает промокшую одежду. Чистим ботинки и оружие. От тихой долины тянет сытостью и покоем. Козы безмятежно щиплют сочную траву. На огороженном выгоне ранчо "Даллас" резвятся министерские лошади. Птичий щебет заглушает взрывы гранат высоко в горах. Из деревни выходит стадо овец, а за ними — две рыжие сторожевые собаки и пастух с черным зонтиком. Совсем мирное место, если бы не война.

Единственное "культурное" развлечение за много дней — приезд вокально-инструментальной группы: один поет и двое аккомпанируют на гитарах. Хорошо бы певицу, но женщин в Ливан не пускают. Певец громко топает ногами и во весь голос выкрикивает популярную песню "Я возвращаюсь домой". В оригинале, по-итальянски, она звучит гораздо лучше, но и в переводе на иврит стала национальным шлягером. Как на всех фронтах мира, в каждого солдата входят эти простые слова: "Я возвращаюсь домой, я возвращаюсь к тебе..."

По ночам в полевых прудах, наполненных дождевой водой, квакают лягушки. От койки к печке бесстрашно бежит маленькая мышь и тащит с собой кусочек мацы.

Все разговоры о политике ведутся в одном направлении: как выбраться из Ливана, кто (какое правительство) примет это решение? Редкий пример обще-

национального согласия. О справедливости и оправданности войны почти никто больше не говорит. В отношении "контролируемых территорий" общее мнение формулируется парафразом Пушкина: "Мир и территории — две вещи несовместные". Бывший яростный "бегинец" сказал вчера за ужином: "Если бы я был уверен, что Маарах не отдаст Хусейну Иудею и Самарию, я бы прямо сейчас голосовал только за него. Хватит с меня Бегина".

По окончании Синайской кампании 1956 года Бен-Гурион вместе с Моше Даяном осматривали сектор Газы. Бен-Гурион был в черном берете, и Даян спросил, зачем он его надел. "Чтобы твои арабы не увидели мою седину и не узнали меня", — ответил Бен-Гурион. "Теперь это — т в о и арабы", — сказал Даян, и Бен-Гурион содрогнулся. Полтора миллиона арабов Иудеи, Самарии и сектора Газы действительно стали н а ш и м д е л о м, о котором приходится ежедневно заботиться, не имея никакого представления о том, как быть с этой чужеродной массой. Тот же вопрос возникает теперь и в Ливане, где почти миллион маронитов, друзов и шиитов Южного и частично Центрального Ливана вошли в зону израильского контроля и, по выражению покойного Даяна, стали "нашими арабами". Два года назад я спрашивал себя, что мы делаем в Ливане? Теперь я спрашиваю себя, что Ливан делает с нами?

Солдатская жизнь в Ливане все больше напоминает провинциальную скуку римлян в Иудее и англичан в Индии. Две развалившиеся империи верили в силу оружия и в результате утратили силу духа. Впрочем, даже сила оружия иногда не столько укрепляет, сколько разлагает: местное население превращается в аборигенов, а их страна — в резервацию. В Ливане это самое местное население извлекает из создавшегося положения максимум выгод: оно прекрасно обходится без собственной власти и с готовностью подлаживается под чужую.

Во время поездки на одну из точек заметили в кус-

тах двоих с ружьями. Остановились, задержали. Двенадцатилетние подростки охотились на птиц. Как раз накануне я слушал передачу Би-би-си о том, что, по данным Международной комиссии по вопросам миграции птиц, за десять лет гражданской войны в Ливане 400 000 вооруженных людей уничтожили около 15 миллионов птиц, от жаворонков до аистов. Стреляли по ним из духовых и охотничьих ружей, автоматов и даже ручных пулеметов. Били своих, ливанских птиц и тех, которые прилетели на летние каникулы в эту несчастную страну. В Южном Ливане птиц давно нет, только в долине еще попадаются воробьи, ласточки и разгуливают аисты. Английский диктор подчеркнул, что свои данные Международная "птичья" комиссия получает от служащих в Ливане израильтян — любителей птиц. Имена миллионов убитых людей сохранились в архивных списках, педантично составленных теми, кто послал их на войну. А миллионы убитых птиц кто и как сосчитал?

В горах выпал снег. Снова идет непрерывный дождь с градом. Трудно поверить, что в Израиле началось лето. Вообще, чем дольше мы тут сидим, тем больше удаляемся от Израиля: если бы не маленький транзистор, изоляция была бы полной. Даже в разговорах вместо привычного "у нас в Израиле" уже говорят "т а м, в Израиле". Там, в Израиле, все эти два военных года, хорошо это или плохо, продолжается самая обычная жизнь. Из этой жизни уходят на армейские сборы (как ушел я) или на действительную службу, и в эту жизнь возвращаются в короткое увольнение.

Мы постоянно говорим об отступлении: газетные статьи, радио- и теледискуссии, запросы в Кнесете, демонстрации. А сирийцы сидят в Ливане как дома. Похоже, что Асад до сих пор не отказался от плана реконструкции Великой Сирии, в которую должны войти не только Ливан, но и Иордания, и часть (только часть?) Израиля.

Я думаю о том, как страшно попасть к сирийцам

в плен. К тем самым, что сидят в своих окопах вон там, меньше километра от наших позиций. Мои товарищи — выходцы из арабских стран — в один голос говорят, что сирийцы в самом деле — звери, и что египтяне и иорданцы совсем на них не похожи. Вот так и происходит знакомство с нашими арабскими соседями — только на войне. В Шестидневную войну наш батальон стоял против иорданцев, в Иом-Киппур в 1973 году — против египтян на Суэцком канале, а теперь вот рассматриваем в бинокль сирийцев. В 1973 году с египтянами не только перекрикивались и пели песни, но вместе варили кофе, просовывая кофейные чашечки через колючую проволоку. "Египетский народ — добрый", говорит плотник Шломо Наджаби, которого родители привезли из Ирана в годовалом возрасте. "А сирийцы — злой народ". Это простое суждение никем из присутствующих не оспаривается, как и то, что мир с арабами ближе к мечте, чем к реальности. Египет? Конечно, худой мир лучше доброй ссоры, но этот мир получился уж очень худым, а Синай нам обратно никак не вернуть. Не получилось мира и с Ливаном... Хотя чего ждать от страны, расстрелявшей собственную независимость?

Вечером в душевой батальонный врач распевает во весь голос "Я возвращаюсь домой". За шесть месяцев, прошедших после осенних сборов, он сильно изменился: отрастил огромную рыжую бороду, покрыл голову ермолкой и не расстается с молитвенником. Таких, как он, в Израиле называют "*хозрей б'тшува*" — "вернувшиеся в лоно иудаизма". Кроме него, в батальоне появилось еще несколько "вернувшихся" — определенная тенденция, о которой все чаще говорят в израильском обществе. Несколько месяцев назад в телепередаче выступали "вернувшиеся" дети вместе со своими "не-вернувшимися" или попросту неверующими родителями. Все говорили о терпимости, но за ней было мало человеческого тепла и много отчаянной горечи распавшихся семей.

У нашего повара Габи умер от рака старший брат: об этом только что сообщили по рации. Похороны завтра в два часа дня и, если он поедет на "сафари", то никак не успеет. Из дивизии обещали прислать дежурный вертолет, который стоит там наготове, как "Скорая помощь". Габи сидит в своей комнате и плачет — мы молча сидим вокруг, и кто-то неуклюже расспрашивает его о покойнике.

Короткая церемония в память Катастрофы европейского еврейства. Без всякого указания из полка наш комбат собрал всех солдат, выстроил в две шеренги, приказал приспустить флаг и зажечь огонь в старой каске, укрепленной на железных брусках. Огонь будет гореть 24 часа. "Катастрофа — сказала комбат — показала, что ни одному народу не было дела до евреев, которых убивали и сжигали, а у них не было ни своего государства, ни своей армии. У нас с вами есть и то, и другое".

Молодые танкисты из вспомогательной роты ужинают вместе с нами. Усталые, запыленные мальчишеские лица ветеранов Ливанской войны, рассуждающих о своей жизни и о своей стране:

— Родители с ума сходят, целыми вечерами у телефона сидят, от каждого звонка дергаются — вдруг со мной что случилось.

— А мне на все наплевать, только вечером выйти некуда. Сидишь в этом чертовом лагере, как в тюрьме. В тюрьме, наверно, и то лучше: спишь, ешь, артисты приезжают, каждую неделю новое кино крутят и ни о чем думать не надо.

— Тебе, дураку, только бы не думать. А вот думал бы больше, тогда бы понял, что Израилю без нас никак не продержаться. Поэтому мы тут и сидим. Из долины нам никак уходить нельзя. Мы уйдем — кто сюда придет? Террористы? Сирийцы? А так мы всю долину Бекаа под контролем держим.

— Демобилизуюсь — сразу за границу поеду. На год в Америку.

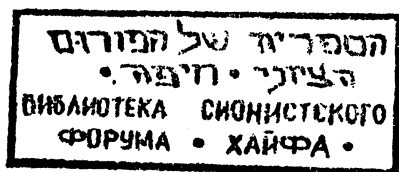
— А я женюсь.

— Я же говорю, что ты — дурак.

Хохот.

Фантастический закат над Джабал-Барук, похожий на тибетские полотна Рериха. Звоня колокольчиками, возвращаются в деревню коровы. Заученный инструктаж часовых, заступающих на ночное дежурство: "В любого человека или автомашину, которые попытаются приблизиться..."

Апрель — май 1984 года.

1560/2

עיריית חיפה
מערמת תרבות
מרכז חינוך
בית אודסה -
מס. מלא...

727

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1—2. Леон Юрис. ЭКСОДУС

3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ

4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ

5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ

6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА

7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ

8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)

9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ

10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии

11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО

12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ

13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ

14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я

16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД

17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея

19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ

20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ

22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ

23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК

24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)

25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН

28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1

29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2

30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ

31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ

32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА

33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ

34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк

35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА

36. И. Башевис-Зингер. РАБ

37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник.
И. Кауфман. БИБЛЕЙСКАЯ ЭПОХА.
Л. Финкелстайн. ЕВРЕЙСКАЯ ВЕРА И ПРЕТВОРЕНИЕ
ЕЕ В ЖИЗНЬ.
Ш. Эттингер. КОРНИ СОВРЕМЕННОГО АНТИСЕМИ-
ТИЗМА.

67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНый АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЕЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЫ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
 Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
 С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС – 1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов.
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ.
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ.
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ.
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2

102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ

104. Давид Шраер и др. В ОТКАЗЕ
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. ИЗБРАННОЕ

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
“БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

Наши книги можно заказать

также по адресу:

Р. О. В. 39298

61392 Tel-Aviv

ISRAEL

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография.
Пер. с иврита. В двух книгах.

М. Бар-Зохар (р. 1938) — единственный исследователь, кому Д. Бен-Гурион, первый глава Государства Израиль, дал полное право доступа к личному архиву, дневникам, письмам, согласился отвечать на поставленные ему вопросы. Книга (1980) — плод восьмилетнего труда автора — была с энтузиазмом встречена литературной критикой и стала бестселлером.

*Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ.* Пер. с англ.
В двух книгах.

Г. Шолем (1897—1982) — крупнейший исследователь каббалы и еврейской мистики вообще. Благодаря его неутомимым трудам, история каббалы и других мистических течений в иудаизме превратилась в серьезную науку и проливает новый свет на многие явления религиозной жизни еврейства.

Василий Гроссман. ИЗБРАННОЕ. Послесловие
и примечания С. Маркиша.

Жизнь и творчество советского писателя Василия Гроссмана (1905—64), имя которого в его стране почти забыто, а за пределами Советского Союза прежде не было известно вообще, — интересны и поучительны для самых разных людей. Среди аспектов творчества В. Гроссмана есть один, может быть, и не главный, но самый важный для издателей этого сборника — это еврейский аспект.